

КАЛИНИНГРАДСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
АКАДЕМИИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

КАЛИНИНГРАДСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
АКАДЕМИИ ВОЕННЫХ НАУК

В. Г. Егоров

ВАХТУ СДАЛ ИСПРАВНО

Книга первая

Калининград
2008

Владимир Григорьевич Егоров

ВАХТУ СДАЛ ИСПРАВНО

Книга первая

историко-биографическое издание

Егоров, Владимир Григорьевич.

Вахту сдал исправно: истор.-биограф. изд. [в 2 кн.]/В. Г. Егоров. – Калининград: ИП Мишуткина И. В., 2008 –

Кн. 1. – 2008. – 200 с.: [24 л.] ил., портр. – ISBN 978-5-98787-048-8. – [Б. ц.]. – 1000 экз.

УДК 355.353(470+571)(092)
ББК 68.53-243д(2Рос)

© В. Г. Егоров, 2008

© ИП Мишуткина И. В., оформл.

Редактор Т. Г. Тетенькина

Подписано в печать 11.11.2008 г.

Формат 60х90 1/8.

Гарнитура «Таймс». 25 печ. л.

Тираж 1000 экз.

Издательство «ИП Мишуткина И. В.»

236000, Калининград, ул. Генерала Озерова, 17 Б.

Тел./факс (4012) 571752, e-mail: te@kanet.ru

Отпечатано в типографии «СТАНДАРТУ СПАУСТУВЕ»,
Литовская Республика, LT-02189, Вильнюс, ул. Даряус и Гирено, 39.

ISBN 978-5-98787-048-8

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мне 70 лет, пора подвести итоги. В 2007 году мы — в прошлом курсанты теперь не существующего Высшего военно-морского училища инженеров оружия — собрались на 45-летие выпуска из... Высшего военно-морского училища имени М. В. Фрунзе. Именно это учебное заведение приняло нас на 4-й курс после расформирования ВВМУИО по распоряжению Н. С. Хрущева. Так

вот, на нашей встрече обнаружилось, что осталось только трое, не написавших очерки о своей службе и жизни. Одним из троих оказался я. Летом того же года у нас гостила семья нашего старшины курса в училище Михаила Владимировича Скуржина. Он привез набранный на компьютере сборник очерков. Прочитав его, пройдя по жизни с каждым из однокашников, я почувствовал, что не могу не быть и в книге вместе со всеми. И дал слово себе, а потом сказал и участникам вечера, что представляю свой материал в книгу, не задержу ее издание. Написал и отдал на суд своим друзьям в Санкт-Петербурге, где обосновалась большая часть из выпуска после завершения службы в Военно-Морском Флоте СССР. Трое друзей: М. В. Скуржин, А. С. Терентьев и доктор наук Ю. И. Стекольников — проработали материал и порекомендовали расширить рамки написанного, что я и согласился сделать.

Краткие биографические данные: родился 26 ноября 1938 года в Москве, в рабочей семье. Во время войны был эвакуирован вместе с родителями и сестрой в Тамбовскую область. Нас приютили родственники моей мамы. Сестренка, которой и года не было, умерла. Отец по инвалидности призыву не подлежал, и мы жили всю войну у родственников. После окончания войны возвращение в Москву не состоялось, так мы и остались жить в селе Александровка Никифоровского района Тамбовской области, приобретя небольшой домик в 1946 году. Родители Григорий Алексеевич и Мария Семеновна дали жизнь еще троим детям — сестрам Нине и Валентине, брату Александру. Я из детей — старший.

Родители похоронены в Тамбове, куда они переехали в 1970 году. Отец прожил ровно 70 лет, умер в 1984 году, мама пережила его на 15 лет. Мои сестры и брат получили высшее образование в Ленинграде. Они добросовестно работали всю жизнь, реализуя полученные в институтах знания, а теперь помогают своим детям воспитывать внуков. Наибольших успехов в работе добился брат, получивший два высших образования, ставший военным связистом. Его работа была напрямую связана с обеспечением руководства страны специальной аппаратурой по управлению силами и средствами обороны.

Детство у нас было, конечно, трудным. Всем было нелегко, не только во время войны, но и в послевоенные годы. Но трудности эвакуированных, — а в народе это литературное слово не употреблялось, называли нас беженцами, — были просто угрожающими. У живущих в селе всегда есть что-то про запас, а главное, есть спасительница любой семьи — корова. У нас же ничего не было. Благодаря самоотверженности родителей мы выжили в особенно тяжелом 1947 году, когда была засуха. Моей ежедневной обязанностью было нарвать крапивы на суп. Делал я это голыми руками, набивая немалый по размеру мешок. Никогда не уйдет из памяти, как на моих глазах мама отдала свое предпоследнее платье за ведро картошки, чтобы мы не умерли с голоду.

В таких условиях пришлось жить и учиться в двух школах — начальной и семилетней, которые были в селе. Средняя школа располагалась в десяти километрах от Александровки — в селе Екатеринино. С 8 по 10 классы осенью и весной в школу и домой ежедневно: на велосипеде — в любую погоду осенью и весной, зимой — на лыжах, а в суровые декабрь и январь приходилось жить на квартире.

Учителя были превосходно знавшие свое дело интеллигенты. Математику, физику, астрономию вел Денис Семенович Остроухов, а русский язык и литературу — его супруга Зинаида Тихоновна, оказавшиеся в этом селе в силу своего дворянского происхождения. Директором школы работала Клавдия Ивановна Шульчева, оставшаяся вдовой после без вести пропавшего на войне мужа Василия Ивановича, ушедшего на фронт добровольцем. Он тоже до войны учительствовал в этой школе. У них было трое детей. Когда я пришел учиться в 8 класс, с ней жили две дочери — Людмила и Ольга, сын Юрий уже закончил Воронежский сельскохозяйственный институт, имел семью и работал главным лесничим Моршанского лесхоза в Тамбовской области. Судьба подарила нам с Людмилой возможность быть вместе с 8 класса. Как говорила Зинаида Тихоновна, Людмилу должны были переболеть все мальчики в классе, как дети болеют корью: моя болезнь оказалась неизлечимой, и скоро будет полвека, как она является обоюдной.

После окончания школы мы с Людмилой уехали в Ленинград. Она поступила в педагогический институт имени А. И. Герцена, а мне не хватило одного балла для поступления на электромеханический факультет Горного института — подвели знания по химии. Я поступил в техническое училище № 15, освоил профессию токаря-универсала и работал затем на авиаприборостроительном заводе — почтовый ящик № 518. У Людмилы была подруга, Тоня Малофеева, работавшая лаборанткой на кафедре математики в Высшем военно-морском училище инженеров оружия. От нее я узнал о том, что есть такое учебное заведение, сведения о котором не публиковались в открытой печати. Тоня рассказала, что училище значится как войсковая часть 99060, готовит оно инженеров для военно-морского флота. Меня это увлекло гораздо больше, чем намерение двухлетней давности стать студентом Горного института. Посоветовавшись с товарищами по работе, преодолев сомнения в связи с неизбежной потерей свободы как в период учебы, так и в последующей службе, я подал документы в приемную комиссию. Выяснилось, что желающих поступить в 5 раз больше, чем должно быть принято. После сдачи экзаменов я оказался в числе зачисленных на минно-торпедный факультет, которым командовал Герой Советского Союза капитан 1 ранга Абрам Григорьевич Свердлов. В училище на должности заместителя начальника служил еще один Герой Советского Союза — капитан 1 ранга К. В. Казачинский. Их сыновья учились в этом же училище: Григорий Свердлов — на два курса старше нас, а Владимир Казачинский — на нашем курсе. Нам повезло с командиром роты — им был старший лейтенант Владимир Михайлович Сафонов, образец флотского офицера, наш защитник. Его судьба сложилась трудно — он был сыном репрессированного отца, сам находился в ссылке. После восстановления законности он попросил восстановить ему офицерское звание и разрешить пойти служить на флот. Как бережно он относился к каждому из нас! А нас было на первом курсе 84 человека... К выпуску осталась ровно половина роты.

Учили нас выдающиеся люди, о каждом из них можно написать много слов в превосходной степени, а можно просто назвать фамилию — и дальше пойдут рассказы о годах, равных кото-

рым уже никогда не будет. Мои друзья в своих очерках наиболее яркие эпизоды учебы и характеристики учителей дали, я не смогу написать лучше. Но одну фамилию все же назову — Виктор Денисович Остроухов, сын Екатерининских учителей. Бывает же такое — В. Д. Остроухов был у нас преподавателем, словно приняв эстафету от своих родителей, только в отличие от них он был офицером. А знания давал на уровне своего отца.

Учился я с большим желанием и старательностью. Это требовало много времени и системы самостоятельной подготовки. Тут как нельзя кстати был продуманный жесткий распорядок дня, который к тому же хорошо контролировался. На 4-м курсе, когда нас перевели в Высшее военно-морское командное училище имени М. В. Фрунзе, мне выпала честь быть приборщиком кабинета заместителя начальника факультета дважды Героя Советского Союза капитана 1 ранга Александра Осиповича Шабалина. Прекрасный человек, скромный и даже застенчивый, он ко мне относился настолько доверительно, что дал возможность заниматься во время самоподготовки в его кабинете. Теперь я мог продуктивно работать в тишине. Пройдет немало времени — и мной будет организовано присвоение имени «Александр Шабалин» большому десантному кораблю Балтийского флота, который и сейчас в боевом составе 12-й дивизии надводных кораблей.

19 июня 1960 года мы с Людмилой поженились. Свадьба была на квартире Володи Иванова — нашего однокурсника. Организовали и подарили ее нам курсанты нашего класса на свои скромные средства и с огромным набором юмора, шуток. В каждую годовщину мы, вот уже с полвека, погружаемся в ту атмосферу веселья — может быть, еще и потому, что наша свадьба была первой на курсе.

За 5 лет учебы мы стали одной семьей. Каждый из нас нуждался друг в друге во времена и радостные, и огорчительные. Взаимовыручка была нормой, иногда ее параметры были и рискованными, но чаще всего оправданны обстоятельствами. Когда настало время расставаться, мы словно осиротели.

Прошли десятилетия самостоятельной жизни, службы и работы. Все мы состоялись в военно-морской службе, которую несли в интересах Советского Союза. В ВМФ Российской Федерации служил один я, ставший последним командующим Балтийским флотом СССР и первым командующим Балтийским флотом Российской Федерации. Из живущих сейчас 32 выпускников — 4 доктора наук, 11 кандидатов. Все мы сохранили работоспособность и почти все — востребованность. Дружба осталась крепкой и с возрастом все более ценимой. «Штаб» нашего объединения по-прежнему находится в Санкт-Петербурге, руководит им все годы Михаил Скуржин с супругой Галей, дай Бог им доброго здоровья, благополучия и долгой жизни.

С 2000 по 2005 год я имел честь быть главой администрации (губернатором) Калининградской области. Близкие мне люди попросили написать об этой пятилетке. Я согласился, и с учетом своего осмысления сделанного за эти трудные и интересные годы представляю и вторую часть книги. Обе части написаны на основе фактического материала, который я использовал в ограниченном объеме, достаточном для понимания существа дела.

Благодарю за помощь в подготовке книги к печати: И. В. Темереву и В. М. Шумай, которые взяли на себя труд печатания материала; А. С. Корецкого, Б. Р. Домбровского, В. П. Жданова, Т. Н. Студенецкую, О. Е. Дубовую, В. А. Васильева, В. Н. Апановича, А. А. Замятина, В. И. Полещенкова, Л. И. Сергеева, Ю. Л. Богомолова, С. Х. Батова, Г. Н. Себова, В. В. Пирогова, М. А. Цикеля, Г. З. Бунатяна, исследованиями которых за 2000—2005 годы я пользовался; ученых Калининградского регионального отделения Академии военно-исторических наук доктора военных наук, профессора, заслуженного работника высшей школы РФ капитана 1 ранга Б. М. Амусина, доктора военных наук капитана 1 ранга Ю. Г. Сопина, кандидата военных наук, доцента И. Н. Кинякина; полковника Е. М. Крепака, В. В. Лучникову — за ценные советы по улучшению изложения материала рукописи.

«КАДРЫ РЕШИЛИ — ВСЁ!»

1962 год. В числе 42 выпускников минно-торпедного факультета Высшего военно-морского училища имени М. В. Фрунзе я получил то, что полагалось: диплом с квалификацией «военный инженер-электромеханик», погоны лейтенанта и кортик. Было и особое мое — «Золотая медаль за отличное окончание военного вуза» с занесением имени на мраморную Доску училища. Таких выпускников-медалистов в 1962 году было всего трое. Медаль давала одно преимущество — право выбора места службы. Не раздумывая, принял решение начать службу на Северном флоте. До этого было большое желание остаться в адъюнктуре училища, чтобы через три года защитить кандидатскую диссертацию и связать свою судьбу с наукой. Мне нравились военные ученые вообще и конкретные представители науки, с которыми мы были ежедневно связаны в течение пяти лет. С руководителем моего дипломного проекта В. В. Рогальским мы обратились даже к начальнику политотдела училища контр-адмиралу М. Смирнову, но получили от него рекомендацию: послужить на действующем флоте года три, набраться опыта, а потом заняться наукой.

В управление кадров Северного флота я прибыл вместе со своим другом В. А. Карпунцом. Оба мы попросили направить нас на подводные лодки. У нас была большая уверенность, что нам предоставят такую возможность — ведь перед защитой диплома мы проходили стажировку в должности командира минно-торпедной боевой части подводной лодки.

Однако мы испытали первый холодный душ в своей офицерской службе. Нам сказали: «Мест на подводных лодках нет». Определили для службы на надводных кораблях, которые еще только строились в Калининграде. Жить разместили в кубрике эсминца, находившегося в консервации. Питаться определили на противолодочном корабле «ПЛК-5». Так мы стали по документам командирами минно-торпедных и артиллерийских боевых частей противолодочных кораблей: я — «ПЛК-32», Виталий Карпунец — «ПЛК-39».

Моим первым командиром корабля стал капитан-лейтенант В. С. Горелов. Правильнее сказать, командиром формирующегося экипажа будущего корабля. Формирование экипажей проводилось из состава экипажей эскадренных миноносцев. Строящиеся корабли имели совершенно другую технику, кроме штурманской боевой части, которая на противолодочных кораблях почти не отличалась от таковой на других надводных кораблях. Поэтому задача комплектования сводилась в основном к подбору дисциплинированных матросов и старшин. Из них потом мы должны были подготовить специалистов.

За годы моей службы приходилось многократно заниматься формированием экипажей новостроящихся кораблей. Это важнейший этап в судьбе корабля. Требование к комплектованию было

самое верное — направлять лучших специалистов. При всем старании выполнить это требование очень сложно, даже когда экипаж формируется из экипажей однотипных кораблей. Любой командир корабля лучшего специалиста не отдаст на «новостройку», и его понять можно.

А когда осваиваются совершенно новые проекты кораблей, то на первое место при оценке людей выходит их дисциплинированность и уже потом — способность освоить новую технику. Поскольку на 820-м (теперь Прибалтийский судостроительный завод «Янтарь») строилось сразу пять кораблей проекта 35, то подобрать полтысячи человек было делом действительно сложным.

Занимаясь комплектованием экипажа, мы изучали корабли, на которых предстояло служить. В 130-й бригаде противолодочных кораблей Северного флота таковых было два — «ПЛК-5» (командир капитан 3 ранга А. С. Филановский) и «ПЛК-14» (командир капитан 3 ранга М. Л. Рубинштейн) проекта 159. Отличие этого проекта от того, на котором нам предстояло служить, было только в электромеханической установке. Поэтому свою технику БЧ-2-3 можно было осваивать в полном объеме. Нам самим еще предстояло стать специалистами. Полученная в училище хорошая инженерная подготовка позволила быстро освоить комплекс противолодочного вооружения, чуть с большим трудом — артиллеристское вооружение (АК-726). Мы видели очень большое внимание к новым кораблям — первым газотурбинным в Советском Военно-морском флоте — со стороны командования Северным флотом. Это было видно, прежде всего, на подборе кадров. Командиром 130-й, еще только формирующейся бригады, был капитан 1 ранга Ефим Михайлович Рудой, начальником штаба — капитан 2 ранга Юрий Викторович Крылов — прекрасные противолодочники. Они и подбирали достойных командиров кораблей, лучших противолодочников Северного флота.

В проявлении заботы и беспокойства о кораблях 130-й бригады нам пришлось убедиться во время действий глубокого циклона, когда корабли других соединений флота получили повреждения, а один — сторожевой корабль проекта 50 — был стихией оторван от причала и выброшен на берег. «ПЛК-5» и «ПЛК-14» пережили циклон без повреждений благодаря своевременно принятым мерам командованием бригады и кораблей. В течение всего времени действия циклона в работе находились подруливающие устройства кораблей, что компенсировало действие ураганного ветра. Несколько раз на причал прибывал командующий флотом адмирал В. А. Касатонов, убеждался в надежности принятых мер по обеспечению безопасности кораблей.

Лучшей школы для нас — молодых лейтенантов — нельзя было бы и желать.

И все-таки трудно было жить с погашенной мечтой о службе на подводных лодках. Вечерами в кубрике эсминца мы с Виталием Карпунцом с грустью вели разговор о том, что, наверное, нам придется согласиться с решением кадровиков флота. Пожалуй, мне было обиднее, так как они не приняли в расчет даже мою золотую медаль.

Надумали мы все же предпринять отчаянную попытку — обратиться к командующему флотом с просьбой направить нас служить на подводные лодки. Как это ни покажется странным, нас записали на прием. В назначенное время адмирал В. А. Касатонов принял нас в присутствии руководителей управления кадров флота. Мы рассчитывали, что адмирал — подводник — даст нам «зеленый свет» на лодки. И не ошиблись! В ответ на нашу просьбу он сказал кадровикам, чтобы подыскали место для будущих подводников.

Радостные, мы возвращались в бригаду. На причале нас уже ожидал начальник штаба бригады капитан 2 ранга Ю. В. Крылов.

— Откуда идете? — спросил он.

— С приема у командующего флотом, — ответили мы.

— Зачем ходили, и кто разрешил?

— Ходили, чтобы доложить командующему флотом о желании служить на подводных лодках. Записались сами. Разрешения ни у кого не спрашивали. Командующий флотом дал поручение подобрать нам места службы на лодках.

— Что ж, раз командующий принял такое решение... Но до его реализации продолжайте служить в бригаде, — сказал Ю. В. Крылов.

...Прошло две недели, и наши экипажи отправили в Калининград, в 67-й ОДСНК — отдельный дивизион строящихся и ремонтирующихся кораблей. Вот тогда мы убедились в справедливости перефразированной формулы: «Кадры решают все». На флоте утвердилась другая формулировка: «Кадры решили — все!» В отношении меня она сработала блестяще. И я благодарю капитанов 1 ранга Зуева и Караушева — офицеров управления кадров Северного флота, которые определили мой служебный путь.

Итак, мы в Калининграде, в 67-м ОДСНК, где командиром — капитан 2 ранга Г. С. Черкасов, начальником штаба — капитан 3 ранга В. Н. Безносков. Разместили экипаж в казармах на ул. Суворова. До заселения экипажа на корабль служба шла по отработанной в дивизионе системе, в которой главными элементами были: занятия по специальности, политехнические занятия, подготовка документации, начиная от оформления книги корабельных расписаний и завершая формированием комплекта книжек «Боевой номер».

Бытовые условия размещения экипажей, грамотные дивизионные специалисты, опытные начальники учебных кабинетов, хороший набор пособий, литературы обеспечивали плановую подготовку к вселению на корабль. Волнующее это событие — соединение корабля и его экипажа. Корабль с этого момента становится живым организмом. Какая судьба его ждет, чем будет эта частичка Родины в море и океане — зависит от первого экипажа, от командира корабля — «центральной фигуры на флоте». Именно такое определение дал командиру Главного командующий ВМФ СССР Адмирал Флота Советского Союза С. Г. Горшков.

Организация службы и быта на корабле, только что принявшем экипаж, дело сложное и ответственное. Несколько дней организационного периода — и постепенно все налаживается. Выстраиваются деловые отношения на всех уровнях со строителями корабля и формирующейся на заводе сдаточной командой, завершаются достроечные работы, начинаются швартовные испытания. Недалек тот день, когда корабль впервые даст ход и начнутся ходовые заводские, затем государственные испытания. В завершение — ревизия и сдача корабля флоту. Тысячи кораблей проходят этот путь, и у всех он чем-то да отличается.

Корабль, на котором началась моя служба, назывался противолодочный корабль № 32 («ПЛК-32»). Заводской номер его — 169, т. е. тринадцать в квадрате. Моряки в большинстве своем не любят число 13. А тут 13 да еще в квадрате. И есть моменты в биографии «ПЛК-32», подтверждающие недобрую славу этого числа. Назову некоторые из них.

Воскресный день. Работы на корабле почти не ведутся. Экипаж отдыхает. В районе носовой башни лежит 20-тонная заготовка валолинии. Она используется для проведения испытаний по нагрузке корабля при диферентовании. Краном за тонкий трос, закрепленный на оконечных фланцах заготовки, она поднимается метра на два, трос не выдерживает, болванка падает на палубу, проминая ее как бумагу; порванная сталь заворачивается в рулон в районе койки, на которой отдыхает матрос Сухой. Хорошо, что он не спал и, быстро среагировав, соскочил с койки. Не пострадал, а страх пришел лишь потом. Хотя повреждения верхней палубы были существенные, но допуски посадки артустановки оказались в пределах нормы. Все обошлось, лишь на верхней палубе были, в отличие от других кораблей, дополнительные сварочные швы в местах вырезов поврежденных листов, которые заменили новыми.

И еще один неприятный случай. На кораблях проекта 35 приемо-излучающие системы гидроакустических станций «Титан» и «Вычегда» располагались в подъемно-опускном устройстве «ПОУ-КБ». Идет докование корабля, двое рабочих завода находятся внутри «ПОУ-КБ», которое зафиксировано в поднятом положении. Внезапно фиксаторы уходят в технологические углубления, «ПОУ-КБ» с рабочими падает на стапель-палубу. Надо было видеть их лица... Получил повреждения титановый корпус «ПОУ-КБ». Техника от завода еще не была принята, и заводские специалисты устранили все повреждения. Рабочие, к счастью, серьезно не пострадали.

Самое тяжелое на корабле — пожар. Не обошла эта беда и нас. Речь не идет о возгораниях — их на любом строящемся корабле немало, они быстро ликвидируются благодаря отработанным действиям, обеспечивающим сварочные работы. Пожар на «ПЛК-32» произошел в последний час государственных испытаний. Корабль загерметизирован, идет полным ходом к Балтийску. Я — вахтенный офицер. Поступает доклад командира электромеханической боевой части капитан-лейтенанта Е. П. Горбача с поста энергетики и живучести: «Пожар в газотурбокомпрессорном отделении». Командир корабля капитан 3 ранга В. С. Горелов (он находится рядом со мной в ходовой рубке) отдает приказание: «Ликвидировать пожар». Я дублирую приказание в ПЭЖ. Через короткое время идет доклад с более тревожной интонацией: «Пожар усиливается». От командира корабля поступает приказание: «Приготовить к включению станцию ЖС». После выполнения необходимых действий по приготовлению к работе станции жидкостного тушения пожара и герметизации ГТК, после получения доклада об этом на ГКП корабля командир корабля отдает приказание: «Включить ЖС!» Все находящиеся на ГКП — в тревожном ожидании результатов. Как гром среди ясного неба звучит доклад командира БЧ-5: «ЖС не включается»...

Только через час пожар удалось ликвидировать. Сгорело полностью газотурбокомпрессорное отделение и выведены из строя обе газовые турбины по 20 тысяч лошадиных сил каждая. В течение месяца все металлоконструкции были восстановлены на заводе, с очередного корабля сняты и смонтированы на «ПЛК-32» газовые турбины. Корабль прошел ревизию и был подготовлен к передаче флоту.

В процессе испытаний кораблей проекта 35 на Балтике выяснилось, что из-за большой заливаемости ГТК они не могут эксплуатироваться на Северном флоте. Всю серию кораблей, построенную на 820-м заводе, оставили на Балтийском флоте, один корабль передали Черноморскому флоту. Так я стал офицером Балтийского флота. Виталий Карпунец добился перевода на СФ, где и прошла вся его служба. В звании капитан 1 ранга он уволился в запас и уехал в Харьков.

После передачи нашего корабля в состав 269-го дивизиона противолодочных кораблей (командир дивизиона капитан 2 ранга М. Л. Рубинштейн) 64-й бригады кораблей охраны водного района (командир бригады капитан 1 ранга В. В. Сидоров) Балтийской военно-морской базы (командир базы вице-адмирал В. И. Касьянов) началась плановая отработка курсовых задач. Бывали при этом и неприятные моменты. О двух из них помнится особо.

...Стоим на якорю на рейде Балтийска. Я — вахтенный офицер. Ночь, команда отдыхает. Командир корабля, капитан 3 ранга В. С. Горелов, проинструктировав меня, лег отдохнуть в каюте. Постепенно ветер усиливается. Слежу за местом корабля по визуальным пеленгам. Начинается дрейф корабля. Сделав несколько обсерваций, определив направление и величину дрейфа, потравив якорь-цепь, докладываю командиру корабля. Он приказывает потравить якорь-цепь дополнительно и, если дрейф не прекратится, доложить ему. Потравили якорь-цепь, дрейф прекратился. Утром снимаемся с якоря по сигналу флагмана, а... якоря-то нет. Тогда потеря якоря считалась примером плохой морской практики. Близко подошедший на флагманском ко-

рабле командир бригады капитан 1 ранга В. В. Сидоров в традиционно популярной флотской форме через мегафон разъяснил нам, какие «сидоровы козлы» служат на «ПЛК-32». Опять 13 в квадрате, хотя теперь мы уже не оперируем заводским номером, а работаем тактическим.

После отработки совместных с другими кораблями задач корабельная поисково-ударная группа получила задачу выйти в Атлантический океан с попутным поиском подводных лодок вероятного противника и выполнением боевых упражнений. Это был первый выход кораблей проекта 35 в океан. Командиром похода был командир дивизиона капитан 2 ранга М. Л. Рубинштейн. Благополучно обогнув Великобританию, корабли возвращались в базу. В Северном море мы попали в шторм. Корабли хорошо переносили качку. Но слабым элементом у 35-го проекта были компенсаторы масляных систем главных дизелей. И, конечно, именно у нас лопнул компенсатор, масло вытекло в трюм. Корабль лег в дрейф. С большим трудом и риском удалось восстановить масляную магистраль. Пока велись работы в машинном отделении, подошедший на флагманском корабле на голосовую связь капитан 2 ранга М. Л. Рубинштейн среди прочих рецептов дал и такой: «Горелов, смени фамилию». Все поняли эту шутку, опять вспомнив и число 13.

Трудной была служба на этих кораблях. Экипаж небольшой — 102 человека, офицеров по штату — 9 человек, фактически — всегда был некомплект. Заведование у каждого большое. Например, всё вооружение корабля находилось в заведовании у командира БЧ-2-3 с категорией «старший лейтенант». И хотя со временем БЧ-2-3 была разделена на две боевые части: БЧ-2 и БЧ-3 (именно тогда по штату стало 9 офицеров), — из-за нехватки офицеров (на 14 кораблей дивизиона было всего два офицера-артиллериста) на большинстве кораблей всем вооружением по-прежнему командовал один офицер.

При отработке задач боевой подготовки нагрузки выдерживались, хотя в сутки удавалось поспать не более четырех часов. Хорошие результаты сдачи курсовых задач, особенно выполнение огневых упражнений, успешные поиски подводных лодок, длительное поддержание с ними гидроакустического контакта компенсировали физическую усталость и поддерживали хорошее настроение. Сложнее нам приходилось при несении двух видов дежурств корабельными поисково-ударными группами (КПУГ) в базе — по противолодочной и противовоздушной обороне. Дежурство недельное, смена в пятницу. Нередко бывало так, что, сменившись с ПЛО, корабль в составе КПУГ заступает на дежурство по ПВО. Сход всех категорий личного состава на берег при несении дежурства был запрещен. Месяцами офицеры не имели возможности видеть семьи. Даже телефонной связи не было. Лишь спустя десятилетия этот режим был изменен, при этом эффективность дежурств не ухудшилась.

Как видно из этих лаконичных описаний службы, даже без перечисления дополнительных нагрузок на офицеров корабля, можно было успеть сделать все необходимое по кругу обязанностей лишь при тщательном планировании времени и совершенствовании практических навыков управления. Служба на корабле 3 ранга закаляет офицера и проверяет его на прочность. Выдержишь этот напряженный ритм — можешь рассчитывать на успех в дальнейшей службе. Перед нами, корабельными офицерами, был живой пример — командир дивизиона капитан 2 ранга М. Л. Рубинштейн. Удивительно, как он успевал все делать при отсутствии в штате начальника штаба. Никто никогда не видел его уставшим, в плохом настроении. До всего он доходил основательно при работе в береговых условиях. В море, казалось, без акустики он видел подводную лодку и обязательно выводил на нее корабли. Повезло нам служить под командованием лучшего противолодочника флота.

ПРОЩАЙ, НАУКА

Проходя службу на корабле, особенно в период нахождения экипажа в казарме, я выбирал время для реализации своего намерения поступить в адъюнктуру. Сдал кандидатский минимум. Периодически интересовался обстановкой в училище имени М. В. Фрунзе. Определенностей с поступлением становилось все меньше. Мне уже несколько раз предлагали стать помощником командира корабля в 269-м дивизионе. Я осознавал, что путь мне в науку отрезан. Обсудив с женой складывающуюся обстановку, я принял решение прекратить попытки поступить в адъюнктуру, а сосредоточиться на корабельной службе, отдав предпочтение специальной линии, не командной.

В один из летних дней 1965 года на причале, где был ошвартован наш корабль, со мной побеседовал офицер отдела кадров Балтийского флота Николай Николаевич Симонов. Он предложил мне должность командира минно-торпедной боевой части сторожевого корабля проекта 61 «Славный». В последующем этот проект был классифицирован как большой противолодочный корабль (БПК). Корабль строился в Ленинграде на заводе имени А. А. Жданова (теперь «Северная верфь»). Я согласился не раздумывая. Корабль проекта 61 под названием «Образцовый» стоял у причала 67 — как раз напротив 69 причала, где базировался наш корабль. Этот корабль-красавец у всех нас вызывал восхищение. По прямой корабли разделяло всего 100 метров водного пространства. Но как далеко было нашему кораблю до архитектурного совершенства «Поющего фрегата», как его называли английские моряки.

В служебном плане это была весомая ступенька. Категория — капитан-лейтенант, оклад на 20 рублей больше, минно-торпедное вооружение почти такое же, как и на проекте 35. Готовясь к переводу на «Славный», я комплектовал основной блок документов, вплоть до собственноручно написанных книжек «Боевой номер» на основе моего трехлетнего опыта службы на корабле проекта 35, что действительно пригодились при подготовке организационной документации БЧ-3 проекта 61.

В сентябре 1965 года наш экипаж, скомплектованный в 128-й бригаде ракетных кораблей, под командованием капитана 2 ранга Л. Р. Евдокимова прибыл в Ленинград, разместился в казармах 13-й бригады строящихся и ремонтирующихся кораблей (БСРК) на площади Труда.

Пройдя школу в 67 ОДСНК в Калининграде, легко было вписаться в аналогичный режим в 13 БСРК. На заводе имени А. А. Жданова чувствовалась большая гордость за свое детище — первые корабли 2 ранга с газотурбинными установками! Их строительство держал на контроле ЦК КПСС. На «Славном» в период завершения строительства побывал член Политбюро ЦК КПСС М. А. Суслов. В то, советское, время это говорило о многом.

В 1966 году корабль вышел на испытания по уже отработанной программе. Все шло хорошо, кроме ракетных стрельб. Было произведено 16 пусков ракет «В-600». Все они оказались неудачными, т. е. ракеты даже не доходили до цели. Я во время ракетных стрельб всегда стоял вахтенным офицером и своими глазами видел падающие ракеты. Что только не проверяли лучшие специалисты заводов, а причину найти не могли. Помощь пришла от недисциплинированного фотографа. Режим секретности исключал съемку момента пуска ракет. Но очень впечатляющая картина побудила фотографа из экипажа корабля запечатлеть один из пусков. Фотография попала в руки соответствующих специалистов, и на ней было четко видно, что ракеты сходят с пусковой установки с нераскрытым хвостовым оперением. Дальнейшее исследование показало, что стяжная проволока, удерживающая хвостовое оперение в сложенном виде, не перерезается ножом, находящимся в направляющей балке. Устранили дефект, и первый же пуск

ракеты прошел по штатному варианту. Все вздохнули с облегчением. Корабль был передан флоту и вошел в состав 128-й бригады ракетных кораблей (БРК).

Служба на корабле 2 ранга по сравнению с кораблем 3 ранга была намного легче. Это классический вариант корабельной службы. Мы все успевали сделать, и даже сход на берег был упорядочен так, что офицеры могли заранее знать свой резерв времени на месяц вперед. Хорошим организатором службы был опытный старший помощник командира капитан 3 ранга С. Я. Копченков. Умело и творчески вел воспитательную работу заместитель командира корабля по политчасти капитан 3 ранга В. С. Керов. Большим авторитетом пользовался командир корабля капитан 2 ранга Л. Р. Евдокимов. Особенно красиво он швартовался. Видно было, что ему нравится так выполнять маневр, чтобы тот соответствовал его расчетам. По характеру несколько застенчивый, он был в некоторой тени по сравнению с другими командирами. Но мы знали и ценили своего командира.

Коммунисты корабля избрали меня секретарем парторганизации. Доверие я старался оправдать, внося свою лепту в формирование коллектива офицеров, поскольку парторганизация в 1966 году в основном состояла из них. Мы еще только начинали завоевывать позиции среди кораблей бригады, и сплоченность офицерского коллектива была основой достижений всего экипажа. Мы дорожили сложившейся атмосферой взаимоотношений среди офицеров. Она была доброжелательной, уважительной, с неизменным кают-компанейским юмором. Часто я оставался за старшего помощника командира корабля. На первых порах это меня смущало, но служба быстро все ставит на свои места. Моя работа была замечена, командир корабля предложил мне подумать о службе по командной линии. Наверное, никогда еще я не стоял перед таким кардинальным изменением служебной карьеры. Уже 10 лет (5 лет в училище и 5 лет службы на кораблях) я всегда был устремлен на работу с оружием и меньше времени уделял тактической стороне профессии. Но корабельная служба формирует офицера-управленца, здесь ты у всех на виду, и оценивают тебя объективно. Я решился ответить командиру согласием продолжить службу по командной линии. Предполагаю, что Л. Р. Евдокимов намеревался предложить мне должность старшего помощника на БПК «Славно». Мы знали, что С. Я. Копченков планируется к переводу с продвижением по службе.

Это был уже 1967 год. Как известно, решением руководства страны после «Шестидневной войны» между Израилем, с одной стороны, Египтом, Сирией и Иорданией — с другой, была сформирована 5-я эскадра кораблей ВМФ. Она несла постоянную службу в Средиземном море в противовес 6-му американскому флоту, который «прописался» там после окончания Второй мировой войны. Эскадра комплектовалась кораблями трех флотов: Черноморского, Балтийского, Северного. Первый состав эскадры был сформирован черноморцами. Балтийцы были вторыми, они должны были сменить черноморцев в сентябре 1967 года. В числе кораблей Балтийского флота на подготовке к выходу на боевую службу находился и БПК «Образцовый», командиром которого был назначен капитан 3 ранга Джеймс Константинович Чулков, который до этого служил в должности старшего помощника командира этого корабля. Командир корабля капитан 2 ранга Владимир Иванович Власов, совсем недавно сдав дела и должность, убыл для продолжения службы в Военно-морскую академию. Должность старшего помощника командира, таким образом, оказалась вакантной. За пять дней до выхода на боевую службу командир 128-й бригады капитан 1 ранга О. П. Грумбков объявил мне, что я назначен старпомом к Д. К. Чулкову. 4 сентября 1967 года началась моя служба на большом противолодочном корабле «Образцовый». 9 сентября 1967 года корабль в составе отряда вышел из Балтийска. С этого дня и началась многоплановая работа на БПК по решению задач боевой службы в составе 5-й эскадры кораблей ВМФ СССР. Корабли эскадры должны были быть готовы к любым действиям по сво-

ему предназначению. Это требовало тщательнейшей подготовки в базе. В этот первый (и последний) раз корабли готовились аврально. Недостатки подготовки были видны мне как новому человеку на корабле острее, чем офицерам, уже служившим на «Образцовом». Пользуясь тем, что у меня на этой боевой службе была возможность не нести командирскую вахту, я все внимание сосредоточил на организации несения службы, жестко вгоняя ее в расписание общекорабельных и специальных вахт. Присутствуя на каждом разводе вахт (через 4 часа), изучал людей и несение ими вахты непосредственно на местах. Учился сам тому, чего не знал, или знал поверхностно. Там, где видел небрежности, добивался устранения их и закрепления порядка, определенного корабельным уставом и специальными инструкциями. Я чувствовал понимание экипажа, а для меня — нового человека на такой должности — это было очень важно.

Беда застигла нас в Бискайском заливе. Во время проведения регламентных работ на гидроакустической станции получил смертельное поражение электрическим током матрос Владимир Курташкин. Хоронили Володю по старому морскому обычаю — в водах Бискайского залива. Никогда не уйдет из памяти эта потрясающая церемония. Матери матроса позже, после возвращения корабля, была отправлена карта с указанием координат, где произведено захоронение, и матросская форма одежды. Командованием ВМФ впоследствии было принято решение погибших (умерших) в море не хоронить, с оказией отправлять на Родину и производить захоронение по решению родственников покойного.

Конечно, после такого происшествия были приняты дополнительные меры безопасности на всех постах обслуживания техники и оружия. Своей гибелью Володя Курташкин многим помог избавиться от расхлябанности и легкомысленного обращения со своим заведением. Тщательнее и строже стали спрашивать офицеры со своих подчиненных. Пока это еще был переход в зону ответственности 5-й эскадры ВМФ. Основные задачи предстояло решать в более сложной обстановке. В положении о несении боевой службы ей было дано определение как выполнение боевой задачи. А значит — нет никаких послаблений никому. Не берется в расчет отсутствие опыта в решении задач, поставленных 5-й эскадре. Все, что мы знали в теории, теперь должно найти реальный выход в практических делах.

Внимательно изучив поставленные кораблю задачи, мы поняли, что многое нами отрабатывалось на Балтийском флоте. Таким образом, мы знаем и умеем выполнять то, что от нас требуется. Действительно новой задачей было слежение за авианосной многоцелевой группой. Первый опыт мы приобрели при слежении за авианосцем «Рузвельт», который был направлен из метрополии с еще не полностью завершенным циклом подготовки авиакрыла. Нам представилась возможность провести уникальную для того времени разведку деятельности АМГ в течение длительного периода, как техническими средствами, так и визуально, сближаясь с АВМ при слежении за ним на скорости хода до 30 узлов на дистанцию до двух кабельтовых. Было много рисков, но предельная собранность экипажа во главе с командиром позволила многое узнать, проанализировать и выйти на более рациональные и менее опасные методы слежения без уменьшения качественных параметров разведки.

Работа Д. К. Чулкова вызывала большое уважение. Он сам много учился и многому научил нас. В первую очередь отношу это к себе, т. к. все офицеры «Образцового» были хорошо обучены исполнению своих должностных обязанностей в условиях Балтийского морского театра, и в Средиземном море лишь требовалась корректура при несении службы с учетом требований 5-й эскадры ВМФ. Мне же приходилось осваивать должность старпома на новом для меня корабле у молодого командира в условиях боевой службы.

Д. К. Чулков показывал пример системности в работе и службе. Он досконально знал устройство корабля, боевую и повседневную организацию, деловые качества офицеров, старшин и

многих матросов. Командир корабля ежедневно вел записи в рабочих тетрадах, приучил он к этому и офицеров. К каждому мероприятию командир тщательно готовился, конспективно излагая теоретические материалы и делая упор на практические вопросы. Первая боевая служба позволила нам оказаться в той атмосфере, в которую стремится каждый морской офицер, тем более командир корабля. Впервые мне пришлось видеть Д. К. Чулкова в острые моменты, когда он отстаивал свою командирскую позицию перед штабом соединения, находившемся на корабле. Не обходилось и без резкостей, но убежденность командира оказывалась более значительной, чем у его оппонентов, и спор решался в пользу общего дела.

Взаимоотношения среди военных находятся в рамках субординации. Нередко эти поведенческие правила распространяются и на профессиональные вопросы. Уроки Д. К. Чулкова, не поступавшего вопреки своей принципиальной позиции, мной были усвоены на всю последующую службу. Твердость командирской позиции базировалась не на особенности характера, а на авторитете корабля. Командир знал цену себе и кораблю. И когда это заработано самоотверженным трудом, позиции не сдаются более высоким инстанциям.

За время боевой службы мы впервые побывали в иностранных портах. Первый деловой заход был в порт Сплит тогдашней Югославии на пять суток. Отношение к нам командования Военно-морского флота Югославии, местных властей и населения было очень хорошим. Участники войны, партизаны специально приходили на корабль, чтобы пообщаться с советскими моряками. Такие встречи с полным основанием можно охарактеризовать словами «военное братство».

Все члены экипажа побывали на берегу, смогли приобрести сувениры. Некоторым группам была предоставлена возможность посетить предприятия, увидеть современные производства, узнать о системе почасовой оплаты труда рабочих, социальных гарантий и других элементах жизнеобеспечения населения, отличных от тех, что были в Советском Союзе. Много было нового, интересного.

С учетом резко изменившейся обстановки стоянка в порту Сплит была прервана, кораблю было приказано максимальной скоростью следовать в Порт-Саид (египетский порт), совместно с другими кораблями занять место по диспозиции в акватории порта. Быстро завершив все формальности, сократив стоянку на сутки, мы вышли из гостеприимного Сплита и со скоростью 30 узлов за сутки покрыли расстояние до Порт-Саида. Войдя в порт, приступили к выполнению боевой задачи совместно с другими кораблями по предотвращению внезапного нанесения авиационного удара по 250-тысячному городу. Первые пять суток прошли в большом напряжении экипажей, особенно в ночное время. Нашему кораблю была поставлена задача открывать огонь на поражение воздушных целей, идущих на корабль с приближением на дистанцию 30 км. Наблюдение за воздушной обстановкой велось непрерывно, и воздушные цели были. Причем, их скорости были равны скорости вертолетов. Цели были групповыми — до пяти с одного направления. Появлялись они перед заходом солнца и отмечались в первую половину ночи. Направление движения — на корабль. На дистанции 35—30 км отметки целей становились размытыми, а затем исчезали с экрана радиолокационных станций кругового обзора и стрельбовых станций системы «Ятаган» ракетных комплексов. Все происходящее мы относили к действиям израильских военно-воздушных сил. Мы считали, что вертолеты уходили на меньшую высоту на рубеже 35—30 км, чтобы выйти на рубежи нанесения ударов, находясь вне поля наблюдения радиолокацией кораблей в Порт-Саиде. О коварстве и мастерстве израильских летчиков мы уже знали из аналитических документов по «Шестидневной войне». К тому же, мы находились в девяти километрах от порта Фуад, где проходила линия фронта, своими глазами видели результаты действий ВВС Израиля. Мы предполагали, что израильтянам известно о

поставленном нам рубеже выполнения огневой задачи, что они специально провоцируют нас, зная, что в Порт-Саиде среди кораблей отряда единственный наш — с ракетными комплексами.

Цели исчезли — а можно ли давать отбой боевой тревоги? Где гарантия, что по кораблю не нанесут удар? Еще выжидаем некоторое время, командир принимает решение понизить готовность до № 2.

Спустя какое-то время снова появляются воздушные цели, опять объявляется боевая тревога. На пятые сутки рождается догадка: а может, это не израильские вертолеты, возможно, природные явления? Все многократно проанализировав, сходимся на том, что это сформировавшиеся облака, которые дают отметки, не отличающиеся от реальных воздушных целей и перемещающиеся со скоростью ветра. С осторожностью перешли на более щадящий режим реагирования.

Постепенно адаптировавшись к обстановке, мы получили возможность увольнять людей в город, где они познавали особенности Порт-Саида как крупного портового города, его жителей и воинов вооруженных сил Египта, патрулировавших улицы с автоматами Калашникова.

Когда мы заходили в Порт-Саид, встречали нас на внутреннем рейде многие сотни людей на десятках различных плавсредств. Со всех сторон несло: «Насер — Подгорный — хорошо!» Президент Египта Г. А. Насер и Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный олицетворяли собой ту дружбу наших стран, которая спасла Египет от катастрофы благодаря позиции Советского Союза. Первые моряки, сходявшие на берег, по возвращении на корабль рассказывали о дружеских чувствах арабов, готовности угостить соком из свежесжатых апельсинов прямо на улице и кое-чем покрепче. Их всех интересовал вопрос: «Когда начнется война с Израилем?» На недоуменные вопросы наших моряков, почему они спрашивают об этом, следовал обескураживающий ответ: «Ну, ваши корабли-то пришли, пора начинать войну». Но особенно дико было слышать предложения арабских солдат нашим морякам продать автомат, которым был вооружен патрульный, за шесть—восемь кусков мыла. Да, с такими солдатами даже под руководством офицеров, обучавшихся в СССР, нельзя было рассчитывать на победу в войне с Израилем, в вооруженных силах которого тоже были выходцы из Советского Союза. Они несравненно лучше были готовы к ведению боевых действий любого масштаба. Моряки египетских ВМС, тоже прошедшие обучение в СССР, воевали хорошо. Все знали, что израильский эсминец «Эйлат» был уничтожен в результате ракетной атаки катерами советского производства. Командовали катерами офицеры, прошедшие подготовку в СССР.

37 суток «Образцовый» выполнял боевую задачу в составе отряда на внутреннем рейде Порт-Саида. За это время мы приобрели опыт поэлементного проведения планово-предупредительных осмотров (ППО) и планово-предупредительных ремонтов (ППР). Личный состав после первых изнурительных суток стоянки с частыми тревогами получил возможность нормального отдыха. И даже не прекращающееся гранатометание, в целях борьбы с подводными диверсантами, уже не заставляло вздрагивать ночью. Ко всему привыкает человек, в том числе и спать умеет, когда за бортом взрываются гранаты. Сколько сотен их было сброшено вахтой ПДСС за 37 суток по схеме случайных интервалов между сбросами!

25 лет несли боевую службу в Средиземном море корабли ВМФ СССР. Все было доведено до совершенства во всех звеньях управления, налажена грамотная эксплуатация кораблей в условиях якорных стоянок и несравненно реже — в портах захода дружественных государств, отработана система снабжения кораблей топливом, водой, продовольствием, оказания медицинской помощи и отдыха экипажей подводных лодок, летчиков, доставка почтовой корреспонденции.

Но опыт первой боевой службы станет основой для принятия многих организационно-технических решений. Есть вклад в эту основу и нашего корабля. Завершая боевую службу в Сре-

диземном море, получив высокую оценку командира 5-й эскадры кораблей ВМФ контр-адмирала Б. Ф. Петрова, мы вправе были гордиться достигнутыми результатами. Вместо планировавшихся двух месяцев несли службу четыре. Корабль находился в исправном состоянии и был более подготовленным, чем при выходе из Балтийска.

Большое значение имела эта боевая служба для меня. Корабль стал мне родным, и я чувствовал себя уверенно во всех служебных и житейских ситуациях. Определилось мое будущее. Корабль тебя всецело поглощает и уже не отпускает. Ты себя тоже отдаешь кораблю и делаешь все, на что способен. В этом смысле я считаю должность старшего помощника ключевой. Поймешь ее, выдержишь все нагрузки и трудности — значит, ключ старпома будет многократно открывать тебе более высокие должности. Не зря же существует на флоте шутка: «Корабль хороший — командир хороший, корабль плохой — старпом плохой». Далеко мне еще было до той ступени, когда бы я сам себе, как самый строгий судья, сказал, что я — старпом хороший. Но я не мог быть плохим старпомом у такого командира, как Д. К. Чулков, на корабле, который носит имя «Образцовый». И я старался быть достойным их обоих.

Возвратились мы на рейд Балтийска 28 декабря 1967 года. Все корабли зашли в базу, нас не пускают. Держали до наступления темного времени суток. К этому времени ветер усилился, пошли снежные заряды. Ошвартовался корабль к крейсеру, так как на свое штатное место не мог безопасно подойти по погодным условиям.

На наши вопросы, почему не разрешили кораблю зайти в базу и ошвартоваться днем, когда стояла хорошая погода, получили ответ из компетентного источника: «У первого причала в Балтийске ошвартована проходящая испытания подводная лодка ВМС Индии, построенная в СССР, а на ней находится английский шпион». Комментарии излишни.

Нас встречали те, кто еще не потерял надежду увидеть нас. Меня встречала жена с детьми — пятилетним сыном Алешей и дочерью Олей, которой было чуть больше года. Я и подумать не мог, что жена отважится в такую погоду прийти сюда. Каково же было мое удивление, когда я через некоторое время после швартовки зашел в каюту и увидел мою троицу! Оказалось, что они уже второй раз пришли встречать. Днем долго ждали прихода корабля, не дождавшись, вернулись домой. Вечером на причале их заметил командующий флотом, привел в рубку дежурного по крейсеру, где, согревшись, дети захотели есть. Первое, что попросила Людмила, когда я их увидел, — дать что-нибудь детям поесть. У вестовых я взял буханку выпеченного на корабле хлеба — и это, наверное, было лучшее угощение. Хлеб мы выпекали прекрасный, используя импортные дрожжи. Немного поговорив, я отправил семью домой, так как мне предстояло еще очень много работы. Дело в том, что в экипаже находилось 84 человека, отслуживших четыре года; они должны были быть уволенными в запас еще осенью. А именно в 1967 году был определен срок срочной службы в ВМФ три года. Так что надо было за три дня до Нового года всех увольняемых в запас отправить домой, передав заведования тем, кто их заменял. Выполнив эту хлопотную работу, следовало подготовиться организованно встретить Новый, 1968 год. Кто прошел корабельную службу, тот знает, на какие хитрости идут люди, чтобы встретить этот праздник, хотя бы пригубив спиртного. На корабле боевой службы, где нет контроля за закладкой дрожжей при хлебопечении, всегда может быть использован этот главный компонент для приготовления браги. Сахар достать — не проблема, воды — сколько нужно по рецепту, посуда — двадцатилитровые бутылки из-под кислоты или электролита, а еще надежнее — корпуса огнетушителей.

Эти хитрости мы пресекли еще на боевой службе. Дрожжи по весу закладывались в тесто лично помощником командира корабля по снабжению лейтенантом И. Е. Вагиным. Принятыми мерами в базе пронос напитков был исключен. Новый год мы встретили трезвым экипажем.

Расслабляться было некогда. Со 2-го по 5-е января с корабля был снят боезапас, оформлены документы по переводу всех видов снабжения в Кронштадт. Корабль убыл для проведения текущего ремонта на Кронштадский ордена Ленина морской завод (КМОЛЗ). Весь год он простоит в ремонте. Для КМОЛЗ это был первый опыт ремонта корабля такого проекта.

Трагичным оказался 1968 год для нашего командира Д. К. Чулкова. Никогда не забуду 13 мая того года. Я убывал в отпуск и, уже закрывая дверь каюты, услышал телефонный звонок. Сняв трубку, услышал от командира: «Задержись на корабле, у меня убили жену. Вернусь из штаба бригады, сообщу подробности». Страшная весть.

Д. К. Чулков с супругой Лидой в Балтийске жили в одном подъезде с нами. Мы хорошо ее знали и ценили за очень заботливое отношение к мужу. Детей у них не было. Лиде нанес смертельные ранения преступник, под видом сантехника проникший в квартиру. Ни разу не придя в сознание, она скончалась через 13 суток. Несмотря на все усилия врачей. Жену нашего командира похоронили в Ленинграде.

Мужественно перенес Джемс Константинович гибель Лиды. Преданный корабельной службе всегда, командир еще больше ушел в нее, очень редко сходил на берег, что сказывалось на общей обстановке в экипаже и особенно на офицерах. Командир принял решение переработать весь комплекс боевых и повседневных расписаний для экипажа. Тяжелая работа, требующая досконального знания корабля, каждой его системы и устройства. Итогом должно быть формирование книги корабельных расписаний и оформление книжек «Боевой номер» каждому члену экипажа. Это было задумано правильно и выполнено на таком уровне, равного которому не было не только для корабля проекта 61. Через несколько лет такую же работу пришлось организовывать мне для кораблей проекта 1135, 1135м уже в должности командира 128-й бригады ракетных кораблей (БРК).

Каждый из 308 человек экипажа, получив книжку «Боевой номер» и отработав действия по ней, понимал, что все офицеры соответствующей боевой части (службы), старший помощник и командир корабля знают: кто, где, что и когда должен исполнить по сигналам и командам с главного командного пункта (ГКП) или дежурной службы корабля.

Большую пользу в отработке организации корабля, особенно совершенствовании организационной документации, дала боевая служба 1967 года. Она выявила необходимость проведения такой работы, которая привела бы к устранению многих неточностей в корабельных расписаниях, разработанных в период строительства кораблей проекта 61 штабом 13-й бригады строящихся и ремонтирующихся кораблей (БСРК). Своевременность и высокий уровень выполненной работы во многом определялись большим опытом службы офицеров корабля. К концу 1968 года многих офицеров перевели с повышением по службе, на смену им пришли выпускники училищ. Например, в БЧ-2 в подчинение капитану 3 ранга В. Н. Моисеенко пришло восемь лейтенантов.

Для меня, компоновавшего весь блок документов перед представлением их командиру, это была большая школа не только досконального изучения корабля, но и повышения грамотности в организационных вопросах, глубокого понимания действий экипажа при решении как типовых, так и внезапно возникающих задач.

Обычно время ремонта корабельные офицеры используют и для того, чтобы восполнить дефицит общения с семьей. Отработанная система, когда на корабле остается треть офицеров, а две трети имеют право сходить на берег, может быть только в условиях ремонта корабля. «Образцовый» должен был ремонтироваться в течение года. Некоторые семьи, решив вопрос с жильем, приехали в Кронштадт, у некоторых были родственники в Ленинграде. Моей семье решением командира 166-й бригады учебных кораблей капитана 1 ранга А. В. Петерсона, которому был подчинен наш корабль на период ремонта, была выделена комната в общежитии на улице

Флотской, 10. В нашем блоке размещалось 12 семей офицеров с различных кораблей и подводных лодок. Кухня, естественно, общая. Туалет с одной кабиной. Комментарии и подробности быта — излишни. Осмотревшись в нашей комнате, мы посчитали срочным делом очистку пола от имевшихся наслоений. Добыв у подводников банку регенерации, мы с женой привели пол в его первозданное состояние. Дети могли теперь без опасений заниматься своими делами на всем пространстве просторной комнаты.

После мая мне редко удавалось бывать дома, я был занят в полной мере, в соответствии с требованиями той редакции Корабельного Устава, где было сказано, что исполнение должности старшего помощника командира несовместимо с частым оставлением корабля. Командир корабля меня не задерживал, но, видя состояние Джемса Константиновича, я не мог какими-либо упущениями в корабельных делах добавлять ему огорчений. С пониманием к сложившейся обстановке относилась и Людмила. Те редкие часы, которые мы были всей семьей вместе, особенно ценились нами. Радостью были наши прекрасные дети.

Завершив плановый ремонт в 1968 году, корабль возвратился в Балтийск, где приступил к отработке задач боевой подготовки. Экипаж значительно обновился. Нам предстояло на практике реализовать требования документов, которые были разработаны в Кронштадте. И, прежде всего, сдать первую курсовую задачу. Командир 128-й бригады капитан 1 ранга О. П. Грумбков и штаб бригады тщательно все проверили и поставили кораблю по задаче «К-1» отличную оценку. Неслыханное дело! Но на эту оценку работал экипаж под руководством Д. К. Чулкова, которому экипаж заменил семью, и работал самоотверженно.

Однако первая задача — это только начало, впереди работа в море со сдачей задач «К-2», «К-3», «С-1», «С-2» и, главное, выполнением боевых упражнений. Море словно ждало корабль, и мы в этой стихии чувствовали себя действительно как дома. Все задачи были решены успешно, боевые упражнения выполнены с отличными оценками. Особенно радовали ракетчики, поражавшие цели любой сложности в условиях, приближенных к боевым. В итоге в 1969 году корабль был объявлен отличным. Мы все гордились результатами боевой учебы.

Вполне логично, что Д. К. Чулков был выдвинут на вышестоящую должность — начальника штаба соединения. Очень нелегко уходить с должности командира корабля. Проводили мы Джемса Константиновича — командира, учителя, воспитателя — с сожалением, как это бывает всегда, когда провожают человека, вложившего свое сердце и ум в каждого из нас.

Д. К. Чулков был моим третьим командиром. И первый — Валентин Семенович Горелов, командир «ПЛК-32», и второй — Лев Родионович Евдокимов, командир БПК «Славный», многое мне дали для освоения должности по специальности, полученной в училище, — командира боевой части 2-3. Должность старшего помощника командира в полном объеме я осваивал у Д. К. Чулкова и горжусь тем, что он вплотную подвел меня к должности командира корабля. Я многое усвоил из опыта службы и жизни Джемса Константиновича и применял его школу в своей службе. Старшим помощником командира я служил еще у двух командиров: Николая Викентьевича Касперовича, сменившего Д. К. Чулкова на БПК «Образцовый», и Геннадия Михайловича Генералова, командира БПК «Бдительный». Оба командира высоко ценили Д. К. Чулкова, а значит и приобретенный мной опыт службы, полученные навыки, что обеспечивало их абсолютное доверие ко мне во всех вопросах.

Прошло сорок лет с тех пор как я с волнением ступил на палубу БПК «Образцовый» и пришел представляться Д. К. Чулкову. Время не стерло ничего из моей памяти. Наблюдая за служебным ростом Д. К. Чулкова, встречаясь с ним по службе, я всегда помнил трудные годы службы и те взаимоотношения, которые у нас сложились. Думаю, что и Д. К. Чулков помнил мою самоотверженность и преданность ему. Свидетельством тому может служить еще одна встреча — контр-

адмирала Д. К. Чулкова, командира 2-й дивизии противолодочных кораблей Северного флота, и капитана 2 ранга В. Г. Егорова, командира 128-й бригады ракетных кораблей (БРК) БФ. Встреча случилась на флагманском корабле командира 2-й дивизии противолодочных кораблей в Северноморске в воскресный день. Мы проговорили несколько часов. Мой командир не отпустил меня, пригласил домой, где еще были часы воспоминаний и выверки взглядов.

Прошло почти девять лет после трагедии 1968 года. У Д. К. Чулкова была уже большая семья — трое детей, прекрасная жена Тамара. Их общий ребенок — Юля — была ежедневной радостью родителей. Все складывалось хорошо, командование ВМФ пристально следило за служебными успехами Д.К. Чулкова. По праву ему было доверено командовать 10-й оперативной эскадрой Тихоокеанского флота. Это была должность на подходе к самым высоким в военноморском флоте. И — гибель на взлете.

...В начале февраля 1981 года в Ленинграде проходил сбор руководящего состава военноморского флота под руководством Главнокомандующего ВМФ Адмирала Флота Советского Союза С. Г. Горшкова. После завершения сбора 7 февраля около 16 часов с аэродрома в Пушкине пошел на взлет самолет ТУ-104 Тихоокеанского флота. На борту находилось практически все командование ТОФ во главе с командующим — адмиралом Э. Н. Спиридоновым. Самолет был перегружен — надо было захватить с собой то, чего на Дальнем Востоке не хватало. Закачали даже рулон бумаги. Положение усугубилось тем, что экипаж не проконтролировал расположение груза внутри фюзеляжа самолета. Центровка общей массы оказалась ближе к хвосту. Комиссия позже установила, что экипаж начал взлет на несколько сотен метров раньше, чем следовало — командир экипажа круто начал набор высоты. Короче говоря, пролетев несколько секунд, самолет рухнул на землю. Все 52 человека, находившиеся на борту, погибли. В том числе — контр-адмирал Джеймс Константинович Чулков...

Какой талантливый человек погиб! Невосполнимая утрата для семьи, для соратников, для флота страны. Но остается память, фотографии, оживляющие эту память, воспоминания соратников при встречах. Остается благодарность судьбе за годы совместной службы.

«С ВАС ПРИЧИТАЕТСЯ!»

Служба БПК «Образцовый» под командованием Н. В. Касперовича носила стабильный характер. Участие в учении «Океан-70», визит совместно с крейсером «Октябрьская революция» в порт Шербур (Франция), несение боевой службы в Средиземном море, в том числе заходы в порт Александрия, Порт-Саид, на внешний рейд порта Мерса-Матрух, имея на борту группу руководства ВМФ СССР во главе с первым заместителем Главнокомандующего ВМФ адмиралом флота В. А. Касатоновым, выполнение всех задач оценивалось отлично, наиболее отличившиеся были поощрены специальным приказом Главнокомандующего ВМФ.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14. 05. 70 г. я был награжден медалью «За боевые заслуги». Вручил мне ее командир 128 БРК контр-адмирал О. П. Грумбков в день возвращения с боевой службы продолжительностью 6 месяцев. Будет у меня много наград потом, но эта — первая боевая — дороже всего. Семья пришла на борт корабля, поздравила с возвращением и наградой.

Подходила к завершению моя трехлетняя служба в должности старшего помощника на «Образцовом». Н. В. Касперович предложил мне пройти подготовку на должность командира корабля на Высших специальных офицерских классах в Ленинграде. Конечно, я согласился. Срок

обучения на классах 10 месяцев. Есть возможность совместить учебу с нормальной семейной жизнью впервые за 10 лет. С большим трудом удалось найти комнату и пригласить семью. Учеба на классах не была обременительной, вечера и воскресные дни мы всей семьей использовали для знакомства с достопримечательностями города. Поскольку мы с Людмилой за 5 лет учебы в Ленинграде смогли многое увидеть, то теперь приоритет был отдан детям. Они впитывали все интересное, что видели. Мы посещали музеи, театры, цирк. Навещали наших ленинградских друзей. Никогда уже у нас не будет потом такого золотого времени.

Перед завершением обучения, как обычно, кадровые органы персонально с каждым офицером определяют будущие назначения. Мне была предложена должность командира большого противолодочного корабля «Образцовый». Об этом можно было только мечтать. С этой исполнявшейся мечтой я и убыл в отпуск. Рано я радовался. Не успел сесть за стол у родителей в Тамбове, где к тому времени уже была моя семья, как дежурный по комендатуре доставил телеграмму следующего содержания: «Командующим флотом было одобрено Ваше назначение старпомом к Генералову. Вам надлежит срочно прибыть в отдел кадров флота с последующим убытием в Севастополь. Салыков».

На следующий день я убыл в Калининград, не имея больше никакой информации. На душе было беспокойно. Зная, что Н. В. Касперович планировался к назначению на должность начальника штаба 76-й бригады эскадренных миноносцев в Лиепае и, следовательно, должность командира БПК «Образцовый» освободилась, я предположил, что где-то не сработала «цепочка». Решил поэтому перед встречей с начальником отдела кадров флота побывать в Балтийске у Н. В. Касперовича. Вечером прибыл на корабль, выяснил обстановку и причину задержки перемещения командира. Подробно поговорили о корабельных делах, о боевой службе, с которой корабль возвратился.

Утром следующего дня начальник отдела кадров флота капитан 1 ранга М. К. Салыков в подробностях рассказал о необходимости короткое время послужить мне старшим помощником командира на головном БПК «Бдительный» проекта 1135, где командиром капитан 2 ранга Г. М. Генералов. Он обещал последующее назначение командиром БПК «Образцовый». Вместе мы были приняты командующим флотом адмиралом В. В. Михайлиным, который утвердил предложения М. К. Салыкова и дал разрешение мне на отпуск. Через три дня я снова был в Тамбове, и остальная часть отпуска (летом!) прошла спокойно.

Приехав в Севастополь, корабль в базе я не нашел. Оперативный Черноморского флота сказал мне, что «Бдительный» в Феодосии. С прибытием на корабль представился командиру Г. М. Генералову и стал вникать в дела. В Балтийске я видел этот корабль — он проходил испытания. Внешне этот проект был менее привлекателен, чем проект 61. Но чем больше я узнавал корабль, тем больше он мне нравился. Экипаж всего 202 человека; техники и вооружения больше, чем на проекте 61; водоизмещение на 1000 тонн меньше. Газовые турбины двух типов: маршевые по 6 тыс. л. с., обеспечивающие ход под одной турбиной до 14 узлов, под двумя — 22 узла и форсажные — по 20 тыс. л. с., обеспечивающие ход совместно с маршевыми до 30 узлов. Умные люди спроектировали такой корабль, грамотные специалисты построили его на заводе № 820. Недаром английские моряки дали название этому проекту «Истребитель подводных лодок». Скоро будет 40 лет как начали нести службу корабли этого проекта, но они нисколько не устарели, ни в технико-вооруженческом плане, ни в бытовых условиях экипажа. Считаю корабли этого проекта самыми лучшими противолодочными кораблями за всю историю ВМФ СССР и России.

Г. М. Генералов и его заместитель по политчасти Д. В. Митрошин работали дружно, оба хорошо знали каждого члена экипажа. Будучи по характеру общительными, доступными, они

дополняли друг друга в работе с экипажем. Это сразу же я почувствовал. Моего предшественника старпома В. А. Егорова на корабле уже не было — он убыл на учебу в Ленинград. Так что процедура приема дел у меня повторилась точно так, как это было на «Образцовом»: я написал рапорт о вступлении в должность и приступил к самостоятельному изучению нового для меня корабля. Совершив несколько выходов на испытания в пределах Феодосийского полигона, корабль начал подготовку к переходу в Балтийск. С учетом моего опыта несения боевой службы я предложил командиру расписание экипажа по трем походным сменам, что позволяло решать задачи и давать отдых личному составу. Для обеспечения привычного для человека ночного отдыха по истечении недели, с воскресенья на понедельник, производится пересменка вахт. Г. М. Генералов утвердил расписание, и мы от него не отступали весь поход. Позднее расписание трехсменных вахт будет распространено на все корабли, выходившие на боевую службу. А она уже продолжалась не менее шести месяцев. После благополучного перехода, в Балтийске, командир корабля доложил прибывшему на борт командующему флотом адмиралу В. В. Михайлину о состоянии корабля, результатах испытаний. Командующий флотом вникал во все детали. Это был стиль работы адмирала В. В. Михайлина. А здесь было важно ничего не упустить — ведь БПК «Бдительный» давал путь большой серии противолодочных кораблей, которые должны были быть построены на трех заводах страны: 820-м в Калининграде, им. А. А. Жданова в Ленинграде, в Керчи.

До передачи флоту корабль должен был пройти замер физических полей в бухте Локса, где располагался специальный полигон. После очередного дня испытаний корабль стоял на якоре, когда вечером пришел семафор с берегового поста — мне передавали поздравление командующего флотом с назначением командиром БПК «Образцовый». На бланке с текстом этого поздравления Г. М. Генералов написал: «С Вас причитается».

Возвратившись в Балтийск, я рассчитался с кораблем, попрощался с экипажем и убыл в Кронштадт, где стоял в ремонте большой противолодочный корабль (БПК) «Образцовый». Хотя я и недолго служил на «Бдительном», но этого времени было достаточно, чтобы приобрести тот опыт, который мне поригодился позже. Особенно, когда я командовал 128-й бригадой ракетных кораблей (БРК). Ее основной состав составляли корабли проектов 1135, 1135-м, и через нее прошли все корабли этих проектов, построенные на 820-м заводе и заводе им. А. А. Жданова для других флотов.

Я все годы, пока были живы Г. М. Генералов и Д. В. Митрошин, поддерживал с ними самые добрые отношения. Они меня приняли в свою корабельную семью. Экипажа, равного ей по климату взаимоотношений, я потом не встречал. Большой удачей кадровиков и командования флотом считаю то, что головной корабль самой крупной серии противолодочных кораблей ВМФ СССР был доверен этим преданным флоту офицерам с прекрасными человеческими качествами.

Пройдет много лет, и командиром СКР (так потом назывались сторожевые корабли этого проекта) «Бдительный» станет мой сын, который не опустит планку авторитета корабля, высоко поднятую первым экипажем. Пять лет сын нес свою командирскую вахту на корабле, на котором я служил старпомом. Я гордился успехами корабля, профессиональными достижениями Алексея и любил прийти к нему, побывать в каюте старпома, окунуться в то время, которое для корабля было совсем детским, а для меня теперь уже очень далеким, но незабываемым.

...Итак, ноябрь 1971 года. Я — в звании капитана 3 ранга, в возрасте 32 лет, через девять лет после окончания училища — назначен командиром корабля 2 ранга. Все складывается так, как и было обещано капитаном 1 ранга М. К. Салыковым. Все последующие годы службы я буду добрым словом не раз вспоминать мудрого Марка Константиновича и ту роль, которую сыграл он в моей судьбе. Приняв от Н. В. Касперовича БПК «Образцовый», находившийся в

ремонте, я попал в знакомую по 1968 году среду. Конечно, произошли изменения в экипаже, часть офицеров ушла с продвижением по службе, некомплект личного состава составлял 30 процентов. В общем, все в пределах норм для ремонтирующегося корабля. Нормы эти стали вынужденными — людей на кораблях постоянной готовности не хватало. Исходя из реальной укомплектованности, произвели временное перераспределение заведений, чтобы организовать и ремонт, и, главное, квалифицированное наблюдение за его качеством. Хотя КМОЛЗ был и авторитетным в ВМФ заводом, но контроль со стороны экипажа корабля являлся гарантией надежности работы механизмов на несколько лет — до очередного ремонта.

Опять, кто как смог, устроили свои семьи в Кронштадте и Ленинграде. Мне удалось снять комнату, в которой моя семья прожила большую часть 1972 года. Подросли дети, сыну 10 лет, он учился в третьем классе, уже сменив три школы. Дочери 5 лет, она хорошо научилась кататься на коньках, и мы с ней вечерами ходили на каток, что навсегда осталось в нашей памяти — больше за время нашей жизни в условиях южной Балтики на коньки встать не было возможности.

Сравнивая ремонт корабля в 1968-м и 1972 году, приходилось с огорчением убеждаться в том, насколько все ухудшилось. Экипаж ремонтирующегося корабля был резервом для 128-й бригады. Всех, кто по какой-либо причине, а чаще всего по недисциплинированности, не допускался к несению боевой службы на кораблях бригады, направляли в экипаж ремонтирующегося корабля. Наоборот, лучших специалистов откомандировывали на корабли боевой службы. В сочетании с обязательными в любом ремонте изменениями в организации службы, подчинению ее, в отличие от корабля постоянной готовности, главной цели — ремонту — такие изменения в укомплектованности экипажа приводят к потере достижений коллектива, завоеванных в межремонтном периоде.

Хорошо еще, что ремонт продолжается год, и удастся стараниями офицеров сохранить большинство хороших традиций в экипаже корабля. Служба на ремонтирующемся корабле — тоже большая наука. Для меня в должности командира корабля она была трудной, но очень полезной. Уроки ее я помнил на всех должностях.

По завершении ремонта — отработка всех задач курса боевой подготовки, по результатам которой — подтверждение звания «Отличный корабль». И, конечно, подготовка к боевой службе в Средиземном море. Обеспечив совместно с эсминцем «Светлый» (командир — капитан 2 ранга А. С. Беляев) переход бригады подводных лодок Северного флота (командир бригады — капитан 1 ранга О. П. Шадрич) до места их погружения в центральной части Средиземного моря, корабль приступил к решению задач по плану 5-й эскадры ВМФ. В Кадисском заливе на БПК «Образцовый» осталась группа офицеров штаба 128 БРК. А капитан 2 ранга Ю. Ю. Аристович — начальник штаба бригады — перешел на эсминец «Светлый», получивший задачу на несение боевой службы у западного побережья Африки с основным местом стоянки в порту Конакри. С входом в зону ответственности 5-й эскадры я был назначен командиром корабельной поисково-ударной группы № 2 52-й оперативной бригады надводных кораблей (по оперативной организации 5 ОПЭСК ВМФ). Штаб корабельной поисково-ударной группы (КПУГ-2) был сформирован из офицеров штаба 128 БРК и корабля.

Обострявшаяся обстановка в арабо-израильских отношениях привела к резкому наращиванию в Средиземном море сил 6 флота США и адекватному реагированию на это руководства ВМФ СССР. В зону 5-й эскадры были направлены значительные силы, обеспечившие слежение за двумя авианосными многоцелевыми и двумя амфибийными группами. Корабли 5 ОПЭСК с началом второй арабо-израильской войны были приведены в полную боевую готовность. 37 суток напряженной работы экипажа при непосредственном слежении за авианосными и вертолетоносными соединениями. Все эти сутки на ходу, с заправкой топливом и водой от судов снаб-

жения, без прекращения слежения. Ответственность огромная. Все задачи кораблем были решены с отличными результатами, по оценке командира 5 ОПЭСК. Никогда больше мне не придется испытывать такое чувство колоссальной ответственности в ожидании сигнала о нанесении удара по кораблям слежения.

С нормализацией обстановки в восточной части Средиземного моря была установлена повседневная боевая готовность. БПК «Образцовый» пополнил запасы, в том числе принял турбинное масло от БПК «Отважный». Командир корабля капитан 2 ранга И. Винник поделился со мной опытом обеспечения мореходных испытаний большого противолодочного корабля проекта 1134Б «Николаев», дал рекомендации по маневрированию корабля в условиях океанского волнения силой семь и более баллов. Он уже выполнял такую задачу и показал мне деформированную дверь носовой артустановки АК-726, сказав при этом, что теперь бы он более бережно отнесся к своему кораблю, если бы пришлось повторить обеспечение испытаний. Теперь такая задача была поставлена БПК «Образцовый» и, естественно, я впитывал то, что знал только командир.

Решением командира эскадры кораблю была поставлена задача на действия в западной части Средиземного моря. С прибытием в 64-ю точку большого противолодочного корабля (БПК) «Николаев» стали ждать мощного циклона в районе Азорских островов. Определившись по времени, вышли и благополучно решили задачу обеспечения мореходных испытаний головного корабля проекта 1134Б «Николаев», что было необходимым условием его принятия в состав ВМФ и постройки всей серии этого проекта. Волнение в океане было такое, что на фотографии видны только самые верхние части антенн «Николаева». Ход его был, в соответствии с программой испытаний, максимально возможным. Наш корабль шел со скоростью 22 узла, что обеспечивало решение стоявшей задачи. Никаких повреждений мы не имели. Пожалуй, более сложной была заправка топливом от танкера кильватерным способом при таком волнении. Приняв 300 тонн топлива, возвратились в точку 64, где продолжали выполнение задач совместно с эсминцем (ЭМ) «Спешный», которым командовал капитан-лейтенант Г. Д. Шубович. Перед выходом на боевую службу на «Спешном» произошел пожар. Устранение его последствий заняло две недели, поэтому корабль прибыл в зону 5-й эскадры с задержкой относительно планового срока. На корабль был прикомандирован заместитель командира 128 БРК по политчасти капитан 1 ранга Р. А. Трофимов. Отношения у них по мере решения задач боевой службы становились все более напряженными, особенно когда корабль после проверки штабом и политотделом 5-й эскадры получил неудовлетворительную оценку. Р. А. Трофимов направил в адрес командира 12-й дивизии ракетных кораблей контр-адмирала В. А. Лапенкова жесткую телеграмму, в которой грозился, что если Г. Д. Шубович не изменит отношения к службе, он возбудит перед Главнокомандующим ВМФ ходатайство об освобождении командира от должности. Встревоженный командир дивизии направил в мой адрес телеграмму с приказанием штабом КПУГ-2 под моим руководством проверить корабль, нормализовать взаимоотношения и доложить ему. Эту работу мы выполнили, доложили, максимально смягчив текст телеграммы. Действительно, на корабле шла активная работа по устранению замечаний 5-й эскадры, и завершить ее к концу боевой службы можно было, даже получить хорошую оценку. Размениваться на эмоциональные споры было не на пользу кораблю. Пришлось мне выполнить миротворческую миссию в отношении офицеров, которых я хорошо знал.

ТРИ ЧЕМОДАНА В «ЗЕЛЕНОМ ДОМИКЕ»

Завершался пятый месяц боевой службы. В западной части Средиземного моря спокойная обстановка. А в экипаже, особенно среди офицеров и мичманов, идут разговоры о том, что пора бы кораблю зайти в иностранный порт. Дело в том, что при решении задач боевой службы экипажам выплачивалась валюта в чеках Внешторгбанка СССР в размере 20 % от должностного оклада за весь период нахождения в море при условии, если был заход в иностранный порт. Самим проситься в порт у командира эскадры неэтично, он и сам все понимает. У кораблей Балтийского флота этот вопрос в резервном варианте всегда мог быть решен заходом в польский порт Свиноуйсьце, где базировалась 24-я бригада ракетных катеров. Но хотелось нам побывать в одном из близлежащих портов. Помог и в этом отношении случай. Корабль получил приказание следовать в центральную часть Бискайского залива для оказания помощи атомной подводной лодке, на борту которой возник пожар. По карте это четверо суток хода. К концу четвертых суток поступила информация с центрального командного пункта ВМФ за подписью адмирала В. Н. Алексеева, что экипаж ПЛА решил задачу самостоятельно, наша помощь не нужна. Кораблю приказано следовать в 64-ю точку и подготовиться к заходу в марокканский порт Касабланка.

В Касабланке пополнили запасы, побывали на берегу, небольшой группой посетили теплоход «Эстония» с советскими туристами на борту — по приглашению капитана и рекомендации дипломатических работников. Капитан любезно предложил нам послать телеграммы домой, чем мы с благодарностью воспользовались. Перед началом движения в Балтийск в 64-й точке к нам присоединился эсминец «Светлый», который из Конакри совершил переход в Севастополь, где сменил значительную часть экипажа по медицинским показаниям. По итогам боевой службы каждому кораблю командиром эскадры объявлялась телеграммой оценка. При этом учитывались предложения командиров оперативных групп. Как командир КПУГ-2 я предложил ЭМ «Спешный» выставить оценку «хорошо» с учетом старательной и результативной работы экипажа, в том числе и по устранению замечаний 5-й эскадры. Командир эскадры утвердил «Спешному» оценку «удовлетворительно». Двоек на эскадре не прощали. Это тоже было всем нам уроком. «Образцовый» получил отличную оценку. Она действительно была заработана самоотверженной службой экипажа. И я мог сказать себе, что стал командиром корабля.

С началом движения отряда кораблей из 64-й точки в Балтийск в управление им вступил начальник штаба 128 БРК капитан 2 ранга Л. С. Рассукованный, находившийся на борту ЭМ «Светлый». На рейде Свиноуйсьце нас встречал командир 12-й дивизии ракетных кораблей контр-адмирал В. А. Лапенков. Он подробно заслушал меня по всем вопросам за период боевой службы, и я получил его благодарность. Не был обойден и острый вопрос о взаимоотношениях Г. Д. Шубовича и Р. А. Трофимова. На рейде в Свиноуйсьце выяснилось, что у ЭМ «Спешный» закончилось топливо. Командиром дивизии было принято решение БПК «Образцовый» осуществить буксировку ЭМ «Спешный» на рейд порта Балтийск. Задача была выполнена. Так завершилась боевая служба. Были, естественно, ее общий разбор и отдельный разбор в «узком» кругу под руководством В. А. Лапенкова, в котором участвовали 3 командира, Р. А. Трофимов, начальник политотдела дивизии капитан 1 ранга В. В. Воецкий. Разговор состоялся острый, со справедливыми оценками и требованиями мудрого адмирала.

Перед выходом на боевую службу я подал рапорт с просьбой разрешить поступление в Военно-морскую академию. У меня это была последняя возможность. В 1974 году мне исполнилось 35 лет — это был предельный возраст для поступления в ВМА. Предварительно я полу-

чил согласие. Но обстоятельства изменились. После возвращения с боевой службы было дано разрешение поступать в академию Г. Д. Шубовичу. А я 24 июня 1974 года был назначен начальником штаба — заместителем командира 76-й бригады эскадренных миноносцев в Лиепае. Крейсер «Железняков», эсминцы проекта 30бис, 56м, дивизион малых ракетных кораблей проекта 1234 — все эти корабли мне предстояло изучить, освоить должность начальника штаба. Командиром бригады был капитан 1 ранга В. Е. Селиванов. Штаб бригады располагался на крейсере «Железняков» (командир капитан 1 ранга Г. А. Мамзиков), который был переоборудован под корабельный пункт управления флота. На берегу у бригады было единственное помещение — «Зеленый домик» — так его все называли. В нем располагалась секретная часть и мобилизационное отделение. С этого «домика» и начался мой путь познания дел по новой должности.

Обе структуры находятся в любой воинской части под особым вниманием начальника штаба. Они ему подчинены напрямую. Когда я прибыл в секретную часть, то сразу обратил внимание на три чемодана. На мой вопрос, что в них находится, начальник секретной части сказал, что там документы. Открыли чемоданы — и, к своему изумлению, я увидел действительно многие десятки документов, неучтенные за входящими номерами. Проверив журнал входящих документов, убедился, что уже два месяца в нем нет записей. Дал приказание осуществить проводку документов и разнести их по имеющимся делам. Такая запущенность в секретной части могла привести к утрате документов любой степени важности. Доложил В. Е. Селиванову, переговорил с Г. А. Мамзиковым, получил их согласие назначить начальником секретной части бригады мичмана — начальника секретной части крейсера «Железняков», с которым у меня предварительно состоялся разговор, и он согласился на перевод на определенных условиях. Мичман Н. И. Лиходед навел порядок и поддерживал его постоянно. В мобилизационном отделении документальный блок был оформлен в соответствии с существующими требованиями и поддерживался в рабочем состоянии своевременной корректурой. Эта работа входила в должностные обязанности помощника начальника штаба капитана 3 ранга В. И. Баскакова, добросовестность которого мне была известна еще по службе в 128 БРК. В его же заведование входили «Зеленый домик» и строевая канцелярия, размещавшаяся на плавмастерской.

Штаб бригады был укомплектован специалистами, хорошо знавшими свое дело. Их служба до назначения в штаб бригады прошла на артиллеристских кораблях. Корабли 106-го дивизиона малых ракетных кораблей, сформированного в 1974 году, были для них совершенно незнакомыми. Нам всем предстояло не только изучить корабли, но и организовывать, совместно со штабом дивизиона, их подготовку как одной из главных ударных сил флота. Каждый корабль проекта 1234 нес шесть ударных ракет П-120 с обычной боевой частью, а по особому приказанию — и с ядерной.

Управление штабом принципиально отличается от управления кораблем. Мне приходилось познавать эту науку управления под руководством опытного и грамотного командира бригады капитана 1 ранга В. Е. Селиванова, служившего до назначения на эту должность начальником штаба 26-й бригады противолодочных кораблей (ПЛК) в Балтийске. Он дал полную свободу в работе, помогал, но не опекал. Поэтому неизбежные ошибки на первых порах службы я сам осознавал и формировал такой режим работы штаба и свой собственный, который сводил бы к минимуму распорядительные функции в течение дня, давал возможность офицерам штаба работать планоно и творчески. К исходу каждого дня у меня был определен план работы штаба на следующие сутки. На подъем флага мы прибывали на один из кораблей и после короткого ориентирования участвовали в осмотре и проворачивании оружия и технических средств, после которого следовал краткий разбор с докладом о тех недостатках, которые требовали реагирования офицеров, и особенно командира корабля. Таким образом, мы знали состояние кораблей, за боеготовность которых отвечали по всей строгости.

Важная функция штаба — организация управления соединением в море. Здесь опыт В. Е. Селиванова был особенно ценен. Формирование комплекта документов штабных постов, несение вахты на этих постах на флагманском корабле в море, организация взаимодействия между ними, подготовка предложений для принятия решения командиром соединения и работа по его доведению до кораблей в море, контроль исполнения решения, подготовка донесения о выполнении задачи в вышестоящий штаб — все эти элементы требовали сколачивания штаба еще при нахождении в базе.

Приобретая опыт руководства штабом, я постепенно заглушал ностальгию по командирской службе на «Образцовом». Зная о том, какую пользу принесла для большого протволочного корабля (БПК) проекта 61 работа по переработке книги корабельных расписаний и всей организационной документации, штаб бригады провел такую же работу для четырех проектов кораблей бригады (крейсера, эсминцев проекта 30бис, 56м и малых ракетных кораблей проекта 1234). Это вызывалось и крайней необходимостью с учетом трагедии на Черном море — гибели БПК «Отважный» проекта 61 во время ракетных стрельб. Даже в условиях, когда внезапно по неизвестной причине сработал двигатель ракеты В-600 в кормовом погребе, при открытии клапана затопления погреба с верхней палубы корабля, пожар мог быть локализован и не привел бы к гибели корабля и двадцати шести человек команды. Однако это сделать оказалось некому. С огромной болью за случившуюся катастрофу информировал нас о подробностях расследования ее причин и последствий Главнокомандующий ВМФ СССР Адмирал Флота Советского Союза С. Г. Горшков. Среди балтийских командиров я был единственным, кто провел не один час в общении с командиром «Отважного» И. Винником. Наши корабли в условиях спокойного моря были ошвартованы лагом, и инженеры-механики занимались передачей турбинного масла. Я представил себе, что пережил командир, совершавший свой последний выход на корабле для выполнения типовой задачи. Тяжело переживал весь военно-морской флот гибель корабля и людей. С пониманием относились после случившегося все категории личного состава к усилению строгостей службы, и в первую очередь, к организации борьбы за живучесть кораблей как в базе, так и в море. До получения квартиры я жил в каюте на крейсере, что давало мне возможность узнавать не только жизнь экипажей днем, когда она регламентирована суточным планом боевой и политической подготовки, но и ночью, когда всем управляет дежурная и вахтенная службы. Много полезного я получил для всей последующей службы при внезапных ночных обходах кораблей.

5 ноября 1974 года ко мне прилетела семья. Квартиру нам выделил В. Е. Селиванов в новом доме на улице Красной Армии. Военные строители добротнo строили в Лиепае, так что с минимальными доработками мы разместились на четвертом этаже, постепенно приобретали мебель. Дети пошли в школу. Учились они хорошо. Дочери нравился латышский язык, она быстро научилась обиходным словам и оборотам и пользовалась ими с явным удовольствием в магазинах, особенно в продуктовом, куда заходила регулярно, возвращаясь из школы. Продавцы баловали ее, оставляя то, что она всегда покупала. С большим желанием пошла жена на работу в библиотеку радиотехнической школы. После окончания Ленинградского пединститута имени А. И. Герцена в 1961 году она смогла работать по специальности, т. е. преподавать математику и физику в школе, лишь четыре года — один год в Ленинграде и три года в Калининграде (в школе № 45, где директором был П. Я. Немцов). Длительные перерывы в работе были связаны с изменениями мест моей службы.

План боевой подготовки бригады был напряженным. Несмотря на то что артиллеристские корабли были в возрасте, а на эсминцах проекта 30бис одна башня находилась в консервации, в инициативном порядке были подготовлены расчеты обеих башен, и стрельбы, в том числе на

приз Главнокомандующего ВМФ, выполнялись обеими башнями. Бригаде было дано право освоить торпеду 53-65к. Первая стрельба выполнялась эсминцем «Степennyй» (командир капитан 2 ранга Б. И. Непомнящий). Красивое это зрелище, когда торпеда пересекает кильватерную струю корабля, постепенно догоняя его. Подъем торпеды отрабатывали непосредственно на борт корабля или с помощью торпедолова. После освоения практических торпед кораблями нашей бригады их стали применять корабли других соединений флота, а в боекомплект начали поступать боевые торпеды. Много внимания уделялось минной подготовке, при этом упор делался на мины самых современных образцов. Этот традиционный вид подготовки для эскадренных миноносцев всегда совершенствовался внедрением новых тактических приемов, особенно на состязательных минных постановках.

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ АТАКА

Осваивался новый для бригады вид подготовки — ракетная. До формирования 106-го дивизиона малых ракетных кораблей лишь эсминец «Настойчивый» проекта 56м имел на вооружении ракетный комплекс «Волна», и его применение было хорошо отработано. Теперь же осваивались зенитный ракетный комплекс «Оса» и ударный — «Малахит». Зенитные стрельбы выполнялись в сложной помеховой обстановке в условиях, максимально приближенных к боевым, с ограничениями по условиям полигона. Успешность их находилась в пределах 90—100 %. Ударные комплексы всегда поражали цели, которые также закрывались помехами, выставляемыми самолетами-помехоставщиками. Конечно, мишенное поле оборудовалось заранее. Мишени были водоизмещением 900 тонн, их крепили к стационарным бочкам. Обязательным элементом при выполнении стрельб ударными ракетами было комплексное целеуказание, в том числе с использованием вертолетов с системой МРСЦ-1. Эта система позволяла использовать загоризонтное целеуказание от радиолокационной станции вертолета трансляцией картинки на приемный комплекс корабля проекта 1234.

Об одной стрельбе ракетами в боевом снаряжении по эсминцу проекта 30бис, специально переоборудованному под мишень, сказать следует особо. Эсминец был поставлен на бочки на банке у входа в Ирбенский пролив. Стрельба выполнялась двумя кораблями проекта 1234 с дистанции 40 км. Руководить стрельбой был назначен я. Проведя особенно тщательно весь цикл подготовки в базе и море, вышли на выполнение боевой задачи. Понятно волнение всех — задача выполняется нами первый раз, здесь не может быть никаких отступлений от действующих правил ракетной службы. Приняв положенные доклады от командира сил охраны района стрельб о чистоте района, готовности кораблей к стрельбе на поражение ракет в случае их ухода с траектории, даю команду на пуск боевых ракет. Получив доклад от командиров о сходе ракет, приказываю максимальной скоростью следовать к мишени. Через полчаса хода мы увидели эсминец, лежащий килем вверх. Еще через полчаса он затонул.

Эта картина запомнилась всем. Мне она ясно представилась позже, когда дежурной корабельной ударной группе была поставлена задача на поражение большого противолодочного корабля «Сторожевой» на выходе из Ирбенского пролива.

...Ночью 8 ноября 1975 года командира бригады капитана 2 ранга Л. С. Рассукованного и меня телефонным звонком разбудил оперативный бригады и передал приказание срочно прибыть к командиру Лиепайской военно-морской базы контр-адмиралу О. П. Шадричу. Л. С. Рассукованный недавно сменил В. Е. Селиванова, назначенного командиром 12-й дивизии ракет-

ных кораблей. Мы жили в соседних домах. Вышли на улицу в ожидании машины. Теряемся в догадках. Когда подъехали к штабу базы, комбриг приказал мне отправляться в расположение бригады, на командный пункт корабельной ударной группы (КУГ), которой уже была объявлена боевая тревога. Сам он направился к О. П. Шадричу. Приготовление кораблей КУГ и штаба группы осуществлялось в плановом порядке и было завершено к прибытию на командный пункт комбрига. Он показал мне написанное рукой О. П. Шадрича боевое распоряжение, заверенное печатью. КУГ под руководством комбрига приказывалось следовать в Ирбенский пролив, обнаружить БПК «Сторожевой», принять меры к его остановке. В случае неисполнения требования нанести ракетный удар на поражение корабля. Ко времени прибытия КУГ БПК «Сторожевой» уже находился в дрейфе. КУГ возвратилась в базу. Мы служили в одной бригаде и многократно общались с А.В. Потульным — командиром БПК «Сторожевой» и В. М. Саблиным — заместителем командира по политчасти. Потрясение было такое, что с трудом поверилось бы в произошедшее, если бы мы не были участниками подготовленного, но, к счастью, не состоявшегося уничтожения корабля. Тема эта не обсуждалась даже среди узкого круга офицеров. Хотя ведь шила в мешке не утаишь. «Сторожевой» был поставлен в ремонт на несколько месяцев на завод № 29 в Лиенае. На нем уже был экипаж с корабля Тихоокеанского флота «Дружный», построенного на ПСЗ «Янтарь» (бывшем 820-м) и готовившегося к переходу на ТОФ. Решением ГК ВМФ БПК «Сторожевой» был из 128 БРК БФ передан на ТОФ, куда он и убыл по завершении ремонта и соответствующей подготовки. Командовал кораблем Ж. Печкорин.

Что же произошло в те ноябрьские дни 1975 года? Накануне празднования 53-й годовщины Октябрьской революции в Ригу прибыл большой противолодочный корабль «Сторожевой». После участия в морском параде он должен был уйти на докование в Лиенау. Но заместитель командира корабля по политической части капитан 3 ранга В. М. Саблин эти планы коренным образом поменял. Как и судьбу «Сторожевого», как и судьбы многих членов экипажа. А в первую очередь — свою собственную.

Вот как сообщалось об этих событиях в докладе комиссии под руководством Главнокомандующего ВМФ Адмирала Флота Советского Союза С. Г. Горшкова, назначенной приказом министра обороны СССР для расследования случившегося на «Сторожевом»:

«Бывший заместитель командира корабля по политической части капитан 3 ранга Саблин В. М., 1939 года рождения, русский, в КПСС состоял с 1959 года... окончил ВВМУ имени Фрунзе в 1960 году, до 1969 года служил на строевых должностях и с должности помощника командира сторожевого корабля Северного флота поступил в ВПА имени В. И. Ленина, которую окончил в 1973 году... По должности аттестовался в основном положительно. Женат. Имеет сына 1962 года рождения. Отец — капитан 1-го ранга запаса. Около 19.00 8 ноября Саблин В. М. обманным путем увлек командира корабля капитана 2 ранга Потульного А. В. в гидроакустический пост, захлопнул люк и закрыл на замок, чем изолировал командира от личного состава. В дальнейшем вход в помещение, где был изолирован командир, находился под охраной ближайшего сообщника Саблина — матроса Шеина А. Н.

...После изоляции командира корабля Саблин собрал 13 офицеров и 13 мичманов в мичманской кают-компании, изложил вынашиваемые с 1963 года мысли об имеющихся, по его мнению, нарушениях законности и справедливости в советском обществе. При этом он демагогически использовал общеизвестные недостатки, о которых сообщается в советской печати (отдельные факты злоупотреблений в торговле, нехватка некоторых товаров, нарушения правил приема в вузы, случаи очковтирательства и приписок, бюрократизма и использования служебного положения в личных целях и др.). Саблин преподносил все это как проявление отхода партии и правительства от ленинских положений в строительстве социализма...

...Саблин предложил совершить самовольный переход корабля в Кронштадт, объявить его независимой территорией, от имени экипажа потребовать у руководства партии и страны предоставить ему возможность выступлений по Центральному телевидению с изложением своих взглядов. На вопрос, как эти

взгляды увязываются с его партийностью, он ответил, что вышел из партии и не считает себя связанным с нею. Когда его спросили, где командир корабля, он заявил, что командир находится в каюте и обдумывает его предложения...»

Как явствует из документа, некоторые члены экипажа поддержали Саблина — все-таки он был эрудированным человеком, грамотным воспитателем, хорошим психологом, умеющим убеждать людей. Моряки уважали замполита, доверяли ему.

В докладе комиссии далее отмечалось:

«Не весь личный состав корабля поддался на агитацию Саблина, о чем свидетельствуют попытки отдельных матросов, старшин и офицеров освободить командира и захватить Саблина еще в начале событий. Но эти попытки были предотвращены сторонниками Саблина».

Офицеры и мичманы, не разделявшие взгляды замполита, были изолированы. Фактически — арестованы. Одному из тех, кто не поддержал Саблина, старшему лейтенанту В. Фирсову удалось добраться до берега. Он и рассказал о том, что происходит на «Сторожевом».

В 2 часа 50 минут 9 ноября корабль под командованием Саблина вышел в Рижский залив. По курсу, которым он следовал, можно было предполагать, что «Сторожевой», самый современный корабль, оснащенный новой техникой, направляется в территориальные воды Швеции. Видимо, это и определило решение высшего руководства страны: если попытки остановить БПК не дадут результата, применить по нему оружие.

Утром 9 ноября 1975 года в воздух были подняты самолеты Прибалтийского военного округа. Они нанесли предупредительные бомбовые удары по курсу корабля.

И снова цитата из документа:

«Получение телеграмм с приказами министра обороны, главнокомандующего ВМФ и командующего Балтийским флотом возвратиться на рейд и предупреждение о применении оружия в случае неповиновения, которые стали известны экипажу через радистов и шифровальщиков, а также сопровождение корабля самолетами, кораблями и катерами привели к тому, что значительная часть личного состава одумалась и начала понимать преступность замысла Саблина, предпринимать меры к выводу из строя оружия и части технических средств, стала энергичнее действовать по освобождению командира и офицеров. Примерно в 10.20, еще до сбрасывания бомб самолетом, группой матросов из 25—30 человек были освобождены офицеры и командир корабля... Действия командира корабля при освобождении и в дальнейшем были быстрыми и решительными. По его приказанию был вскрыт арсенал, вооружена часть матросов, старшин и офицеров. Командир лично ранил и арестовал Саблина и быстро овладел положением на корабле...»

После того как капитан 2 ранга А. В. Потульный снова вступил в командование кораблем и доложил об этом, «Сторожевой» направился в Рижский залив.

Финал этой истории хорошо известен. Военная коллегия Верховного суда СССР признала В. М. Саблина виновным по пункту «а» статьи 64 УК РСФСР (измена Родине) и приговорила его к смертной казни — расстрелу.

Приговор суровый. Я бы сказал — излишне жестокий. Но в те времена, полагаю, по-другому быть и не могло. Общественно-политическая система, существовавшая в СССР, по самой своей природе не могла по-иному среагировать на столь дерзкий вызов, брошенный ей. Даже при учете того, что Саблин вел корабль не в Швецию, а в Ленинград.

Личность мятежного замполита до сих пор вызывает споры. Кто он: человек, осознавший пагубность для страны нравов и порядка вещей, утвердившихся в ней, того, что позже назвали застоєм? Или политический авантюрист? Герой, пожертвовавший собой ради высоких идеалов, или безумец, не осознававший всей серьезности последствий своего поступка?

Как бы там ни было, Валерий Саблин — одна из самых трагичных фигур второй половины двадцатого столетия. Безусловно, он обостренно воспринимал все происходящее в стране. Об

этом свидетельствует хотя бы магнитофонная запись обращения, с которым Саблин намеревался выступить, наивно полагая, что ему удастся это сделать. Текст обращения в годы перестройки был опубликован. Вот выдержка из него: «Я обращаюсь к тем, кто революционное прошлое нашей страны чувствует сердцем, кто критически, но не скептически оценивает настоящее и кто честно мыслит о будущем нашего народа. Говорит большой противолодочный корабль «Сторожевой». Мы обратились через командующего флотом к Центральному Комитету КПСС и Советскому правительству с требованием дать одному из членов нашего экипажа выступить по Центральному радио и телевидению с разъяснением советскому народу целей и задач нашего политического выступления. Мы не предатели Родины и не авантюристы, ищущие известности любыми средствами. Назрела крайняя необходимость открыто поставить ряд вопросов о политическом, социальном и экономическом развитии нашей страны, о будущем нашего народа, требующих коллективного, именно всенародного обсуждения без давления государственных и партийных органов. Мы решились на данное выступление с ясным пониманием ответственности за судьбу Родины, с чувством горячего желания добиться коммунистических отношений в нашем обществе».

Намерения вполне понятны. И трудно не согласиться с оценками ситуации в обществе, которые давал Саблин. Действительно, экономика страны находилась в тяжелом состоянии. Люди жили плохо. Хватало несправедливостей во всех сферах жизни. Многие понимали, что мы заходим в тупик. «Нет, ребята, все не так, все не так, ребята», — хрипел на всю страну Владимир Высоцкий. Много надо было менять. И тут возникает проблема, которая всегда вставала перед русской интеллигенцией: любые ли средства хороши для достижения даже великой цели? Стоит ли слеза ребенка счастья всего мира? — этот вопрос мучил Достоевского. И он всем своим творчеством дал на него отрицательный ответ.

Размышляя о Саблине уже тогда, в ноябре 1975-го, и позже, когда на волне политической конъюнктуры его действия преподносились исключительно в героических тонах, я не мог отделаться от тревожащей меня мысли. Саблин во имя благой цели жертвовал отнюдь не одним собой. Как военный человек он не мог не понимать того, что, завладев боевым кораблем, ставит под угрозу жизнь всего экипажа — более двух сотен человек, которые в большинстве своем не являлись его единомышленниками. Задумался ли он о том, что у моряков были семьи: родители, жены, дети? Как быть с теми страданиями, которые он мог причинить, да и причинил, этим людям? Или такие «мелочи» на фоне грандиозных замыслов переустроить загнивающее общество в расчет не брались? Как тут опять не вспомнить Федора Михайловича...

И чем тогда действия Валерия Саблина отличались от действий террористов, которые ради достижения цели рискуют жизнями — и своими, и сотен других людей, захватывают заложников? Ведь, по сути, сослуживцы Саблина, его подчиненные, бывшие товарищи, не разделявшие его радикальных взглядов и поступков, оказались в положении тех же заложников...

Нет, я бы не спешил возводить Саблина в ранг национального героя, буреветника новой революции...

И я благодарен судьбе, а точнее — членам экипажа «Сторожевого», его ныне покойному командиру капитану 2 ранга А. В. Потульному за то, что наша атака не состоялась.

ОСОБОЕ СОЕДИНЕНИЕ

В 1976 году судьба снова свела меня с родным кораблем — БПК «Образцовым». Корабль готовился к официальному визиту в Портсмут (Великобритания). Один раз он уже направлялся в этот порт с такой же миссией, но за 200 миль до Великобритании лег на обратный курс, отреагировав таким образом на начавшуюся «Шестидневную войну» между Израилем и арабскими странами, в которой Англия поддерживала Израиль. Из Портсмута на корабль пришло несколько писем от различных организаций и отдельных граждан, в которых выражалась уверенность, что визит корабля все-таки состоится, что подготовленные сувениры с обозначенными датами 1967 года будут сохраняться.

Руководителем похода Главком ВМФ утвердил командира Ленинградской военно-морской базы адмирала В. М. Леоненкова. Когда он докладывал Главнокомандующему план визита, состав походного штаба и командование корабля, С. Г. Горшков, увидев, что командир корабля в звании «капитан-лейтенант», а старший помощник и заместитель командира по политчасти — старшие лейтенанты, принял решение всем троим присвоить звание на ступень выше. Как мне потом рассказывал В. М. Леоненков, Главнокомандующий сказал: «Молодым все равно будет трудно справиться с задачами визита, возьмите с собой бывшего командира корабля Егорова». Видимо, С. Г. Горшков знал, насколько действительно сложным будет этот визит. Прибыв на корабль и изучив обстановку, побеседовав с офицерами, я сам определил круг вопросов, которые буду держать на особом контроле. С командованием корабля мне было легко работать, я хорошо знал офицеров и продвигал по службе, еще сам командуя «Образцовым». Командира корабля, теперь уже капитана 3 ранга Е. К. Богданова, я знал с лейтенантов, и когда решался вопрос о назначении старшего помощника на корабль, я убедил командира 128 БРК капитана 1 ранга Н. Н. Захарова и начальника отдела кадров флота капитана 1 ранга М. К. Салыкова назначить именно командира БЧ-2 капитан-лейтенанта Е. К. Богданова, изложив свою твердую позицию в рапорте. Помню, как Н. Н. Захаров сказал мне: «Ну и упрямый же ты, командир, пусть будет по-твоему». Я вообще со временем все более убеждался, что на корабле надо опираться на выращенные в своем коллективе кадры. Штат корабля 2 ранга уже позволял это делать. Е. К. Богданов служил у меня старпомом год. Во время перехода в Портсмут я внимательно наблюдал за ним и убедился, что корабль находится под надежным управлением.

Сложности визита дружбы начались с подхода корабля к месту швартовки. На причале стояли группы людей в противогазовых масках с табличками на груди. На них на русском языке было написано, кто из евреев СССР сидит в тюрьме и какой срок. На причальной стенке был закреплен многометровый, хорошим шрифтом написанный лозунг: «Права человека для советских евреев». Рядом с бортом корабля шли три яхты с такими же лозунгами, эти же лозунги дублировались в мегафон. Встречавшие нас на стенке высокие должностные лица Портсмута, как и советские дипломатические работники, не проявляли к этим недружественным актам никакого внимания.

Экипажу не нужно было ничего дополнительно объяснять, всем сразу стало ясно, что визит будет проходить в непростой обстановке. Дипломаты нам объяснили, что демонстрация групп была разрешена властями города на один час. Действительно, вскоре демонстранты свернули свои лозунги и убыли. Последовали новые провокации. В адрес командира корабля было направлено письмо с пластиковой бомбой, перехваченное английскими спецслужбами. В один из дней, когда на корабле находились гости из советской колонии, в том числе дети, последовал телефонный звонок дежурному по кораблю, которым сообщалось, что на корабль доставлена

бомба и взрыв назначен на 12.00. Мы уже были информированы, что в одном случае из ста такая угроза может быть реализована. Мной было принято решение всех гостей с корабля вывести на причал, на корабле объявить боевую тревогу, тщательно осмотреть все помещения. Это заняло два часа. Угроза оказалась ложной.

В 14.00 на корабль был начат допуск населения, как и предусматривалось планом визита. Тысячи людей выражали свои добрые чувства в разных формах, в том числе оставляли записи в специальных книгах. Это было главным в визите. А провокаторам был дан жесткий отпор командиром похода. Он обратился к первому морскому лорду Великобритании и предупредил, что если провокации продолжатся, визит будет прерван. Последовало твердое заверение, что безопасность корабля будет обеспечена, в том числе со стороны водного пространства. Действительно, мы видели принятые меры и их результативность — провокации прекратились, спланированные мероприятия выполнялись в доброжелательной и часто дружеской обстановке. При обмене сувенирами действительно нам вручались те, что были датированы 1967 годом. Мне удалось побывать в Лондоне. Группа наших моряков посетила могилу К. Маркса на Хайгетском кладбище, возложила цветы. Молча стояла и группа в противогазовых масках с табличками на груди.

В Портсмуте все желающие побывали на корабле адмирала Нельсона «Виктори», который находится на вечной стоянке в сухом доке. Какие благодарные потомки великого флотоводца, сохраняющие эту реликвию! Мне было предложено расписаться в книге почетных посетителей, что я с волнением и благодарностью сделал.

Завершился визит успешно. Удовлетворен был работой походного штаба и экипажа корабля адмирал В. М. Леоненков. Главнокомандующему ВМФ он сделал подробный доклад. Корабль получил за выполнение задач визита отличную оценку и благодарность от ГК ВМФ Адмирала Флота Советского Союза С. Г. Горшкова.

Мне было приятно получить слова благодарности от В. М. Леоненкова, его предложение перейти на службу под «Адмиралтейским шпилем». Видимо, адмирал, дважды видя и оценивая мою работу — во время визита отряда кораблей БФ под его флагом (флагман БПК «Образцовый», 2 СКР проекта 35) в порт Турку (Финляндия) в 1974 году и в порт Портсмут в 1976 году, а до этого — боевую службу в Средиземном море, где он командовал эскадрой и проверял со штабом боевую готовность «Образцового», нашел основания для столь серьезного предложения. Я поблагодарил и отказался, но набрался смелости и попросил помочь, если это будет возможно, — оказать содействие в направлении меня на учебу на АКОС (Академические курсы офицерского состава), так как мне уже было 37 лет и на очное отделение академии мне был путь закрыт. В. М. Леоненков с пониманием отнесся к моей просьбе и обещал содействие.

Мое желание учиться диктовалось необходимостью систематизировать знания для пользы службы. Замена мне была подготовлена — Г. Д. Шубович заканчивал академию и возвращался на флот. Командиры бригады и дивизии разрешили мне подготовить необходимые документы и спланировать работу и отпуск так, чтобы к началу обучения быть в академии. Сдав дела и должность Г. Д. Шубовичу, я приобрел билет на самолет. Все шло по плану. Но 2 декабря мне позвонил командир дивизии В. Е. Селиванов и предложил должность командира 128-й бригады ракетных кораблей (БРК). Я спросил, а как же с учебой? Комдив сказал: «Ты и так все знаешь, зачем она тебе?» Я ответил согласием и получил приказание утром 3 декабря быть в Балтийске и выйти в море.

Автобус из Лиепаи в Калининград отходил в 22.06. Я на него успевал. Пришедшей с работы жене и детям я сказал о том, что убываю служить командиром 128 БРК в Балтийск. Переезд их в Балтийск — по обстановке, после решения мной квартирного вопроса. Утром 3 декабря при-

был в Балтийск и успел к выходу кораблей в море. Так началась моя семилетняя служба в 128 БРК. Я сменил на должности капитана 1 ранга Ю. И. Можарова, который был назначен начальником противовоздушной обороны Северного флота. В должности начальника штаба бригады продолжал службу капитан 2 ранга Г. Н. Гуринов — опытный и грамотный офицер.

Опять до приезда семьи я жил на корабле и вникал в сложное хозяйство бригады, используя время прежде всего для изучения эсминцев проекта 56 и крейсера «Свердлов». Корабли проекта 61 и 1135 я знал, и мне достаточно было нескольких суток для изучения дел на каждом из них.

128 БРК — соединение особое. Не было ни одного мероприятия флотского уровня, где бы не участвовали корабли бригады. Это единственная бригада, которая несла службу отрядами кораблей в Средиземном море и Атлантическом океане. Современные корабли использовались с максимальной нагрузкой, ведь боевая служба была определена как основной вид деятельности военно-морского флота в мирное время. Бригада принимала все корабли, построенные или прошедшие ремонт в Ленинграде и Калининграде для других флотов, готовила их к переходу, а корабли Тихоокеанского флота — и к несению боевой службы в Индийском океане. Бригада выполняла самые сложные упражнения с применением ракетно-артиллерийских и противолодочных комплексов. Надо сказать, что при этом задействовалась большая часть кораблей, судов вспомогательного флота. К авиационному обеспечению привлекались самолеты различного предназначения. Ответственностью бригады перед всем флотом была высокая результативность проводимых тактических учений с выполнением боевых упражнений.

Очень редко, но бывали и неудачи, которые тяжело переживались нами всеми. Делались доскональные разборы действий в море и выводы на будущее. Это была настоящая учеба. В течение всего учебного периода корабли бригады боролись за право участвовать в состязаниях на приз Главнокомандующего ВМФ. И в итоге было не просто участие, но и неоднократно занимаемые первые призы по противолодочной, ракетно-артиллерийской, минной подготовке. Служба на кораблях и в штабе бригады была трудной, но интересной и перспективной. Это был настоящий кадровый резерв флота. Не было ни одного офицера, служившего на бригаде, который бы не получил продвижение по службе. Все семь лет командования бригадой я вел ежедневные записи в рабочих тетрадях. В них более 2000 листов, на которых изложено многое из того, чем мне приходилось лично заниматься. Это, разумеется, не дневник, а рабочий документ.

Осмотревшись и вникнув в дела, решив вопрос с временным жильем в Балтийске, я попросил моих липайских товарищей помочь семье в переезде, т. к. сам не мог, по условиям службы, заняться этим делом. На первых порах мы жили в квартире, которую мне предложил командир БПК «Образцовый» Е. К. Богданов, семья которого переехала к нему по месту ремонта корабля в Лиепаю. Через несколько месяцев, когда стал решаться вопрос о постоянной квартире, я его отдал на выбор жене и детям. Людмила была за квартиру во вновь построенном доме. Детям больше понравилась квартира на Морском бульваре, которую освобождал Ю. И. Можаров. Сошлись на выборе Алеши и Оли. В той квартире мы жили девять лет и никогда не жалели о сделанном выборе. В трехэтажном доме послевоенной постройки все жили дружно, а дети особенно. Мне было удобно добираться до службы катером. Я поочередно назначал, с какого корабля к 07.15 подойдет катер. Так я совмещал проверку катеров и акватории в местах швартовки кораблей. Дети учились в школе № 6, жена стала работать инженером-поверителем радиотехнических приборов в лаборатории измерительной техники, сдав предварительно экзамены строгой комиссии. За семью я был спокоен. Внимания ей я мог уделять очень мало. Лишь некоторые воскресенья удавалось побыть всем вместе. Забота о семье лежала на Людмиле все годы нашей жизни. Справлялась она хорошо, никогда не жалуясь на трудности, берегла нас.

Дела бригады, по мере освоения мною должности, становились тем магнитом, который все более притягивает тебя и уже не отпускает. К концу зимнего периода обучения я уже ощущал результаты своего становления в должности. Командир дивизии В. Е. Селиванов поставил бригаде оценку «хорошо». Во второй половине 1977 года по плану боевой службы в Средиземное море должны были выйти БПК «Бдительный» и «Дружный» в обеспечении танкера «Лена». Командиром отряда был назначен я. За семь лет командования бригадой я семь раз был на боевой службе. Все они имели свою специфику. Но первая была особенной. Поставленные командиром эскадры задачи решались успешно, корабли были технически исправны, боеготовы. Экипажи кораблей и танкера были еще перед выходом из Балтийска хорошо укомплектованы, отработаны, на боевой службе совершенствовали уровень подготовки. Командиры кораблей БПК «Бдительный» Н. Н. Новожилов, БПК «Дружный» Ю. А. Албузов, капитан танкера «Лена» И. П. Астахов были грамотными и хорошо знающими свое дело. Командный пункт (КП) корабельной поисково-ударной группы (КПУГ) развернут на «Бдительном». Начальником походного штаба был высокоценный мной офицер — М. А. Жилинскас, отлично знавший противолодочные комплексы кораблей, хороший организатор, требовательный и очень старательный. В такой паре мы с ним были во всех походах.

27 сентября 1977 года я получил телеграмму за подписью командующего флотом вице-адмирала А. М. Косова о присвоении мне досрочно приказом Министра Обороны СССР Д. Ф. Устинова звания «капитан 1 ранга». Все действительно складывалось хорошо, и мы чувствовали доверие к нам командования, штаба и политотдела 5-й эскадры, что повышало наше настроение и добавляло уверенности в себе. Поэтому неожиданной для нас стала телеграмма с КП эскадры, что кораблям для проведения планово-предупредительного ремонта (ППР) нужно следовать в Севастополь. Доложив начальнику штаба эскадры о состоянии кораблей и бесцельном расходовании моторесурса и топлива на переход в Севастополь и возвращение в Средиземное море, я рассчитывал на отмену решения. Однако оно осталось в силе. Мы перешли в Севастополь. Поскольку никто из нас не имел опыта прохода проливами Дарданеллы и Босфор, нам дали решением командующего Черноморским флотом опытных командиров 30-й дивизии противолодочных кораблей, которых мы приняли перед входом в проливы. Они же помогли нам ошвартоваться кормой к минной стенке южной бухты Севастополя. Командующий флотом адмирал Н. И. Ховрин прислал за нами машины для переезда в штаб. Принял он нас, без всякого преувеличения, по-отечески. Он-то и объяснил нам необходимость проведения ППО и ППР в Севастополе. В декабре был спланирован визит Главнокомандующего ВМФ СССР Адмирала Флота Советского Союза С. Г. Горшкова на Кубу. По плану визита он должен был принять Фиделя Кастро на советском корабле. Естественно, корабли должны были быть хорошо подготовлены, благополучно дойти до Кубы и иметь не только ухоженный вид, но и находиться в высокой степени боевой готовности. Адмирал Н. И. Ховрин сказал, что Черноморский флот выполнит все, что необходимо для кораблей, пополнит запасы и в том числе обеспечит мероприятия визита с учетом приема на кораблях главы братской Кубы.

Был приготовлен для нас и сюрприз, который остался, к сожалению, единственным за все годы боевой службы. Самолетом Ан-12 авиации Балтийского флота были доставлены жены офицеров и мичманов наших кораблей, размещены во флотской гостинице в Севастополе. Всего прибыло 52 семьи. Девять дней пролетели быстро. Действительно, службы флота все сделали по заявкам кораблей. Большую помощь при этом оказала оперативная группа Балтийского флота во главе с начальником ВИС капитаном 1 ранга О. А. Матвиевским. Экипажи отдохнули. Не обошлось и без происшествий. Некоторые мичманы-холостяки, не имевшие гражданской одежды, в форме сходили в ресторан и тут же были на близлежащей улице задержаны патрулем, отправлены в комендатуру и посажены на гауптвахту.

В день выхода я доложил командующему флотом о состоянии кораблей, поблагодарил за заботу и извинился за поведение мичманов. Командующий пожелал счастливого плавания, успешного решения задач на Кубе. Про мичманов он сказал: «О чем ты говоришь, комбриг. Знал бы, что у нас бывает, когда корабли возвращаются с боевой службы. Не расстраивайся сам и прости мичманов».

В Севастополе я впервые познакомился с капитаном 1 ранга В. И. Калабиным — начальником штаба 30-й дивизии противолодочных кораблей (ДиПК), в состав которой входили наши корабли на период стоянки. Понравился мне спокойный, уравновешенный стиль общения. Никакой искусственности в поведении. Все по-деловому и с уместным юмором. Через несколько лет Владимир Иванович Калабин станет командиром 12 ДиРК в Балтийске, т. е. моим непосредственным начальником. Еще ближе я узнаю этого замечательного человека, мы будем дружить семьями и сохраним эту дружбу навсегда.

Путь от гостеприимного Севастополя до выхода из пролива Гибралтар корабли прошли благополучно. Танкер «Лена», имевший экономход 11 узлов, был направлен в точку встречи в Атлантическом океане. Мы, следуя со скоростью 14 узлов, постепенно должны были догонять его, а после заправки кораблей танкер увеличивал бы ход до 16 узлов и обгонял нас, следуя в очередную точку пополнения запасов. Мы по-прежнему шли бы со скоростью 14 узлов.

Так мы планировали переход до Кубы. Радиосвязь между танкером и кораблями надежно поддерживалась. Прогноз погоды был благоприятный. В океане у «Бдительного» стали выходить из строя коробки передних приводов, обеспечивающие подачу турбинного масла на рабочие поверхности двигателей. Вначале на одном маршевом двигателе, затем на втором, затем на одном из форсажных. Мы, пересадив с «Дружного» командира БЧ-5 капитан-лейтенанта Ю. Самарина — лучшего инженер-механика, рассчитывали на то, что он предложит нестандартное решение задачи по развязке критической ситуации. Под его руководством выточили на корабельном зуборезном станке шестерню из стали 45, разрушение прежней и привело к прекращению работы указанных агрегатов. Поставили новую шестерню на место разрушенной, запустили маршевый двигатель. Через 45 минут зубья шестерни были «съедены». Радость наша оказалась преждевременной.

Инженеры-механики запаниковали. Где гарантия, что не выйдет из строя четвертый двигатель и корабль останется без хода? Мне помощник флагманского инженера-механика бригады капитан 3 ранга Л. В. Боровский настойчиво предлагает доложить на управляющий командный пункт (КП) обстановку. Я и сам понимаю критичность ситуации. Мы знали, что Главнокомандующий ВМФ даже при выходе из строя одного двигателя возвращал корабли с боевой службы. Собрав инженеров-механиков, сказал им, чтобы они думали, как исправить положение. Я был уверен, что, успокоившись и дополнительно изучив систему работы агрегатов, специалисты найдут решение. И они через несколько часов действительно нашли такой вариант работы агрегатов, который позволял бы вообще не задействовать злополучную шестерню. Правда, при этом увеличивался расход турбинного масла, но имевшихся запасов хватало нам до возвращения с Кубы в Балтийск.

Когда мы возвратились в базу, специалисты технического управления флота подтвердили, что это был единственный грамотный вариант ввода агрегатов в такой режим работы, который обеспечил эксплуатацию двигателей без ограничений. Нас благодарили за то, что не поддались панике, не стали беспокоить управляющий командный пункт, т. к. никакой реальной помощи нам бы не было оказано, а последствия могли быть очень плохими.

Все работы велись на ходу 14 узлов, но при работе форсажного двигателя мощностью 20 тыс. л. с. расход топлива был, разумеется, выше, чем при работе маршевого мощностью

6 тыс. л. с. Проведя расчеты, я принял решение не менять точку встречи с танкером. После ввода в строй всех двигателей перешли на плановый режим хода, встретились с танкером, наполнили запасы и шли до Кубы без корректуры плана похода. Значит, мой риск был оправданным, хотя, по действующим документам, я должен был бы переложить ответственность за принятие решения на более высокую инстанцию, т. е. на командующего Северным флотом, КП которого управлял отрядом. И вероятнее всего — на Главком ВМФ. Для этого всего-то надо было сделать соответствующий доклад на КП СФ. В последующем мне не раз приходилось брать ответственность на себя, особенно в море, когда надо рассчитывать только на силы экипажа, обеспечив грамотное руководство. А ведь при всяком докладе на управляющий КП для уточнения обстановки перед докладом командованию оперативный дежурный приглашает старшего на корабле или командира корабля для уточнения обстановки, что ведет к потере времени, утрате обстановки, задержке принятия решения. Поэтому я и подчиненные мне командиры следовали правилу: сделай все возможное под своим личным руководством для организации действий экипажа по ликвидации опасности, угрожающей кораблю, убедись в надежности принятых мер, а затем уже докладывай старшему начальнику на управляющий КП.

На подходе к Кубе, в назначенном районе, отряд пополнился подводной лодкой Северного флота. Заход в Гавану и швартовка кормой к стенке, с отдачей одного якоря, сторожевых кораблей (так теперь был классифицирован БПК проекта 1135) и танкера прошли благополучно, подводная лодка ошвартовалась к левому борту «Бдительного».

Главкомандующий ВМФ специальным рейсом самолета Ту-95 прибывал через сутки. Экипажи привели корабли в смотровой вид и встретили Адмирала Флота Советского Союза С. Г. Горшкова в соответствии с требованиями Корабельного Устава. Главком обошел корабли, нашел их в хорошем состоянии и спросил меня, где я держу свой флаг и сколько человек можно разместить на обед в кают-компании. Я ответил, что на «Бдительном», можно разместить 22 человека. Зашли в кают-компанию. С. Г. Горшков ее осмотрел и спросил, а как на «Дружном»? Я ответил, что все одинаково, но центральный стол на «Бдительном» удобнее для сервировки. «Тогда прием Фиделя на этом корабле», — решил ГК ВМФ. Мне он назвал день и точное время прибытия на причал кортежа. Предупредил, чтобы никто больше не знал о предстоящем визите Фиделя, так как на него было много покушений и маршруты его перемещений тщательно отслеживаются врагами. Все приготовления к приему Фиделя следовало делать под легендой приема на борту ГК ВМФ. Экипажи должны быть построены по сигналу «Большой сбор».

21 декабря 1977 года в 18.00 кортеж прибыл к месту стоянки кораблей. Фидель в сопровождении С. Г. Горшкова поднялся на борт СКР «Бдительный».

При обходе строя Фидель останавливается и обращается к одному из матросов:

— Казах?

— Да, — отвечает матрос.

— У вас хороший боксер Руфат Рескиев, ваши тренеры готовят наших боксеров.

Завершив ритуал встречи приветствием экипажа, Фидель с С. Г. Горшковым зашли в каюту флагмана. На столе под стеклом лежала карта СССР с надписями на испанском языке. Фидель вчитался, показал, где ему в СССР подарили меховую шапку, затем снял снаряжение с пистолетом, положил на койку, сказал, что он себя здесь чувствует как дома. Через несколько минут они вдвоем с С. Г. Горшковым стали обходить корабль. По завершении обхода состоялся ужин. Личный кок С. Г. Горшкова, который шел с нами из Севастополя и еще в походе удивлявший нас тем, что и как, оказывается, можно приготовить из корабельных продуктов, тут превзошел сам себя. Ужин всем понравился не только предложенными блюдами, но и искренней обстановкой, сердечностью и простотой общения. Когда дошла очередь до кофе, адъютант подал напиток

Фиделю из принесенного с собой термоса. Перед ужином ГК ВМФ поручил мне по его сигналу подарить Фиделю инкрустированный ценными породами дерева портрет В. И. Ленина. У нас были заготовлены свои сувениры, но портрет был выполнен мастерами для главы государства и доставлен самолетом, на котором прибыл ГК ВМФ.

Получив такой подарок, Фидель растрогался и неожиданно спросил: «А есть ли еще водка?» С. Г. Горшков ответил: «Есть, конечно» — и дал указание вестовым заняться знакомым делом. Еще последовали тосты, продолжилось общение. Фидель сделал запись в Книге почетных посетителей. Вот перевод этой записи, сохранившейся в моем фотоальбоме: «Для нас было большой честью посетить этот прекрасный отряд Советского Военно-Морского Флота. По нашему мнению, техника его находится на необыкновенно высоком уровне, что является ярким примером великих научных достижений советского народа. Но таким же важным, как прекрасное вооружение корабля, является подготовленность и моральный дух офицеров, мичманов и матросов — наследников славных героических традиций моряков Октябрьской революции и Великой Отечественной войны. Мы всегда встречали и будем встречать вас как друзей, как настоящих братьев, защитников завоеваний социализма и мира, оплота независимости и гордости всех революционных и прогрессивных народов мира. Да здравствует вечная дружба и братство кубинских и советских моряков, наших двух революционных и коммунистических народов! С братским приветом Фидель Кастро. 21 декабря 1977 года, 8 ч. 15 мин. вечера».

Закончился прием в 22 часа. Проводив Фиделя, ГК ВМФ с причальной стенки осмотрел корабли, убедился в надежности принятых мер для обеспечения их стоянки, особенно подводной лодки. Во время ужина ГК ВМФ несколько раз давал мне указание проверить стоянку кораблей — из-за океанской зыби, свободно проходившей в гавань, корабли складывало, и во избежание повреждения бортов якорь-цепи были обтянуты втугую, а между бортами выставлены не только все имеющиеся кранцы, но и брусья аварийного леса. Удары корпусов ощущались, но повреждений не было. Возвращаясь в кают-компанию, я каждый раз докладывал результаты наблюдений. А после ужина С. Г. Горшков лично убедился в безопасности кораблей. Убывая, он сказал мне: «Посол Толубеев доволен, Фидель Кастро доволен, я тоже доволен. Объявите об этом личному составу и мою благодарность за проделанную работу». Конечно, каждому моряку приятно получить такую оценку и благодарность, которые я объявил на подъеме флага. Программа пятидневного визита ГК ВМФ СССР была напряженной, отдыхать ему приходилось не более пяти часов в сутки.

Корабли отряда провели в Гаване послепоходовый осмотр и ремонт, экипажи отдохнули. Все моряки выезжали купаться на пляж «Санта-Мария». Пляж был свободен, в декабре на Кубе мы были единственными, кто купался в океане при температуре воды +25 градусов. Нам прямо в летних коттеджах была предоставлена возможность лакомиться тем, что редко в те годы появлялось в наших магазинах. Мандарины, апельсины, грейпфруты, ананасы, бананы, кокосовые орехи — все в неограниченном количестве.

Офицеры смогли побывать в «Тропикане», где под открытым небом — сцена и близко к ней столики — тут можно выпить, закусить, одновременно наблюдая за красочным эстрадным представлением. Были встречи с советскими военнослужащими дислоцированных на Кубе частей, работниками Госплана СССР, дипломатическими сотрудниками. Постепенно складывалось представление о жизни на Кубе, нелегкой и зависящей во многом от СССР. Например, мы от работников Госплана узнали, что в красавицу Гавану за последние 17 лет не вкладывались средства для поддержания в надлежащем виде систем жизнеобеспечения города. В условиях агрессивной среды, определяемой близостью океана, городу грозили труднопоправимые последствия. Советские специалисты были приглашены для организации срочных работ по сбережению столицы Кубы.

Прямо противоположный пример — прогрессивные формы медицинского обслуживания. Мы убедились, что стоматология в СССР находится на гораздо более низком уровне, чем на Кубе. Все члены наших экипажей прошли санацию полости рта и лечение зубов с применением одноразовых шприцов и таких материалов, о которых даже наши врачи слышали лишь на лекциях, а в практике не применяли. Лечение было поставлено на поток. Врач, проводивший диагностику, в специальной карте указывал, какой зуб и как лечить. Далее пациент попадал в бригаду специалистов, которые на высочайшем уровне проводили лечение с обязательной анестезией. По завершении лечения — очистка зубов от наслоений, шлифовка и — к зеркалу с улыбкой. В финале — показ на макете, как правильно чистить зубы.

Интересно было ознакомиться с системой школьного образования. По плану нашего захода мы посетили остров Пинос, перелетев туда самолетом. С нами был начальник штаба РВМФ Кубы контр-адмирал Баес Виго. В двух школах, которые нам было предложено посетить, обучались дети из Мозамбика и Анголы. Начало занятий — с построения и церемонии подъема флага. Далее — сами занятия, после чего — работа на цитрусовых плантациях. В школах — по 600 учеников. За школой закреплено 600 га цитрусовых плантаций, т. е. по гектару на ученика. Проживание и питание — в специальных помещениях. Порядок идеальный. Завершается учебный день построением и спуском флага.

На острове Пинос (он был позднее назван островом Молодежи), мы побывали в той тюрьме, где сидел Фидель Кастро с соратниками. Они располагались в специальном госпитальном флигеле. Тюрьма построена в 1926 году по американскому проекту. На закладке ее присутствовал глава Кубы Мачада. В ней была такая организация содержания осужденных, что даже места приема пищи менялись, и соседи за столом каждый раз были новые. Наблюдение за осужденными велось вооруженными людьми с вышки, размещаемой в центре здания. Вход на нее был подземный и далее по винтовой лестнице на площадку кругового наблюдения. Таким образом, контакта осужденных с охраной не могло быть. Рассказывали, что из такой тюрьмы никому не удалось сбежать.

Быстро пролетели дни стоянки в Гаване. ГК ВМФ убыл в СССР. Мы совершили переход в Сьенфуэгос, в Мексиканском заливе провели учения с революционным ВМФ Кубы. Стоянку в порту использовали для отдыха экипажей. Все побывали в индейской деревне, в питомнике по выращиванию крокодилов, некоторые офицеры были приглашены на отдых в горы, где имели возможность порыбачить в озере с катера на ходу — именно так ловилась форель. Все впервые занимались такой рыбалкой. Мой улов был самым большим — 22 форели.

В братской атмосфере проходили встречи советских и кубинских моряков-катерников. Мы постоянно ощущали заботу кубинских офицеров о наших экипажах. Новогодний праздник встретили вместе. Темперамент кубинцев и их опыт в проведении праздничных мероприятий сделали свое дело — наши моряки быстро осмелели, исчезла скованность. С удовольствием танцевали — как здесь удержишься от танцев, когда звучит зажигательная ритмичная музыка, а рядом темпераментные кубинские девушки.

Корабли успешно сдали первую курсовую задачу. Провели ремонтные работы с особой тщательностью — нам предстояло длительное плавание до Балтийска. Стоянка в Сьенфуэгосе позволила нам решить все задачи с меньшим отрывом экипажей от служебных дел, чем это было в Гаване. При этом моряки смогли хорошо отдохнуть.

Во время своего пребывания на Кубе ГК ВМФ утвердил еще один заход в Гавану. С. Г. Горшков прекрасно понимал, что в течение пяти суток работы советской делегации под его руководством действия экипажей определяются, в первую очередь, обеспечением выполнения программы его пребывания. Для этого ведь мы и пришли. На приеме у посла Советского Союза на

Кубе Н. П. Толубеева ГК ВМФ сказал мне в присутствии командующего РВМФ Кубы вице-адмирала Альдо Сантамария Куадро, что кубинские товарищи просят из Сьенфуэгоса корабли направить в Гавану, и он согласен удовлетворить их просьбу. «А из Гаваны уже пойдете на Балтику. Доложите об этом на центральный командный пункт ВМФ, командующему БФ, откорректируйте план похода», — приказал ГК ВМФ.

Второй заход в Гавану мы осуществили с учетом уже собственного опыта. Теперь мы у того же причала ошвартовались с отдачей двух якорей, что обеспечивало более благоприятные условия стоянки кораблей. Опять были напряженные дни, связанные с представительскими и протокольными мероприятиями. На кораблях принимали многих советских представителей с их кубинскими друзьями. Наши моряки пополняли опыт общения не только на корабле, но и в интересных местах на берегу. Мы побывали в сельскохозяйственном кооперативе, которым руководил старший брат Фиделя Кастро Рамон, на ликеро-водочном заводе, где производится весьма известный в СССР кубинский ром. Там мы увидели весь цикл производства, продегустировали не только ром 3-летней выдержки, который был в советских магазинах, но и 5-ти и 7-летней выдержки. Налив небольшие порции рома в бокалы, директор завода вначале предложил почувствовать аромат напитков, не пригубляя их. Разница была ощутимой, аромат каждого отличался, а когда мы попробовали на вкус, то наш хозяин сказал, что вкус 7-летнего рома сопоставим с поцелуем семнадцатилетней девушки.

В этот заход мы могли ближе познакомиться с нашими военными специалистами — главным военным советником генерал-лейтенантом С. Г. Кривоплясовым, советником командующего РВМФ контр-адмиралом В. М. Буйновым, офицерами атташата. Все они помогали в выполнении программы захода, корректировали, с учетом национальных особенностей и знания ими обстановки на Кубе, планы мероприятий так, чтобы они были взаимно сбалансированы. К завершению пребывания на Кубе все имевшиеся сувениры были вручены, в ход уже пошли предметы формы одежды. Кубинцам было проще — они дарили раковины, кораллы, чучела варанов, крокодилов. Без сувенира с Кубы никто не уходил. Помню чучело полутораметрового крокодила, которого со мной передали от командующего РВМФ Кубы для вице-адмирала П. П. Белоуса — начальника тыла БФ, служившего до назначения на эту должность советником вице-адмирала А. С. Куадро.

Дни бежали, приближая нас к 15 января 1978 года — дате выхода из порта Гавана. Большие усилия потребовались для устранения повреждений цистерн главного балласта и топливных на подводной лодке, с которыми она, как показало расследование, прибыла из Луанды (Ангола) на Кубу. Серьезный разговор состоялся с командиром ПЛ капитаном 3 ранга Л. З. Рыжковым, не знавшем о повреждениях. Пришлось срочно организовывать подводные сварочные работы, чтобы обеспечить запас топлива на лодке, достаточный для перехода на СФ без дозаправки. В телеграмме начальнику штаба СФ я доложил о состоянии ПЛ, для учета в планах флота при постановке ей задач.

В назначенное время отряд вышел из Гаваны. Каждый из нас оставил на романтическом острове частичку своего сердца и мог бы повторить слова известной песни: Куба — любовь моя.

КОМАНДИРСКАЯ ВАХТА

Первая боевая служба в должности командира 128 БРК дала мне очень многое. На Кубе я больше не был, все остальные службы нес в Средиземном море и Атлантике. Полученный опыт, наблюдения и выводы я использовал для подготовки кораблей и штаба. Находясь полгода на корабле, видишь своими глазами каждого члена экипажа, а больше всего — командира корабля. На корабле много вахт, меняющихся каждые четыре часа. И лишь одна из них не ограничена никаким временем. Это вахта командирская. И никто так пристально и заинтересованно не изучает командира корабля, как командир соединения, сам в недавнем прошлом занимавший эту должность. Редко командир корабля оказывается под таким длительным наблюдением своего непосредственного начальника, большую часть службы он находится в полной самостоятельности. Как командир будет действовать в море, зависит от его знаний, опыта и характера. За годы командования бригадой прошли школу подготовки и воспитания десятки командиров кораблей. Это были молодые офицеры, в званиях капитан-лейтенант и капитан 3 ранга, которым доверялось командовать кораблями 2 ранга. Командиры направлялись на учебу в академию, некоторые по ее окончании возвращались на Балтийский флот, в том числе в 12 ДиРК и 128 БРК. Так, например, последовательно сменялись начальники штаба бригады. Капитана 2 ранга Г. Н. Гуринова, назначенного командиром 76-й бригады эскадренных миноносцев, сменил В. Л. Афонин, далее вахту последовательно принимали Ю. А. Албузов, В. А. Корнюшко, затем Ю. А. Кличугин. Офицеры штаба так же активно направлялись в ВМА, их заменяли достойные офицеры с кораблей бригады. Конечно, всякая смена офицеров накладывает на их непосредственного начальника дополнительные нагрузки, пока идет становление офицера в новой должности. Подготовка и допуск к самостоятельному управлению кораблем в море требует от командира соединения не только практического обучения командира корабля, но и в определенных условиях готовности самому вступить в управление кораблем. Чаще всего бывало так, что на принятом в состав бригады корабле, предназначенном для другого флота, командир не был допущен к самостоятельному управлению кораблем. В основном это относилось к кораблям Тихоокеанского флота. Из старших помощников командиров кораблей ни один не имел допуска за все семь лет моего командования бригадой. Поэтому мне и начальнику штаба приходилось выходить в море на этих кораблях, изучать офицеров особенно тщательно, так как их предыдущая служба нам была неизвестна, мы не знали их способностей. Оформляя документы на допуск к управлению кораблем приказом командующего БФ, мы несли личную ответственность за уровень подготовки командиров.

Конечно, не всем командирам нравилась наша методика работы на кораблях временного подчинения, но мы ко всем кораблям относились одинаково, не деля их на «своих» и «чужих». Да и в целом БФ был одинаково заботлив о кораблях всех флотов. Встречаясь дважды в год на подведении итогов под руководством ГК ВМФ, мы имели возможность общаться с командирами соединений, в состав которых входили подготовленные в 128 БРК корабли, и всегда получали благодарные слова за проделанную работу по становлению экипажей.

Наиболее одаренные офицеры, прошедшие службу в бригаде, получившие соответствующее образование, заслуженно продвигались по службе, некоторые получили адмиральские звания, ключевые должности на флотах, четверо стали командующими флотами (Г. Н. Гуринов, И. Н. Хмельнов, А. А. Татаринов, В. Г. Егоров).

Напряженная и интересная служба приносила удовлетворение, и на какое-то время я отошел от мыслей об учебе в академии. Но шли годы, уже стал начальником штаба 12 ДиРК

Г. Н. Гуринов, командира дивизии В. Е. Селиванова сменил Р. Л. Дымов, и я опять четко уяснил себе, что без учебы в ВМА не буду иметь возможности продвижения по службе. Обратился к командующему флотом адмиралу В. В. Сидорову с просьбой дать возможность поступить мне на заочное отделение в ВМА. Комфлот спросил меня: «А кто же будет служить?» Я ответил, что смогу и служить, и учиться. Вердикт был такой: «Куй кадры».

После катастрофы самолета в Пушкине и гибели командования ТОФ, командующим флотом был назначен В. В. Сидоров. На БФ его сменил И. М. Капитанец. Он и на новой должности был так же скрупулезен во многих вопросах службы кораблей бригады, как и в прежней должности первого заместителя командующего БФ. Особой его заботой была подготовка стреляющих расчетов зенитных ракетных комплексов. Он выкладывал перед собой все организационные и технические документы комплексов каждого стреляющего корабля, выверял соответствие параметров формулярным данным, проверял в учебном классе или на корабле натренированность расчетов, создавая сложные помеховые условия, имитируя потерю цели закрытием экрана и оценивая действия расчетов по поиску целей методом «догона». Конечно, новыми методическими приемами это не было. Мы именно так отрабатывали расчеты и готовили комплексы к стрельбе. Но то, что лично командующий флотом это знал и проверял, всех на первых порах поражало. Когда он убедился во внедрении методики на всех кораблях, увидел ее результативность при выполнении стрельб, сам провел несколько разборов тактических учений, то уже полностью положился на нас, лишь иногда внезапно проверяя отдельные элементы. Авторитет бригады, корабли которой не раз выступали инициаторами существовавшего в те годы социалистического соревнования на флоте, занимали призовые места, был высоким. В 1980 году Военным советом флота бригада была выдвинута инициатором соревнования за передовое соединение на флоте. Это требовало концентрации усилий каждого экипажа и штаба бригады. Обязательства бригады были выполнены: все корабли за несение боевой службы получили отличные оценки; ни один корабль не имел аварий оружия и технических средств; план боевой подготовки был выполнен при экономии топлива 10 %; в экипажах поддерживалась крепкая воинская дисциплина, в течение 2-х лет не было происшествий и судимостей. Думаю, что этим годом Военный совет флота ставил точку в происшествии со «Сторожевым» пятилетней давности.

1981 год был особым для БФ. Балтийскому флоту была отведена важная роль в плане стратегических маневров Вооруженных сил СССР «Запад-81», проходивших в сентябре под руководством Министра Обороны СССР Маршала Советского Союза Д. Ф. Устинова. 128-я бригада участвовала в маневрах десятью кораблями, все они получили хорошие и отличные оценки за выполнение поставленных задач. Это была дополнительная нагрузка к планам несения боевой службы, боевой подготовки, участию в состязательных мероприятиях на приз ГК ВМФ. Триумфом бригады явилось объявление ее лучшим соединением Военно-Морского Флота СССР. Понятно, что это была оценка поступательного движения бригады к достижению высших результатов службы.

С хорошим настроением мы вступили в 1982 год и работали на сохранение, а в некоторых вопросах на повышение результатов боевой учебы. Командиром дивизии в 1981 году стал капитан 1 ранга В. И. Калабин, сменивший Р. Л. Дымова, ушедшего на ТОФ. В первой беседе со мной комдив после подробного заслушивания обстановки сказал, что в Главном управлении кадров ему высказали удивление и просили выяснить, почему комбриг Егоров не хочет учиться. Тут уж мне пришлось удивляться и доложить, как фактически обстоит дело. В. И. Калабин распорядился готовить документы на заочное обучение в ВМА, которые были оперативно отправлены по команде, и я был без экзаменов зачислен слушателем.

Начальником штаба дивизии оставался Г. Н. Гуринов, начальником политотдела Г. К. Ефимов. Мы дружили семьями. В. И. Калабин, присмотревшись к нам, предложил расширить круг семейного общения. Так сложилась наша дружба, которую мы бережем все годы, хотя судьба разбросала нас по разным местам: вице-адмирал В. И. Калабин живет в Санкт-Петербурге, адмирал Г. Н. Гуринов — в Москве, капитан 1 ранга Г. К. Ефимов — в Киеве, а я — в Калининграде.

Беда, как всегда, пришла тогда, когда ее не ждали, и от того, кто не должен был ее принести. 31 июля 1982 года в заливе Сены сторожевой корабль (СКР) «Неукротимый» столкнулся с датским контейнеровозом «Фальстрия». Я получил эту ошеломившую меня информацию вечером, только что придя домой. Корабль возвращался с отличной оценкой за боевую службу у западного побережья Африки. Командовал им грамотный и опытный в вопросах кораблевождения капитан 3 ранга Н. Г. Сироткин. Прибыв на КП бригады, я получил дополнение к первичной информации: корабль на плаву, из экипажа никто не пострадал. По приказанию командующего флотом на СКР «Сильный» скомплектовали оперативную группу в количестве 29 человек. От флота старшим был назначен вице-адмирал П. П. Белоус, от дивизии — Г. Н. Гуринов. С кораблей бригады собрали группу сварщиков, взяли со склада мастерской необходимые материалы, разместили на «Сильном». Через четыре часа вышли в море. Это был самый безрадостный для меня выход. С прибытием в залив Сены комиссия приступила к работе. Составили акт, проверили состояние оружия и технических средств, убедились, что корабль может дать ход без ограничений. Комиссия перешла на «Сильный», и отряд со скоростью 22 узла начал переход в Балтийск. Я остался, естественно, на «Неукротимом» и, многие часы беседуя с офицерами, мичманами и матросами, выяснял в деталях обстоятельства столкновения и последующих действий экипажа. А также причины, приведшие к распушенности командира за период боевой службы.

Столкновение, если можно так сказать, организовал лично командир корабля, находившийся в нетрезвом виде. Выпили вначале на «Неукротимом» с капитаном танкера «Шексна», который прибыл в залив Сены специально для заправки «Неукротимого» топливом. Затем «добавили» на «Шексне» в каюте капитана. В таком состоянии командир находился на мостике с момента начала движения после заправки. Появление контейнеровоза не было неожиданным. Наблюдение и доклады по этой единственной цели велись расчетом боевого информационного поста и сигнальщиками. Пеленг не менялся, дистанция сокращалась. Командир, наблюдая цель с правого борта, обязан был уступить дорогу контейнеровозу «Фальстрия» водоизмещением 30 тыс. тонн. Однако он решил обогнать «Фальстрию», не реагируя на все более тревожные доклады о грозящем столкновении.

С критической дистанции 5 кабельтовых старший помощник командира капитан-лейтенант В. Н. Апанович командовал рулевому «лево на борт», ручки машинного телеграфа поставил на «самый полный назад». Принятыми мерами не удалось предотвратить столкновение, но удар был смягчен. Носовой частью «Фальстрии» был поврежден борт в носовой части «Неукротимого», смещена ракета-торпеда в пусковой установке. Удар пришелся по тем помещениям, где не было боезапаса. Благодаря действиям старпома корабль был спасен от гибели.

Переход до Балтийска прошел без замечаний. В базе «Неукротимый» встречали, конечно, не так, как это было отработано для кораблей, возвращающихся с боевой службы. Прибыл командующий флотом, заслушал мой доклад об обстановке и предложениях. Утвердил срочную разгрузку корабля и постановку на восстановительный ремонт на завод «Янтарь». Командир корабля капитан 3 ранга Н. Г. Сироткин решением ГК ВМФ был лишен воинского звания и уволен в запас, капитан-лейтенант В. Н. Апанович переведен на равнозначную должность помощника командира крейсера, заместитель по политчасти старший лейтенант В. В. Ульянов назначен в часть на берегу.

Тяжело переживал экипаж, особенно офицеры и мичманы, это происшествие. Оно больно отозвалось во всех инстанциях, до Главнокомандующего ВМФ СССР включительно. Ведь Н. Г. Сироткин подорвал личное доверие к нему ГК ВМФ — он был допущен к несению боевой службы самостоятельно, хотя по действующему порядку с ним, как впервые выполнявшим ее задачи, должен был выходить старший начальник.

У каждого была своя боль и своя обида. Я единственный раз провожал корабль, идущий на боевую службу, до залива Сены. Обычно допуск кораблей осуществлялся на контрольном выходе в полигонах Балтийской военно-морской базы. На этот раз я попросил разрешения у командира дивизии выйти с небольшой группой офицеров штаба бригады на корабле, осуществить его детальную проверку, помочь командованию в организации несения боевой службы. В. И. Калабин согласился. Мы тщательно выполнили намеченное, на якорной стоянке в заливе Сены сделали подробный разбор всех вопросов службы, дали инструктаж. Помню, я сказал командиру, старпому и заместителю по политчасти, чтобы они все сложные для каждого из них вопросы обсуждали и решали вместе. При необходимости в помощи выходили на связь, которая осуществлялась в соответствующей сети постоянно на флагманском корабле. Все заверили меня в полном понимании ответственности и ясности требований. Командир корабля оказался единственным из троих, кто предпочел пьянство порядочности отношений, благополучию семьи, создав ситуацию, едва не ставшую смертельной для корабля и экипажа.

Н. Г. Сироткин должен был покрыть нанесенный ущерб. Посоветовавшись с судьей один на один, я сказал, что у виновного семья, двое детей, и я предлагаю разумную сумму — 10 тыс. рублей. Судья согласился. Платить же за все остальное, что не измеряется никакими денежными средствами, пришлось бригаде сполна.

Уверен, что тяжелее всех перенес беду старший помощник командира корабля В. Н. Апанович, который поднялся на мостик, когда дистанция до контейнеровоза была всего 11 кабельтовых. Быстро оценив обстановку, он крикнул командиру: «Что вы делаете, мы идем на столкновение». В ответ получил: «Старпом, не мешайте, я управляю кораблем». Видя неотвратимость столкновения, старпом подал спасительные для корабля команды на руль и в машины, фактически вступив в управление кораблем с этого момента. Видя состояние командира, выброшенного из кресла и получившего значительные ушибы при столкновении, В. Н. Апанович объявил боевую тревогу с задачей осмотреться по боевым постам и оценить возникшие опасности. Приняв доклады об отсутствии возгораний, о поступлении воды, состоянии боезапаса, убедившись в безопасности корабля, установил боевую готовность № 2, доложил на КП флота, организовал работу экипажа по устранению повреждений, подготовку к переходу в Балтийск.

Все члены флотской комиссии положительно оценили работу В. Н. Апановича. Тем удивительнее мне было узнать от офицера отдела кадров флота Л. Ф. Каргаева о том, что подготовлен приказ командующего флотом об освобождении офицера от должности старпома и назначении с понижением. Я попросил его задержать приказ, пока не доложу свое мнение первому заместителю командующего флотом вице-адмиралу А. М. Калинин, еще не успевшему завизировать документ. А. М. Калинин внимательно выслушал меня, пообещал дополнительно изучить материалы и принять решение после работы на корабле. Трижды после этого он прибывал на корабль, убедился в том, что такое наказание противоречило бы реальной оценке сделанного офицером. При первой же возможности я спросил, почему вообще появился проект такого приказа. И А. М. Калинин сказал мне то, о чем никто не знал, кроме руководства флота. Оказывается, решение по командованию корабля Главком ВМФ принимал на основе первичной информации, и теперь уже никто не возьмет на себя смелость сделать повторный и объективный доклад. Я предложил вариант перемещения В. Н. Апановича на должность помощника командира крей-

сера. Эта должность была с категорией «капитан 3 ранга» — такой же, как и должность старпома на корабле 2 ранга. Командующий флотом И. М. Капитанец согласился. Перемещение офицеров в должности с категорией «капитан 3 ранга» было в его компетенции.

В. Н. Апанович стойко перенес такой поворот судьбы. Последующая его служба подтвердила правильность принятого решения, обеспечившего его продвижение по службе. Он закончил офицерские классы, командовал СКР «Сильный», после окончания академии прошел последовательно должности начальника штаба бригады, командира бригады, начальника штаба дивизии, командира дивизии, командира Балтийской военно-морской базы, семь лет является заместителем командующего флотом. Имеет воинское звание вице-адмирал. Жалею об одном — не дали В. Н. Апановичу экстерном закончить академию Генерального штаба и тем самым перекрыли путь к назначению командующим флотом. Эта должность была им заслужена. Все годы моей службы с ним я знал, что если требуется решить задачу любой сложности, надо поручить ее выполнение В. Н. Апановичу. Так же поступал и ГК ВМФ России адмирал флота В. И. Куроедов. Он определил В. Н. Апановича как имеющего самый большой плавательный стаж среди адмиралов ВМФ России. Парадоксальная ситуация — при кадровом дефиците все-сторонне подготовленный, полный сил адмирал должен уходить в запас по возрасту.

1983 год для бригады был годом исправления. Командующий флотом принял решение в этом году никого из офицеров на учебу в Военно-морскую академию не направлять, еще более интенсифицировать боевую подготовку и напряженность боевой службы, направив на выполнение ее задач шесть кораблей: в Средиземное, Северное и Норвежское моря, северо-восточную Атлантику, к западному побережью Африки. Мы тщательно спланировали работу на год, понимая, что с нас будет строгий спрос за все. 4 апреля я убыл в Средиземное море с отрядом кораблей в составе: СКР «Дружный» (флагман КПУГ, командир корабля капитан 3 ранга Г. А. Радзевский), СКР «Свирепый» (командир корабля капитан 3 ранга В. Р. Головунин). Для обеспечения кораблей вышел танкер «Шексна». Командовал 5-й эскадрой контр-адмирал В. Е. Селиванов. Решая задачи слежения за силами 6 флота, участвуя в поисковых противолодочных операциях, ведя разведку, мы неизменно получали высокие оценки 5-й эскадры. С 26 по 30 мая под флагом командира эскадры состоялся официальный визит отряда в составе: СКР «Дружный», СКР «Свирепый», СКР «48» (ЧФ) — в Тунис. Командир эскадры со специалистами штаба и политотдела на время визита перешел на СКР «Дружный». Начальником походного штаба был назначен я. Задачи визита были решены успешно. По итогам визита командир эскадры издал приказ о поощрении отличившихся.

Нам было приятно сознавать, что подготовительной, организаторской и политико-воспитательной работой было обеспечено выполнение программы визита, командиру эскадры не приходилось беспокоиться о текущих делах службы в отряде. Я в Тунисе был второй раз и уже знал все особенности стоянки в порту. Полезным для нас было общение в течение пяти суток со специалистами эскадры. До этого мы общались только телеграммами. Здесь же многое было разъяснено офицерами с большим опытом службы в эскадре. Здесь мы близко познакомились с начальником политотдела эскадры контр-адмиралом В. И. Никулиным. Через несколько лет мы будем служить вместе: я — в должности командующего 5-й флотилией кораблей, он — в должности члена Военного совета, начальника политотдела флотилии.

А в Балтийске шла напряженная работа. Бригаду проверил Главнокомандующий ВМФ Адмирал Флота Советского Союза С. Г. Горшков. Он вышел на СКР «Сильный» на тактическое учение с проведением совместной зенитной ракетной стрельбы и стрельбы противолодочными ракетами-торпедами. С волнением мы ждали результатов работы в море и оценок ГК ВМФ. Наконец, долгожданная телеграмма: ГК ВМФ дал общую оценку «хорошо», зенитная ракетная стрель-

ба была оценена отлично, стрельба ракетами-торпедами — хорошо, выходом на СКР «Сильный» он остался доволен. Конечно, это была для нас поддержка, и экипажи кораблей вздохнули с облегчением, командиры почувствовали возвращенное к ним доверие.

Год был завершен успешно, корабли решили задачи боевой службы с высокими оценками. Бригада выдержала этот год, подтвердила свою боеготовность, восстановила авторитет на флоте. В конце года мне предложили должность командира 24-й бригады ракетных катеров с категорией «контр-адмирал». Я согласился не раздумывая.

«МАСТЕРСКАЯ ТОЧНОСТЬ»

23 ноября 1983 года командующий флотом адмирал И. М. Капитанец представил меня личному составу 24-й бригады. На должность командира 128 БРК был назначен капитан 2 ранга В. А. Корнюшко, на прием-передачу дел нам командир дивизии контр-адмирал В. И. Калабин дал одни сутки — 21. 11. 83 г. Товарищеский ужин в ресторане «Дружба» завершил эту процедуру. Мне выпало большое морское счастье — семь лет командовать бригадой, равной которой не было на Балтике. Ни до меня, ни после никто столько лет не командовал 128 БРК. Я имел честь служить на кораблях, равным которым не было в мире. Всякое бывало за эти годы. За упущения, которые были, с меня строго спрашивали. Но и относились ко мне хорошо. Не могу не рассказать, в подтверждение этого, об одном случае.

На тактическом учении под руководством Главнокомандующего ВМФ, который держал свой флаг на крейсере «Октябрьская революция», корабли бригады выполняли стрельбы в условиях сплошного тумана. Корабельной поисково-ударной группе (КПУГ) в составе СКР «Сильный», СКР «Дружный» была поставлена задача выполнить совместную артиллерийскую стрельбу по радиоуправляемой мишени. Расхождение катера-водителя и управляемой им мишени было назначено на 12.00.

Надо же было тому случиться, что именно на 12.00 был назначен отход от находившегося в районе стрельбы БМРТ «Боголюбов», который по завершении путины следовал в Калининград. Операторы радиолокационной станции и расчет боевого информационного поста взяли на сопровождение отошедший БМРТ. Его курс незначительно отличался от того, которым должна была следовать радиоуправляемая мишень, а скорость хода совпадала. Проведя все положенные сличения, получив доклад о чистоте района, я, руководивший боевым упражнением, дал разрешение на выполнение стрельбы кораблями. О выполнении командиры доложили мне, я сделал доклад командиру дивизии. В 23.00 корабли бригады, сопроводив крейсер до Лиепай, возвратились в Балтийск для приемки мин на выполнение совместной минной постановки. Я получил приказание позвонить командующему флотом. В. В. Сидоров в этот день получил звание «адмирал». Представившись, я, естественно, поздравил его с получением звания. «Ты решил отметить это событие меткой стрельбой по рыбаку? — спросил командующий и добавил: — Три снаряда с «Боголюбова» находятся в кабинете начальника штаба флота. Сохранилась ли прокладка в БИПе и у штурмана?» Я ответил, что как положено, она сохраняется до проведения разбора стрельб. Командующий приказал проанализировать обстановку по прокладке до стрельбы на обоих кораблях, а после возвращения с минной постановки на корабли прибудет комиссия штаба флота для проведения расследования и последующего доклада Главному ВМФ. В. В. Сидоров сказал мне, что когда ГК ВМФ в Лиепаве проводил встречу с избирателями как депутат Верховного Совета СССР от Лиепай, ему на стол положили срочную теле-

грамму от министра рыбного хозяйства СССР. В ней сообщалось об обстреле неизвестным кораблем в тумане большого морозильного рыболовного траулера «Боголюбов». Конечно, последовало поручение ГК ВМФ командующему флотом разобраться и доложить. «Твое счастье, что стрелял практическими снарядами и никто из команды БМРТ не пострадал. Но готовься к разбору у ГК ВМФ», — завершил В. В. Сидоров.

По завершении работы в море офицеры штаба бригады и кораблей доложили комиссии материалы, в которых не было обнаружено ошибок в действиях расчетов. Но факт-то имеет более чем весомые доказательства в ошибочной оценке общей обстановки. На разбор в конференц-зал штаба флота я пришел с командиром дивизии Р. Л. Дымовым и начальником политотдела дивизии А. И. Бичуриным. Дошла очередь до разбора нашей стрельбы. «Где комбриг?» — спросил Главнокомандующий ВМФ. Я встал, представился. ГК ВМФ сказал: «Я все знаю, мне уже доложили. Будьте впредь более осмотрительны. А вы, — обратился к Р. Л. Дымову и А. И. Бичурину, которые тоже поднялись, — не ругайте комбрига, стрелял он хорошо, даже попал в блок подъема сетей с 10-километровой дистанции. Это мастерская точность».

Все годы я буду помнить этот урок благородства. Строгий выговор в приказе ГК ВМФ я все-таки получил. Но это уже было наукой для других. Через несколько месяцев взыскание было снято. Бережно относились ко мне руководители политорганов всех уровней. Ни разу я не был привлечен к партийной ответственности. Много лет был членом партийной комиссии дивизии, участвовал в рассмотрении различных дел. При этом всегда шел товарищеский разговор и выносились, как правило, минимальные взыскания.

Корабельная служба высвечивает каждого. Находясь в стальном корпусе, мы все равно открыты всем взглядам не только на своем корабле. Начальники политотделов В. В. Воецкий, И. Н. Медведев, А. И. Бичурин, Г. К. Ефимов сами прошли большую службу, и ни один из них не стал формалистом. Они творчески подходили к организации партийно-политической работы. Сейчас, с позиций нового времени, ее можно оценивать критически. И все же в большинстве своем политработники оказывали действенную помощь командирам в «сколачивании» экипажей, укреплении дисциплины и порядка, отстаивали интересы плавсостава, особенно в обеспечении офицеров и мичманов жильем, проявляли заботу о семьях.

К сожалению, после формирования дивизии в штабе бригады осталось только три политработника: заместитель командира бригады по политчасти, пропагандист и помощник по комсомолу. Трех офицеров, конечно, было мало для организации системной работы на кораблях, число которых, как правило, превышало штатный состав бригады в полтора-два раза за счет принимаемых от промышленности. К тому же, один из политработников, чаще всего заместитель командира бригады по политчасти, находился на боевой службе. Поэтому значительную часть нагрузки брал на себя политический отдел дивизии. Совместная, дружная работа была нормой и давала хорошие результаты. Не могу и не хочу в угоду нынешней политической конъюнктуре перечеркивать ее.

За достигнутые бригадой результаты я был дважды награжден орденом «За Службу Родине в Вооруженных силах СССР» — III степени в 1978 году и II степени в 1982 году, мне было досрочно присвоено звание «капитан 1 ранга» в 1977 году, я стал слушателем отделения заочного обучения ВМА в 1981 году.

Прошел 21 год после выпуска из Военно-морского училища. За это время я ни разу в нем не был, хотя в Ленинграде с кораблями на военно-морских парадах каждый год бывал трижды (в честь Дня Победы, в честь Дня Военно-Морского Флота, в честь Великой Октябрьской социалистической революции). Все эти годы я был связан с корабельной службой и на корабле в море чувствовал себя спокойнее, чем на берегу. Находясь на ходовом мостике или работая в

каюте, всегда ощущаешь ритм корабельной жизни. В любую минуту можно отреагировать на опасную для корабля ситуацию, лично прибыть, оценить и распорядиться по действиям, особенно первоочередным.

Трудно командиру прощаться с кораблем. Но еще труднее — с бригадой, где каждый корабль тебе по-своему дорог. В 24-й бригаде корабельный состав был представлен кораблями и катерами ранней постройки. Мне пришлось возвратиться на 20 лет назад — это были сторожевые корабли проекта 35, на которых начиналась моя служба. Они, как и дивизион ракетных катеров, дислоцировались в Свиноуйсьце (ПНР). Дивизион малых противолодочных кораблей проекта 204 дислоцировался в порту Засниц (ГДР). Группы строящихся и ремонтирующихся кораблей находились в портах Щецин, Гдыня, Гданьск, Свиноуйсьце. За год только доковые ремонты проходили до 50 боевых кораблей и судов вспомогательного флота. Работы на польских верфях проводились с высоким качеством. Флагманские специалисты штаба бригады и дивизионов были хорошо подготовлены — отбор для службы за границей был строгим. Политотдел бригады возглавлял капитан 1 ранга И. Ф. Ласский. Корабельные дела мне были ясны. Новым, до этого малознакомым мне был 753 отдел тыла флота (ОТФ). Командовал этим сложным хозяйством капитан 1 ранга Э. А. Романычев — подводник, служивший командиром электромеханической боевой части атомной подводной лодки. Вникнув в его хозяйство, я понял, насколько оно объемно и сложно. Фактически это был мини-тыл флота. Подчинялся начальник 753 ОТФ начальнику тыла флота, командиру бригады — как начальнику гарнизона. Еще принимая дела у контр-адмирала Э. А. Попеко, я обратил внимание, что многие распорядительные функции, не входящие в его компетенцию, выполняет начальник политотдела. На мой вопрос, почему так происходит, от Э. А. Попеко я не получил вразумительного ответа. Задал этот вопрос, естественно, И. Ф. Ласскому. И услышал обескуражившее меня: «Если власть валяется в течение двух лет, кто-то должен ее поднять. Вот я и поднял». Я сказал И. Ф. Ласскому, что так у нас не будет, давайте выполнять каждый свои функции сполна.

На первых порах я опять оставил семью в Балтийске и жил один — теперь в кабинете. Это дало возможность мне вникнуть во многие вопросы соединения, дислоцированного за рубежом нашей страны. Проверив действия ракетного дивизиона по выходу в ракетную атаку, убедился в том, о чем только догадывался: командный пункт дивизиона не соответствовал требованиям действующих на флоте документов. Проведя разбор тренировки и побеседовав с офицерами, я понял, насколько они перегружены несвойственными им обязанностями. Дивизионные специалисты несли службу старшего помощника оперативного дежурного бригады, они тем самым отрывались от своих прямых обязанностей. В то же время, находясь в одном здании со штабом бригады, 753 ОТФ имел своего оперативного дежурного. Переговорив с Э. А. Романычевым, проведя расчеты, мы пришли к выводу, что можно старшим помощником оперативного бригады назначать офицера из управления тыла, а для обеспечения деятельности начальника тыла достаточно иметь распорядительного дежурного в звании «мичман». Интересы службы от этого только выигрывали, поскольку наиболее хлопотным делом оперативного дежурного бригады было как раз решение тыловых вопросов, которые теперь под его наблюдением и контролем решал бы профессиональный офицер тыла. Высвобождались дивизионные специалисты ракетного дивизиона для исполнения своих специальных обязанностей.

Предварительно откорректировав документацию дежурной службы, оформив графически планируемые изменения и их обоснования, я в первый же приезд в Калининград доложил командующему флотом и спросил его разрешения на введение таких изменений. И. М. Капитанец дал согласие и, более того, сказал, чтобы я энергичнее действовал самостоятельно, сообразуясь с собственной оценкой обстановки. Оценка-то у меня уже была, причем она была подкреплена

оценками тех офицеров и мичманов, которые служили в 76 БЭМ и 128 БРК, а теперь вновь оказались моими подчиненными. Они мне с горечью говорили, что, направляясь за границу, рассчитывали на соответствующее этому понятию содержание береговых объектов бригады, получение благоустроенного жилья, обеспечение рабочими местами в обустроенных помещениях. Ожидания во многом не оправдались.

Общественно-политическая ситуация в Польше того времени определялась деятельностью движения «Солидарность». Фактически в стране шел постепенный процесс демонтажа социалистического строя. Наше положение определялось Договором между Правительством СССР и Правительством ПНР о правовом статусе советских войск, временно находящихся в Польше от 17. 12. 1956 года, и хотя этот наш статус не менялся в связи с внутривнутриполитическими событиями в ПНР, люди интуитивно чувствовали себя действительно временными. Надо было переломить эту развивающуюся тенденцию в настроениях. Я откровенно поговорил с президентом города Янушем Жмуркевичем и первым секретарем городского комитета Польской объединенной рабочей партии Вальдемаром Бучинским, заручился их помощью в ремонте временно наших, но постоянно-то польских объектов.

Благодаря первому секретарю Вольгастского районного комитета социалистической единой партии Германии Гюнтеру Келлеру мы бесплатно получили несколько вагонов цемента. С наступлением теплых весенних дней приступили к работе на внешних объектах военных городков. На Ленинском субботнике штабом мы оборудовали детскую площадку из подготовленных в нашей мастерской конструкций, засыпав предварительно болото, куда ушло 200 машин песка. Надо было видеть радость детей, возвращавшихся из нашей школы. Еще утром ничего не было, и вдруг появился целый городок.

Одной из первых мер реагирования на справедливые насмешки поляков было перемещение свинарника нашего подсобного хозяйства из центра города на девять километров, в подготовленные помещения на выгороженной территории склада минно-артиллеристского вооружения, располагавшегося в лесу. Командир склада, в прошлом подводник, капитан 2 ранга И. Ф. Гладышко оказался хорошим хозяйственником — поголовье животных он увеличил в пять раз, доведя их количество до 215 при том же количестве собираемых пищевых отходов для корма животных. Свинина шла на дополнительное питание личному составу, причем она поставлялась в части пропорционально количеству сданных отходов. Занялись мы и приведением в порядок рабочих кабинетов, в первую очередь в штабе бригады. Этому была весома причина. В соответствии с установившейся практикой в объединенном Балтийском флоте, ежегодно встречались оперативные группы штабов 3-х флотов, возглавляемые начальниками штабов. На этот раз роль принимающей стороны выполнял Балтийский флот. Встреча организовывалась на базе 24 БРКа. Уже знакомый с уровнем обустройства соединений ВМФ Польши и ГДР и зная щепетильность вице-адмирала К. В. Макарова — начальника штаба БФ, я принял решение отремонтировать кабинеты для размещения оперативных групп и конференц-зал, где должны были проходить заседания в общем составе. В том состоянии, в котором находились штабные помещения, принимать столь уважаемых гостей К. В. Макаров, по моему разумению, не мог. Нашли все необходимое, организовали работу польских и советских специалистов, к назначенному сроку помещения преобразились. Завершили подготовку грамотным размещением наглядных тактических материалов. Я видел, как был обрадован К. В. Макаров, обходивший рабочие места перед прибытием офицеров братских флотов. Организационные вопросы также были решены без нареканий с чьей-либо стороны. Убывая в Калининград, К. В. Макаров поблагодарил нас за хорошую подготовку сборов, обеспечение их проведения, отметил улучшение содержания гарнизона, потребовал продолжения работ по обустройству частей и повышению боеготовности.

Дружная работа, взаимовыручка и помощь были нормой взаимоотношений между нашей бригадой, 8-й флотилией ВМФ ПНР, 1-й флотилией НВМФ ГДР. Это передавалось по эстафете при смене командиров. Мне о многом рассказал Э. А. Попеко, и я всегда убеждался в пользе его советов. Нараставшее движение «Солидарность» не подорвало дружбы между моряками. Хотя были и неприятные ситуации. Так, однажды провокаторы поместили специальными знаками занимаемые нашими офицерами, в первую очередь командованием, дома, определяя очередность воздействия на семьи. Это, безусловно, было провокационно-демонстрационным актом, т. к. десятилетиями офицеры, мичманы, рабочие и служащие, работающие за границей по контракту, жили в известных всем жителям Свиноуйсьце домах в центре города.

И тем не менее, в основе своей отношения между моряками братских флотов были товарищескими. Приведу один пример флотской взаимовыручки. После взрыва ракетного боезапаса в бухте Окольной на Северном флоте командиров соединений и частей собрал командующий флотом и показал, что предстоит сделать на флоте. Эта работа определялась одним словом: «обвалование». Применительно к нам на складе МАВ предстояло обваловать 45 хранилищ с боезапасом. И. М. Капитанец сказал, что у нас нет ни одного склада, ни одной базы, которые соответствовали бы требованию: при взрыве боезапаса в любом складском хранилище стоящие рядом здания других хранилищ не должны быть разрушены, а боезапас в них не должен сдетонировать. Для этого надо провести расчеты и каждое хранилище обнести валом с трех сторон. А напротив четвертой, где сделаны подъезды, сформировать траверсу такой же высоты, оставив проем для прохода транспорта.

Без точных расчетов было ясно, что вал и траверса должны быть выше самого высокого стеллажа с боезапасом на два метра. Работа предстояла огромная, и выполнить ее нужно было за шесть месяцев. Техники не хватало, и командующий дал нам рекомендацию: работы выполнять методом народной стройки: носилки, лопаты. Скомплектовав бригаду из откомандированных с кораблей матросов, начали эту работу на одном хранилище, всячески стимулируя людей. С трудом осилили за три недели. Простейшие подсчеты с учетом всех обстоятельств показали, что мы и за четыре года не осилим эту работу. Со своими специалистами я приехал к командиру 8-й флотилии ВМФ ПНР Х. Матушику. Вникнув в суть проблемы, он пригласил начальника тыла флотилии З. Гортада, сказал, что есть один путь — снять технику флотилии с длительного хранения и организовать двух- или даже трехсменную работу. Надо только решить вопрос с разрешением работать на советском складе польским специалистам. Переговорив с начальником особого отдела А. М. Черноусовым, решили взять эту ответственность на себя — каждый по своей части. Работа была выполнена в срок.

За годы корабельной службы в мое сознание прочно вошло понятие единоначалия. Этот принцип был прописан во всех руководящих документах, и на корабле он является абсолютной нормой. В 24-й бригаде я быстро почувствовал необходимость укрепления этого постулата военной службы. Принимая утренний и вечерний доклады начальника штаба капитана 2 ранга М. И. Скригана, которого я хорошо знал по совместной службе в 76-й бригаде эскадренных миноносцев, я не ощущал такой организаторской работы штаба и его влияния на все стороны службы многопланового соединения, какие ожидал увидеть. Фактически бригада продолжала быть военно-морской базой, в ее составе было 55 частей. Все жители Свиноуйсьца называли бригаду не иначе как «базой радецкой».

Для повышения эффективности работы органов управления, укрепления авторитета штаба, расширения сферы его работы на все части гарнизона, организации службы подчиненных по моему замыслу как командира-единоначальника я принял решение изменить систему нашей работы с учетом опыта прежней службы, объявив об этом в приказе. Общее утреннее ориенти-

рование органов управления было в приказе определено в период с 07.30 до 07.45 с докладом в конференц-зале оперативного дежурного обстановки по откорректированному макету и подтверждения основных пунктов суточного плана соединения. На ориентировании должны были присутствовать весь состав штаба и политотдела, офицеры управления, начальники отделений и служб 753 отдела тыла флота, комендант гарнизона. После доклада оперативного дежурного давались указания начальником штаба, начальником политотдела и командиром бригады. Частные ориентирования штаба, политотдела, управления тыла при необходимости могли проводиться с 08.00 до 08.15. Постановке задач начальниками отделений 753 ОТФ своим сотрудникам отводилось время 08.00–08.15. В 08.00 назначенные для работы на кораблях, судах вспомогательного флота или в частях офицеры под моим руководством автобусом убывали на тот объект, который я называл с началом движения. Путь занимал 10 минут, так что к началу осмотра и проворачивания оружия и технических средств мы были на местах, где сочетались проверка с оказанием помощи. Да и сами офицеры органов управления могли обновлять свои прежние знания или приобретать новые. После завершения работы следовал общий разбор с конкретными поручениями и назначением ответственных и сроков исполнения.

Жесткие рамки пятнадцати минут сначала попробовали нарушить те, кому мне неудобно было делать замечания при всех — начальник политотдела и начальник штаба, особенно первый. Я предупредил их, что буду прерывать многословие, не щадя авторитетов. Постепенно все вошло в норму и я почувствовал, что лучше знаю обстановку, могу на нее реагировать, узнаю подчиненных. Мне не нужно было нагружать офицеров подготовкой подробных справок по вопросам службы, наиболее важное держалось в голове и в моей рабочей тетради.

Жизнь в гарнизоне за границей имеет много особенностей. Конечно, материальная сторона играла важную роль. Все стараются экономить валюту, понимая, что второй раз за границу едва ли будут направлены. В девяностые годы в Польше жизнь была сложной как для поляков, так и для советских людей. Помню, начальник финансовой части бригады подполковник В. И. Грибанов сказал мне, что когда он первый раз служил в Свиноуйсьце, жизнь была в десяток раз дешевле. Но наших людей обеспечивал военторг, ассортимент и цены в магазинах которого были ниже, чем в польских. Нашим польским друзьям мы выдавали пропуска, по которым они могли проходить в городок и покупать товары наравне с нашими людьми. А в магазинах ГДР все было несравненно лучше, чем в наших военторговских. Выехать в ГДР и сделать там покупки хотел бы каждый, но такую возможность имел небольшой круг лиц. И приходилось коменданту гарнизона М. А. Казакову по списку покупать в ближайших немецких городах товары для десятков женщин и мужчин, которые возвратились из отпуска или командировки в СССР и могли задекларированные 30 рублей поменять на 96 марок ГДР. Проработав вопрос, я принял решение разрешить выезд наших граждан, в основном женщин, в ГДР автобусами, которые имелись в каждой нашей части. Поездки планировались так, чтобы можно было и магазины посетить, и осмотреть достопримечательности соседних городов. Возобновили мы экскурсии по Польше, ГДР, в том числе и многодневные.

Основываясь на своих наблюдениях, контактах, консультациях с генеральным консулом СССР в Щецине В. И. Басанцом, я приходил к убеждению, что наша закрытость не диктуется внешними факторами, а является нашей излишней осторожностью. Решил проверить реакцию местного населения на участие наших школьников в первомайской демонстрации. Приглашение на нее поступило от городских властей. Мои заместители стали меня убеждать, что это мероприятие не безопасное, надо спросить разрешения у командования флотом. Я решил действовать самостоятельно, а опасаящимся провокаций сказал, что в колоннах вместе с детьми пройдут наши моряки с кораблей. Аплодисменты находившихся на трибуне польских граждан достались нашим посланцам.

Одним советом Э. А. Попеко я рискнул пренебречь. Он мне советовал по Польше не ездить ночью, считал, что это небезопасно. Но первая ночная поездка была вынужденной. Мы возвращались с ежегодных сборов под руководством командующего флотом. Неделю находились в Калининграде. Остаться на ночь, чтобы еще один день провести в дороге, не хотелось. Выехали на «Волге» вчетвером, имея при себе секретные документы и оружие. На подъезде к Гдыне в 23 часа машина сломалась, причем отдельные детали выпали на асфальт. Вышли мы из нее и не знаем, что делать. Недалеко автобусная остановка. На ней — один человек. Мы подошли и, объяснив ситуацию на русском языке, попросили помочь связаться со Свиноуйсьце по телефону. Оказалось, молодой человек еще недавно служил в Войске Польском водителем УАЗа. Он предложил пройти с ним до его дома, по телефону выйти на связь прежде всего с милицией, она, по его словам, может и даже должна оказать помощь. Придя в дом, где уже все спали, мы действительно связались с дежурной службой милиции, я объяснил, что произошло, и попросил связаться с ближайшей частью Войска Польского и отбуксировать туда «Волгу». Через некоторое время последовал звонок, дежурный сообщил, что машина для буксировки выходит. Парень открыл холодильник «Саратов», достал бутылку водки, нарезал сала, и мы выпили по «килиху», закуска соответствовала «Выборовой». Он проводил меня до машины, дождался, когда мы на буксире начали движение, и лишь тогда пошел домой. Отбуксировали нас в полк морской пехоты, расположили в гостинице, утром накормили. Вскоре пришли машина за нами и буксир для «Волги».

С тех пор я ездил по такой схеме. Закончив рабочий день, на пароме был в 18 часов, в Гдыне — в 22. Там работа с командирами до часу ночи, далее отдых, в 05.00 выезд на границу, в 7 утра пересечение границы с минимальными формальностями на польской стороне. Мы заезжали к пограничникам в Бранево, дежурный ставил штамп в паспортах; подъезжая к границе, сами поднимали шлагбаум и оказывались через несколько десятков метров на территории СССР, где уже все было строго. Но и здесь процедуры занимали несколько минут. В Калининграде до 9 часов было время привести себя в порядок и подготовиться к работе. Водитель отдыхал в 35-й комендатуре. По завершении рабочего дня — обратный переезд, чтобы к 8 утра прибыть в штаб бригады. Был один месяц, когда пришлось сделать семь таких поездок зимой.

Был и случай, когда мы оба с водителем уснули. Это произошло недалеко от Малехова. Повезло, что был пологий спуск в кювет, машина незначительно пострадала, остановленная березкой толщиной в руку. Мы остались целы. Случилось это в два часа ночи. Мороз 15 градусов, ветер, идет снег. На наше «голосование» откликнулся водитель КАМАЗа, который вез рыбу из Крыница-Морска в Щецин. Пригласил в кабину, напоил горячим кофе, предложил или взять нас на буксир, или довезти до ближайшей станции дорожной помощи. Я согласился со вторым вариантом. Дорожники взяли нас на трактор «УРСУС», доставили к месту аварии, вытащили машину. Проверили ее, водитель убедился в исправности ходовой части, и мы, поблагодарив наших спасителей, двинулись в путь. Было 5 часов утра. В 9 утра мы были в Свиноуйсьце.

Для себя я сделал серьезные выводы, стал менять водителей, чтобы усталость не накапливалась. Оснастили машины необходимым набором для действий в непредвиденных или аварийных ситуациях. У меня на прежних должностях не было опыта поездок на служебных машинах на такие расстояния. Да и машин-то у нас было по одной на бригаду — известные ГАЗики в преклонном возрасте. Так что автотранспортные дела пришлось освоить только в 24-й бригаде. Легковые автомобили флагманский связист бригады С. А. Фролаков оборудовал радиосвязью, что обеспечило оперативному дежурному бригады выполнение его главной функциональной обязанности — немедленно довести до командования соединения сигналы боевого управления, принятые от КП флота. В повседневной службе это позволяло командованию с

минимальной задержкой по времени отслеживать обстановку и реагировать на нее, особенно при возникновении опасных или тревожных ситуаций. Машина командира бригады была оборудована дополнительной аппаратурой, позволявшей выходить на связь с польскими постами на побережье Балтийского моря и получать (передавать) через них информацию в любой точке маршрута Свиноуйсьце — Калининград.

Значительную часть времени занимали мероприятия представительского и дипломатического плана. В Щецине было аккредитовано четыре генеральных консульства (СССР, ГДР, Чехословакии, Кубы). На все советские праздники генеральные консулы бывали у нас, соответственно и мы бывали на приемах, устраиваемых ими в дни своих национальных праздников. Что касается связей между 24-й бригадой, 8-й флотилией ВМФ ПНР, 1-й флотилией НВМФ ГДР, то они были введены в систему, определяемую планами сотрудничества на год, подписываемыми в конце текущего года командирами. Регулярными были встречи с руководителями Щецинского воеводства, Свиноуйсьца, Вольгастского округа, о. Рюген. Все они говорили по-русски, что позволяло иметь разные форматы встреч, обходясь без переводчиков. Например, первый секретарь Вольгастского райкома СЕПГ с 17-летним стажем работы в этой должности Гюнтер Келлер был большой любитель охоты на уток. Он приглашал на охоту и с удовольствием демонстрировал свои успехи. В лодке мы были вдвоем, и это обеспечивало конфиденциальность разговоров, содержание которых, на мой взгляд, было важнее материальных результатов охоты. В основном говорил Г. Келлер, на многое открывавший мне глаза. А он предвидел многое из того, чему мы стали свидетелями через несколько лет.

Большое влияние на наши гарнизонные связи с местным населением оказывали общества польско-советской и германо-советской дружбы. Неизменными руководителями общества польско-советской дружбы, позднее преобразованном в общество дружбы «Польша—Восток», в Щецинском воеводстве был и остается Мирослав Бандель, а в Свиноуйсьце — Стефан Гарасик. Не по должности, а по убеждениям они являются искренними и твердыми борцами за укрепление дружбы между польским и советским, а теперь — русским народом. Пройдет 15 лет после демонтажа СССР, упразднения Варшавского договора, вывода наших войск и сил флота на территорию России, многое из послевоенной истории окажется утраченным навсегда, кроме славянской дружбы, позволившей инициативным людям создать общество дружбы «Свиноуйсьце—Калининград». С польской стороны это были М. Бандель, С. Гарасик, с российской — Н. И. Ильин и В. И. Рашевский — в прошлом офицеры Балтийского флота. Это общество с российской стороны объединило всех, кто прошел службу и работу в Свиноуйсьце. Оно стало настолько активно работать в новых условиях, что к нему в 2007 году, после фестиваля патриотической песни, проведенного обществом в г. Светлогорске, присоединились друзья из Ольштына, спланировав проведение его у себя в 2008 году.

По-доброму относились ко мне командующие флота адмиралы Л. Янчишин и В. Эм. Адмирал Л. Янчишин часто бывал в Свиноуйсьце, и я всегда его встречал вместе с командиром 8-й флотилии Х. Матушиком, участвовал практически во всех мероприятиях по приглашению командующего. Бывал и у него в кабинете. Иногда он приглашал посмотреть флотские объекты за пределами Свиноуйсьца. Помню, с какой гордостью он показывал комплекс на о. Хель, где могли отдыхать флотские офицеры и мичманы с семьями. Строительство его еще продолжалось, мы осматривали его уже на исходе светлого времени суток, а люди все работали. Конечно, уровень обустройства соединений ВМФ ПНР был на порядок выше нашего гарнизона в Свиноуйсьце, где большинство объектов было постройки 1922 года и лишь очень немногие построены в 1950—1958 гг.

С командующим НВМФ ГДР адмиралом В. Эмом приходилось встречаться реже. Все вопросы в рабочем порядке решались со штабом флота. Большую помощь в этом оказывал служив-

ший в аппарате советника командующего флотом капитан 1 ранга Г. М. Генералов, мой командир во время службы на СКР «Бдительный». Мы и здесь поддерживали дружеские семейные отношения. Бывая в Ростове, обязательно заезжали к гостеприимной чете Генераловых, как и они, бывая в Свиноуйсьце, не могли не навестить нас. Наши жены — обе Людмилы, кажется, были еще более дружны, чем мы с Геннадием Михайловичем.

«В 24 ЧАСА!»

У командира 24-й бригады были большие права. В дополнение к уставным правам командира соединения имелся мощный властный — визовая печать. Разрешение на выезд из гарнизонов Свиноуйсьце, Засниц, Вустров, из Ростова в СССР оформлялось в соответствии с определенным Генеральным штабом ВС СССР контрольным листом на каждого выезжающего, подписываемого командиром бригады. Печать на документах ставил лично командир бригады. Начальник штаба имел право подписывать паспорта. Наши подписи были заверены в Генеральном штабе, и образцы их имелись на границе. Пребывание человека за границей не избавляет его от некоторых пороков и проявлений недисциплинированности. Существовала ничем не определенная, но иногда употребляемая по отношению к нарушителям мера наказания — «в 24 часа», т. е. человек должен быть откомандирован в Союз в течение суток. Видимо, это было уместно, при хорошей укомплектованности соединения. Я принял командование бригадой, когда укомплектованность рабочими и служащими Советской Армии была всего 50 %, польскими рабочими — 37 % (из-за низких ставок оплаты труда), мичманами — 75 %. Поэтому приходилось ценить каждого специалиста и сдерживать себя при рассмотрении каждого проступка, чтобы не оказаться во власти эмоций.

Приведу один пример — он единственный и потому помнится в деталях. В Министерстве обороны была отработана система 100-процентной поверки приборов измерения, как в специальных лабораториях, так и непосредственно на объектах, выездными группами специалистов лаборатории. Для этой работы из Северной группы войск по нашей заявке в Свиноуйсьце была подвижная лаборатория. Расчет возглавлял капитан. Выполнив работу, он прибыл доложить результаты и получить разрешение убыть в Легницу. Заслушав его и поблагодарив, я спросил, а не мог бы он сделать такую же работу на кораблях 234 дивизиона и узле связи гарнизона Засниц. Капитан согласился, поскольку вопрос пересечения границы в ГДР мы решали сами. После завершения поверочной работы на обратном пути в Свиноуйсьце решили пообедать в Штральзунде. Припарковав машину, оставив в ней водителя, вдвоем с прапорщиком зашли в гаштет, где пообедали со спиртным. Когда шли к месту парковки машины, решили искупаться. Капитан с разбегу прыгнул в воду, а глубина оказалась настолько малой, что фактически он не приводнился, а приземлился и получил не только ушибы, но и рваные раны. В немецком госпитале ему оказали помощь, он уснул. Очнувшись ночью, услышал немецкую речь и, оценив обстановку, выпрыгнул из окна, каким-то чудом вышел к месту парковки машины и... оказался теперь в руках службы советского коменданта в Штральзунде. Оттуда последовал звонок оперативному бригады. Получив доклад, я приказал коменданту нашего гарнизона М. А. Казакову выехать в Штральзунд, решить вопрос со своим коллегой так, чтобы эта история завершилась разбором на их уровне, а машину с расчетом вернуть в Свиноуйсьце.

Я знал, что М. А. Казаков может решить любой вопрос с польскими и немецкими коллегами, но с советскими оказалось делом нелегким. И все-таки он все сделал так, как ему было

мной поручено. После приведения себя в порядок капитан прибыл на доклад ко мне. Я его заслушал, уточнив детали поездки, и уже собирался отпустить, как он обратился ко мне с просьбой не докладывать о случившемся командующему Северной группой войск. У офицера было двое детей, но тем не менее, это не было бы учтено при принятии решения о наказании. Он был бы откомандирован в Союз по тому же принципу — «в 24 часа». Я дал ему слово, что за пределы моего рабочего кабинета эта история не выйдет, а вопрос с возможным докладом по линии особого отдела пусть его не беспокоит — с А. М. Черноусовым я этот вопрос решил заранее. И вдруг капитан стал оседать и упал. Приведя его в чувство, я спросил, что с ним сейчас произошло. Он признался, что, идя ко мне на доклад, никак не ожидал такой развязки, и от внезапно схлынувшего напряжения он потерял сознание. Не знаю о дальнейшей службе офицера, но его судьбу я не сломал. Дело ведь не только в откомандировании из-за границы. Это было клеймо на биографии офицера, и рассчитывать на хорошую службу в Союзе не приходилось.

Наименее защищенными были рабочие и служащие, заключившие контракт на определенный период работы за границей. Их нарушения носили бытовой характер, не выходили на тот уровень, когда, отправляя человека в Союз, мы оставляли бы определенный участок работы без квалифицированного обслуживания. Поэтому, побеседовав с нарушителем, которого определили соответствующие руководители на отправку в Союз, я определял меры воздействия, достаточность которых потом всегда подтверждалась. За время моего командования бригадой я ни одного человека не отправил в Союз по формуле «в 24 часа».

Завершался первый год моей службы в должности благополучно. Бригада по итогам учебного года получила оценку «хорошо». В этом году я закончил академию с золотой медалью. Учеба дала мне многое, хотя я ни разу не использовал положенное время для сборовых мероприятий. Приходилось работать над материалами в академии до 21 часа, когда закрывалась библиотека, а некоторые материалы прорабатывать ночью. В конце каждого сборового периода проводились игры, где слушатели выступали в должностях по назначению руководителя игры. Мне как старшему из надводников, естественно, доставались должности, связанные с применением группировок кораблей. Дело было мне хорошо знакомое по несению боевой службы в Средиземном море, но графическое и текстуальное оформление решения, постановка задач силам, розыгрыш на комплексе «Океан» требовали большой тщательности и много времени, чтобы получить оценку не ниже «хорошо» и не подвести группу и руководителя игры, а самому закрепить теоретический материал и совершенствовать навыки. Многое из полученного в академии мне приходилось применять в своей службе, и я, стремившийся к учебе многие годы, был благодарен тому, что начал учебу и закончил ее, уже многое зная и умея, а в академии прошел серьезную шлифовку. Я сознательно брал максимально возможные нагрузки, еще не зная, как это будет важно для моей последующей долгой службы в ВМФ СССР и России.

В этом же году закончил Калининградское высшее военно-морское училище сын Алексей и начал свою корабельную службу на Балтике. Дочь Оля училась в Калининградском техническом институте рыбной промышленности и хозяйства. Она, в силу обстоятельств, рано обрела самостоятельность, оставшись жить в квартире в Балтийске. Мы ее очень редко видели — я несколько чаще, во время приездов по делам, а жена совсем редко, лишь когда ей удавалось выехать со мной вместе. Приехав в конце 1983 года в Свиноуйсьце, Людмила стала работать заведующей библиотекой. Вместе с Галиной Ивановной Романычевой они провели очень большую работу по каталогизации 20 тысяч книг, обревизовав при этом фонд и списав более тысячи книг. Активно библиотекари пропагандировали книги, выступая в частях с обзорами и другими формами общения с читателями. Поэтому возможностей для поездок в СССР, с учетом работы, а также содержания зимой дома с печным отоплением, было мало. Дочь-студентку на каникулы

привезти было невозможно. Школьники могли приезжать, студенты — нет. Необъяснимо, но приходилось считаться с установленным порядком. Общение с дочерью ограничивалось телефонными разговорами. Конечно, можно было бы пренебречь некоторыми самоограничениями, но мы с женой не могли поступать иначе — не так были воспитаны.

Я привел маленькую долю того, что дал мне 1984 год. Это был год становления меня в должности, завоевания доверия командующего и Военного совета флота, Северной группы войск, обретение многих друзей в Польше, Германии, получения того драгоценного опыта, который я обрел, впервые командуя многофункциональным соединением. Очень важным было преодоление «синдрома солидарности», деформировавшего службу в бригаде в направлении закрытости, а усилия командования были сфокусированы на отслеживании и анализе внутривойсковой обстановки. Все это за год удалось изменить, оздоровив обстановку, дать двухтысячному коллективу бригады возможность легче дышать.

В 1985 году работа продолжалась по всем направлениям с учетом результатов ушедшего года. Начальник штаба бригады М. И. Скриган был переведен к новому месту службы, на его место назначен Б. Р. Домбровский. На его становление и отработку штаба до оценки «хорошо» было отведено полгода — в зимнем периоде обучения было спланировано проведение зачетного тактического учения (ЗТУ) бригады под руководством командующего Балтийским флотом. Подготовку к ЗТУ организовали с самого начала учебного года. Многое удалось сделать на кораблях обоих дивизионов и сторожевых кораблях, особенно по управлению силами с берегового командного пункта «Бетон» путем внедрения системы быстрого действия (СБД). Управление отрабатывалось с использованием таблицы коротких сигналов. Все корабли и катера к началу ЗТУ были исправны, тыл подготовлен к обеспечению кораблей в море и в базе. Настрой людей был только на получение оценки «хорошо». Я чувствовал уверенность, что задачи ударными и противолодочными силами будут решены успешно. Обеспокоенность была за организацию совместных действий с авиацией.

Зачетное тактическое учение прошло на сложном фоне, созданном штабом руководства. Все частные задачи были решены с положительными оценками. Командующий флотом на разборе 18. 05. 85 г. утвердил общую оценку ЗТУ бригады «хорошо». Эта была оценка, заработанная большим напряжением коллектива бригады и потому воспринята с энтузиазмом. С такой оценкой можно было при грамотном планировании летнего периода обучения и распределении усилий на главные направления, в том числе на устранение недостатков, отмеченных на разборе ЗТУ бригады, добиться хорошей итоговой оценки за год. С учетом обстановки командуемый флотом разрешил мне уехать в отпуск, но провести его в санатории Северной группы войск, находясь в готовности через 8 часов после получения приказа быть на командном пункте бригады в Свиноуйсьце. Мы с женой выехали в Лондек-Здруй автомобилем. Конечно, «Волга» опять вышла из строя — в 150 км от конечного пункта поездки, опять помогли польские военные в полку противовоздушной обороны, приютившие нас на несколько часов, пока шел ремонт машины. 24 дня отпуска в санатории прошли прекрасно. Регулярные сеансы связи с оперативным дежурным бригады позволяли не терять обстановку. Мы многое увидели в той части Польши, которая отошла к ней после войны. Нас поразило отсутствие границы в нашем понимании между Польшей и Чехословакией. Она была обозначена маленькими металлическими столбиками, между которыми висел, касаясь земли, тонкий тросик. Можно было одной ногой стоять в Польше, другой — в Чехословакии. Отношение польских граждан к нам здесь не отличалось от тех, где нас знали, на севере страны. Здесь, на юге, мы встретились с удивившей даже нас готовностью прийти на помощь. В случае с выходом из строя машины помощь была оказана случайным пешеходом. Когда я его поблагодарил и предложил деньги, он отказался, сказав,

что с друзей деньги не берутся. Видимо, за использование буксировщика станции техпомощи он заплатил сам. И это, повторюсь, был случайный прохожий, оказавший бескорыстную помощь советскому офицеру-моряку, которого он видел впервые. Я еще раз убедился в том, что годы «Солидарности» не разрушили добрых отношений поляков к советским людям и даже не поколебали их. Из-за большого объема работ в гарнизоне я не мог часто бывать в п. Засниц, где дислоцировался дивизион малых противолодочных кораблей. Командовал им Е. Б. Кононенко, мой подчиненный во время службы на БПК «Образцовый». Управлялся он с делами хорошо, дивизион хлопот не приносил. С немецкими коллегами у командира дивизиона сложились хорошие отношения. Служа на кораблях, я видел систему работы, взятую с «Образцового» и внедренную здесь. Жили наши офицеры и мичманы в хороших квартирах. Достаток в семьях был другим по сравнению с тем, что имели семьи в Свиноуйсьце. Это тоже был серьезный стимул в службе. В таких же хороших условиях находились наши части разведки, дислоцировавшиеся на о. Рюген. Они всегда отмечались начальником разведки с лучшей стороны, как по результатам деятельности, так и по состоянию дисциплины. Командовали частями грамотные, опытные офицеры В. Н. Андреев и Д. М. Журавлев. Приезд к ним был праздником для меня, уходом пусть и на короткое время, от наших повседневных дел и забот.

По-настоящему радостными были дни, когда проводилась церемония передачи новых катеров проекта 1241, построенных в СССР для союзных флотов. В ВМФ ПНР они передавались в 3-ю флотилию, в НВМФ ГДР — в 6-ю. По поручению командующего флотом я выполнял функции руководителя церемонии с советской стороны. Принимающая сторона организовывала настоящий праздник.

Участвовал я и в закладке головного противолодочного корабля проекта 133.1 на Пеневе-верфи. Для ВМФ СССР таких кораблей было построено 12, все были предназначены для БФ. Дислоцировались они в Балтийске и Лиенае, а после вывода сил из Латвии — в Кронштадте. Со временем эти корабли стали основными в противолодочных соединениях.

Среди многих встреч в Пенемюнде не могу не сказать об одной — особо памятной. Г. Келлер пригласил меня приехать в Вольгаст, не говоря о плане работы. Для него это было необычно. Прибыв, я увидел повод и причину молчания о плане. Поводом был живой и бодрый Михаил Петрович Девятаев с супругой. Именно с аэродрома Пенемюнде во время войны угнал самолет М. П. Девятаев, о чем мы слышали и читали. Но такое везение — быть рядом с легендарным летчиком, сумевшим самым дерзким способом бежать из фашистского плена! Он был почетным гражданином города и приглашался уже много лет подряд в гости к немецким друзьям. Михаил Петрович был в форме летчика с погонами старшего лейтенанта. Я попросил его приехать в Свиноуйсьце и повстречаться с моряками. Он с готовностью согласился. В зале, когда он рассказывал о том, как удалось угнать самолет, что испытал при этом, стояла абсолютная тишина. Благодарили ветерана-героя долгими дружными аплодисментами.

Напряженная служба продолжалась, я понемногу начинал испытывать удовлетворение тем, что удавалось сделать для соединения, для людей, обращавшихся ко мне по вопросам службы после завершенияграничной командировки. Инструктируя меня по многим вопросам службы, командующий флотом адмирал И. М. Капитанец ничего не сказал о возможном сроке моего командования. Мой предшественник Э. А. Попеко командовал бригадой 7 лет. Я рассчитывал на меньший срок, но был готов ко всему, кроме того что мне предложил командующий флотом адмирал К. В. Макаров, — принять командование Балтийской военно-морской базой. Ответив согласием, я не думал, что это будет реализовано в 1985 году.

4 ноября после Военного совета мы уже собирались уезжать в Свиноуйсьце, когда меня разыскал офицер по особым поручениям командующего флотом А. Д. Липко и передал приказание К. В. Ма-

карова прибыть к нему. В кабинете К. В. Макаров вручил мне погоны контр-адмирала, поздравил и сказал: «Володя, готовься в ближайшие дни вступить в командование главной базой флота — Балтийской вмба». Впервые командующий флотом назвал меня по имени, что не только тронуло, но и обязывало служить так, чтобы не был чем-то омрачен этот миг высочайшего доверия.

В новом звании я убыл в Свиноуйсьце, т. к. граница была заказана и задерживаться было бы неудобно перед таможенно-пограничными службами. Заехал в Гдыню, переночевал, утром заехал в штаб ВМФ ПНР, представился командованию, выпили по три рюмки коньяка, и я поехал в Свиноуйсьце, где в 17.00 должно было состояться торжественное собрание, посвященное очередной годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Как всегда, на собрание прибыли гости, участвовавшие в торжестве и поздравлявшие нас. Все как всегда, но начальник политотдела И. Ф. Ласский позвонил оперативному дежурному, а потом и мне, сообщив, что у него сломалась машина и он заезжает в Устку для ее ремонта. Сказал, что на собрание он не прибудет. Позже я понял почему. Перед собранием мне позвонил первый заместитель командующего флотом Э. Н. Семенов и предупредил: «Не вздумай обмывать звание. Это мы говорим вместе с Иваном Федоровичем Аликовым, это наша общая просьба». Просьба, читай — приказание, была понятна. В стране полным ходом разворачивалась антиалкогольная кампания, приобретающая довольно часто абсурдные формы.

Провели мы с заместителем начальника политотдела Александром Ивановичем Кутеко собрание. Дальше, как обычно, торжественный ужин, в котором участвует около 200 человек. Всегда на ужине было спиртное. Здесь же я, приветствуя участников ужина, предупредил, что сегодня мы спиртное употреблять не будем. Мое сообщение было воспринято с пониманием, но без энтузиазма: ну какое же дружеское застолье может идти «на сухую». Ужин продолжался короче обычного — через час гости разъехались.

Прошли праздничные мероприятия в обычной форме — совместный обход на катере наших и польских кораблей с участием командования флотилии, руководства города и директоров предприятий.

После праздника я получил уже официальное сообщение командующего флотом о назначении меня командиром Балтийской вмба. Адмирал К. В. Макаров поздравил меня и порекомендовал встретить моего сменщика И. В. Ходасевича в Мамоново, ознакомить его с мобилизационным планом бригады. Далее — представить командованию ВМФ ПНР, командиру 421-го дивизиона ремонтирующихся судов в Гдыне Л. М. Михайлову, командирам кораблей, находящихся в ремонте, затем в Свиноуйсьце и в Заснице ввести в обстановку. Мной это было исполнено.

Для итоговой проверки бригады во второй декаде ноября прибыла флотская комиссия во главе с Э. Н. Семеновым, которая одновременно участвовала в приеме-передаче дел. 15 ноября проверка была завершена, бригада получила оценку «хорошо». Мы с И. В. Ходасевичем подписали приемо-передаточный акт. Я попросил у командующего три дня для завершения оставшихся дел. Намеревался также нанести визиты официальным лицам и выразить благодарность за совместную дружную работу. Получив разрешение, я смог только частично выполнить свою обязанность. На прием дел у Э. А. Попеко у меня ушло 12 суток. Здесь же всего три дня... Видя мою стесненность во времени, мои польские друзья сами организовали прощальный обед, на который пригласили нас с женой. Была сердечная атмосфера, дружеские тосты. Запомнилось то, что сказали мне на прощание: «Володя, ты сделал за два года столько, сколько не было сделано за пятнадцать предыдущих лет».

По пути в Калининград я попрощался с командованием ВМФ ПНР, командиром 3-й флотилии, с командирами 421-го дивизиона. Трудным было прощание с 24-й бригадой, к которой я прикипел душой, с польскими и немецкими друзьями.

Многому я научился за два года службы на берегу. Со мной оставался хороший положительный опыт. Конечно, многое огорчало и не выдерживало сравнения с корабельной службой, равной которой нет ни в одном береговом соединении — по своей чистоте и порядочности отношений между военными людьми. Но это ушло в далекие уголки памяти.

24-й бригаде оставалось 7 лет службы в военно-морском флоте. В октябре 1992 года мне, уже в должности командующего флотом, предстояло осуществить вывод сил бригады, вывоз запасов и закрыть последнюю страницу в службе бригады нашему Отечеству. Расформировать ее.

БАЛТИЙСКАЯ СТРАНИЦА

19 ноября 1985 года я вступил в командование Балтийской ввб. Прибывший через несколько дней в Балтийск командующий флотом определил первоочередные задачи на год. Наиболее сложной задачей было восстановление боевой готовности кораблей 26-й бригады — основного соединения, обеспечивающего благоприятный противолодочный режим в зоне ответственности военно-морской базы. Это были корабли проекта 35 и 35м. Обследовав их комиссией штаба базы, мы получили удручающую картину технического состояния — не было ни одного корабля с полностью исправной техникой. Гидроакустические комплексы были не в строю на всех кораблях. На мой вопрос, как же работают корабли с подводной лодкой при сдаче противолодочных задач, командир бригады И. С. Мохов признался в следующем. В основном командиры знают задание подводной лодке и привязывают маневрирование своих кораблей к маневрированию подводной лодки. Акустикам дается наведение, в определенные моменты данные наведения «совпадают» с пеленгами и дистанциями, получаемыми акустиками, усредненные данные наносятся на карту, и в конце учения складывается удовлетворительная картина. Все молчаливо понимали, что это организованный обман самих себя.

Я знал возможности кораблей, когда они начинали службу после постройки, сам три года служил на СКР-32, входившем и теперь в состав бригады. Нам было ясно, что восстановить акустические станции «Титан» и «Вычегда» и обтекатель из титана, в котором они размещались, можно только в заводских условиях, причем кораблям требовалось докование, а для работ с титаном надо было создать особые температурные условия. Договорившись о встрече с директором завода «Янтарь» В. Г. Гуськовым, я обрисовал ему обстановку и попросил провести ремонт кораблей в возможно короткие сроки.

Мы давно знали друг друга и оказывали взаимную помощь. Здесь шла речь о ремонте кораблей, построенных на «Янтаре». Оснастка, необходимая для выполнения работ, сохранялась. Специалисты, работавшие на кораблях в период постройки, и сейчас трудились на заводе. Проведя совещание со своими заместителями, начальниками цехов, директор принял решение выполнить ремонт кораблей поточным методом. По разрешению командующего флотом мы поставили на завод сразу 3 корабля. Очередной корабль ставился в ремонт после возвращения в соединение отремонтированного. Так к завершению зимнего периода обучения техническая готовность кораблей была восстановлена, они могли без ограничений решать задачи боевой подготовки и нести боевую службу.

В. Г. Гуськов был выдающимся директором советской закалки. Сколько командиров были благодарны ему! По заслугам, на заводе, территория которого сопоставима с небольшим городом, есть теперь проспект имени В. Г. Гуськова. Завершая работу директором завода и уходя на пенсию, Владимир Георгиевич пригласил от руководства флота меня на церемонию проводов.

Много доброго услышал о себе он в тот день. Недолго он жил пенсионером. Я провожал его в последний путь среди сотен благодарных ему людей.

В состав военно-морской базы входило еще одно соединение — 64-я бригада кораблей охраны водного района, которой командовал В. П. Комоедов. Здесь обстановка разительно отличалась от 26-й бригады по всем вопросам — корабли были исправны, хорошо укомплектованы, в экипажах поддерживалась крепкая воинская дисциплина. В работе В. П. Комоедова явно проглядывался стиль Д. К. Чулкова, который служил здесь командиром бригады. Несколько лет назад я приглашал В. П. Комоедова служить в 128-й бригаде, он отказался, т. к. уже дал согласие на должность начальника штаба 24-го дивизиона противолодочных кораблей, в котором служил командиром МПК. А теперь судьба свела нас вместе и еще будет не раз сводить в будущем.

Тыл базы возглавлял опытный, грамотный, болеющий за дело В. Е. Гладких. Он знал все в своем сложном хозяйстве, на довольствии в котором находились все соединения и части самого крупного гарнизона флота. Вникал я в дела военно-морской базы самостоятельно, т. к. короткое время исполнявший обязанности командира в/мб контр-адмирал В. И. Калабин уже был в Средиземном море в должности командующего 5-й флотилией кораблей ВМФ. Конечно, много информации я в первое время получил от своих заместителей: начальника штаба базы В. А. Васильева, начальника политотдела В. Е. Степанова, начальника тыла В. Е. Гладких. У нас сразу установились доверительные отношения, ни разу и никем не нарушенные. Еще когда я был командиром 128 БРК, а В. Е. Степанов служил заместителем командира крейсера «Октябрьская революция» по политчасти, мы надеялись послужить вместе в бригаде — заместитель командира бригады Р. А. Трофимов убывал к новому месту службы. Но членом Военного совета — начальником политуправления флота И. Ф. Аликовым был приглашен на эту должность Н. А. Кравченко с Черноморского флота, и наши надежды не сбылись. Валентин Емельянович был прекрасным человеком, смелым офицером, преданным морю и корабельной службе. Обо всех его качествах я узнавал постепенно и радовался счастливому случаю, соединившему наши служебные пути на многие годы.

Начальник штаба В. А. Васильев добротнo вел штабные дела, был авторитетным как в базе, так и на флоте. Тяжелая должность с категорией «контр-адмирал» была ему, еще очень молодому офицеру, по плечу.

Одновременно с изучением и руководством военно-морской базой большого внимания и времени требовали гарнизонные дела, прежде всего связанные со всесторонним обеспечением по различным степеням боевой готовности соединений и частей флотского подчинения: 12-й дивизии ракетных кораблей, 27-й дивизии морских десантных сил, 36-й бригады ракетных катеров, отдельной бригады морской пехоты, бригады противовоздушной обороны, частей разведки, связи, гидрографии, строительных структур, 33-го судоремонтного завода и других объектов.

Больших усилий стоило организовать вместе с городскими властями удовлетворительное жизнеобеспечение гарнизона — фактически 33-тысячного города. Жилой фонд юридически был передан городу от морской инженерной службы (МИС) всего пять лет назад, фактически многие вопросы приходилось решать специалистам МИС, т.к. городские обслуживающие структуры только начинали свою работу, укомплектованность техникой и персоналом была низкой. Вода в город, на корабли, в части подавалась по расписанию только днем. Имелись сложности с отоплением, особенно нового микрорайона в северной части города. Обеспечение промышленными и продовольственными товарами осуществлялось военторгом и было лучше, чем в областном центре. Въезд в город осуществлялся по приглашениям и по пропускам, оформляемым на основе этих приглашений в органах внутренних дел по месту жительства приглашенных. Для въезда-выезда офицерам и мичманам в их удостоверения личности службой коменданта

гарнизона оформлялись специальные вкладыши, которые давали право свободного перемещения. Сообщение с гарнизоном Балтийской косы осуществлялось паромом с перебоями.

4 января 1986 года командование флотом от назначенного начальником Главного штаба ВМФ адмирала К. В. Макарова принял вице-адмирал В. П. Иванов. Для него все мы были уже опытными руководителями, и спрашивал он с нас строго, особенно за нарушения воинской дисциплины, связанные с употреблением спиртных напитков. Нарушителей задерживала комендантская служба, и данные сообщались в аппарат помощника командующего флотом. Он первым в понедельник докладывал обстановку прибывшему на службу В. П. Иванову, и все командиры, представлявшие ему свои еженедельные доклады, сами вынуждены были находиться в положении нарушителей установок партии по борьбе с пьянством и алкоголизмом. Опытные командиры флотского подчинения, особенно командир 27 ДиМДС контр-адмирал А. Г. Олейник, докладывая В. П. Иванову, умело отводили от себя гнев командующего, обвиняя командование базы в недостаточной строгости к торговле водкой в магазинах, ресторанах, кафе военторга. Комиссиями под руководством заместителей командира базы все точки многократно и внезапно проверялись, нарушений не было обнаружено. Но, тем не менее, нарушители «сухого» закона задерживались, да и трудно было директивно оградить завоз спиртного в Балтийск при завозе его в другие точки или полагая, что люди не знают о том, что водка в достаточном количестве продается в Приморске, Светлом, да и в других местах.

Полгода потребовалось мне предметно вникать во все вопросы службы в базе и гарнизоне. По моим представлениям, мне определено было служить в должности командира базы долго и дела выстраивать на перспективу. Изучив офицерский состав и мичманов базы, я пришел к выводу, что надо принять срочные меры к прекращению установившейся практики перемещения недисциплинированных офицеров из соединений флотского подчинения на штатные должности в соединения и части базы. С такими офицерскими кадрами трудно было рассчитывать на реальные текущие достижения, не говоря уже о перспективах. Я побеседовал с начальником управления кадров флота контр-адмиралом А. Д. Петровым и попросил его прекратить укоренившуюся практику, тем более что меня поддержал в этом командующий флотом.

С В. Е. Степановым мы рассмотрели каждого офицера, кто имел партийные взыскания. С многих уже можно было взыскание снять, дав перспективу в службе. Очень важна в этом вопросе была позиция начальника политотдела. Беседуя с одним из офицеров, исключенных из партии, В. Е. Степанов узнал, что в недалеком прошлом командир отличного сторожевого корабля тяжело переживал самое строгое взыскание, сделал выводы и хотел бы восстановить свое членство в КПСС, но не решается попросить рекомендации, опасаясь отказа. В. Е. Степанов сказал, что он даст рекомендацию. Получив еще две рекомендации, офицер был восстановлен в партии. Знаю, что поступок В. Е. Степанова не был одобрен в политуправлении флота. Уверен, что он и не ожидал другого, тем более что знал об установке начальникам политотделов воздерживаться от дачи рекомендаций. А тут — рекомендация, да еще исключенному из партии. Но для В. Е. Степанова на первом плане всегда был человек, а не рамки формальных правил.

На собрании офицеров мы дали оценку обстановки и объявили наши планы по оздоровлению кадровой политики. Стали персонально работать, в первую очередь с офицерами кораблей 26 БПК. Очень важную работу осуществили политотдел базы и партийная комиссия. Мы понимали, что решать задачи на ближайшие годы предстоит с теми кадрами, которые мы имеем. Освободив офицеров от груза партийных и дисциплинарных взысканий, по согласованиям с управлением кадров флота предложили некоторым обучение на 6 классах в Ленинграде, другим — продвижение по службе. Надо было видеть, как менялась обстановка в коллективах офицеров. Нарушения дисциплины практически прекратились. Активнее стали работать с молоды-

ми офицерами кораблей и частей опытные офицеры штаба. В одно из утренних ориентирований штаба и политотдела я проделал эксперимент — дал задание каждому написать звание, фамилию, имя, отчество командиров кораблей базы. Большая часть не знала и одной трети командиров. Это дало основание делать так, как уже было опробовано в Свиноуйсьце. Штаб и политотдел были распределены по трем группам и к 08.10 находились на кораблях, участвуя в осмотре и проворачивании оружия и технических средств, изучая ситуацию и оказывая помощь в организационных вопросах и воспитательных процессах. Польза была обоюдной — ведь офицеры кораблей тоже не многих знали из служивших в штабе и политотделе базы и вследствие этого не могли использовать их опыт и помощь.

Командование базы никогда не уходило от проблем, которые волновали военнослужащих, членов их семей, рабочих и служащих. Иногда приходилось обращаться за решениями к городским властям или командующему флотом. Через семь месяцев командования базой я обратился к В. П. Иванову с подробным изложением состояния дел и просьбой в оказании помощи по благоустройству базы. Самой трудной задачей было обеспечение жильем — на учете состояло бесквартирных 833 семьи и 325 холостых офицеров и мичманов, в том числе 177 проходящих службу в плавсоставе. Для обеспечения жильем требовалось в ближайшие пять лет строить 4—5 домов и 3 общежития для малосемейных и холостяков. В гарнизоне имелось 7 детских садов на 425 мест, в очереди стояло 720 детей при фактической заполняемости 533 ребенка. Требовалось значительно расширить сеть дошкольных учреждений, построить еще одну школу.

В береговых частях, в связи с их развитием, не хватало казарменной площади на 900 человек, столовых на 2070 мест, необходим был капитальный ремонт шести казарм, двух столовых, плавательного бассейна в Военной гавани, спортивного комплекса, музея флота, матросского клуба в Военной гавани, инфекционного госпиталя, комбината бытового обслуживания. Нужно было кардинальным образом решить вопрос с водоснабжением и обеспечением теплом кораблей, частей, города. На все это требовались большие капитальные затраты, но за пятилетку можно было выполнить многое. Строительный УНР возглавлял майор Ю. С. Путилин — грамотный инженер, разработавший план инженерного обеспечения строительства жилья и других объектов и начавший его реализацию. УНРом морской инженерной службы руководил полковник П. Н. Белоус — опытный, инициативный, досконально знавший состояние всех видов инженерного обеспечения. Работалось с ними легко. Никогда не забуду инженерное решение, предложенное Ю. С. Путилиным для обеспечения теплом основного микрорайона города от котельной 33-го завода, что позволило на год сократить срок подачи тепла. Доложив мне свои расчеты, он сказал: «Если вы верите мне, я гарантирую выполнение работ за три недели, и мы успеваем подать тепло к началу отопительного сезона». Ответив утвердительно, я много раз потом был на объекте — работы велись круглосуточно и были выполнены в срок. Прошло двадцать лет, конструкция продолжает работать, подтверждая обоснованность решения Ю. С. Путилина и совместного риска, на который мы пошли. Оба офицера по праву после службы в Балтийске получили продвижение по службе — П. Н. Белоус стал начальником морской инженерной службы флота, а Ю. С. Путилин пошел дальше и завершил службу в должности заместителя командующего войсками Московского военного округа в 2007 году. Я был приглашен им на торжественный ужин по случаю 55-летия и завершения службы. Только командующих, с которыми служил Юрий Семенович, было семеро, заместителей министра обороны — трое, не говоря уже о генералах и полковниках общим числом 75 человек. Так чествовать могли только выдающегося строителя и прекрасного человека.

1986 год был замечен тем, что министр обороны уделил большое внимание организации быта войск. Показав командующим, как организован быт в образцовых соединениях и частях,

он потребовал уже в каждом округе и на флоте провести для командиров соединений, частей такой показ. Был, естественно, назначен для такого мероприятия Балтийский гарнизон. Основная подготовительная работа была сделана в бригаде морской пехоты. Подчиненные гвардии полковника А. И. Отраковского проделали очень большую работу по обустройству городка, казарм, столовой, кафе. Всем понравилось высокое качество выполненных ремонтных работ, обеспеченность личного состава, хорошая организация службы. Конечно, гвардейцам была оказана помощь, но с таким объемом работ могли справиться только морские пехотинцы. В базе мы подготовили к осмотру казарму, где размещалась штабная команда. За образец я взял не только уставные требования к размещению личного состава, но и те новые элементы, которые были внедрены в аналогичных помещениях в ГДР и ПНР. Командующему и участникам сборов все понравилось. По завершении осмотра ко мне обратился мой товарищ — командир Лиепайской вмба контр-адмирал Н. М. Ищенко, он спросил: «А где живут моряки-то?» Я ответил, что живут там, где мы только что были. Он не поверил, что в таких условиях могут жить матросы и старшины. Я дал ему честное слово, что это не показуха.

В зимнем периоде обучения Балтийская вмба участвовала в стратегическом учении «Дозор-86», которым руководил Начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза В. Г. Куликов. На основе штаба базы был сформирован штаб управления силами обозначения стороны «южных» во главе с первым заместителем командующего БФ вице-адмиралом Э. Н. Семеновым. Я и первый заместитель начальника политуправления контр-адмирал В. Г. Семилетенко были назначены заместителями Э. Н. Семенова. Со сложными задачами штаб и силы обозначения справились успешно, что было отмечено на разборе В. Г. Куликовым. Для меня это учение было важным вдвойне — я впервые принимал участие в новой должности в учении такого масштаба. Требовалась кропотливая работа по организации разведки, радиоэлектронной борьбы и оперативной маскировки, подготовке сил обеспечения и отработке взаимодействия корабельных сил с авиацией, подводными лодками. Но особенно важной была возможность многодневной работы под руководством Э. Н. Семенова, который прошел службу в должности командира Балтийской вмба и помог мне в практическом управлении базой с основного командного пункта, щедро делясь своим опытом и знаниями.

Еще одно важное достижение зимнего периода обучения — сторожевой корабль «СКР-90» был подготовлен и направлен на двухмесячную боевую службу. После длительного периода корабли 26 БПК начали несение боевой службы — это было очень важно для всех, но особенно для противолодочников, чей напряженный труд по восстановлению технической и боевой готовности стал востребованным для решения основной задачи мирного времени.

В 1986 году я неожиданно для себя оказался в отпуске в Болгарии, на «Золотых песках» — недалеко от Варны. Находясь на пункте управления «Таран» во время обеспечения ракетных стрельб силами флота, я получил сообщение начальника управления кадров А. Д. Петрова о том, что есть одна парная путевка в Болгарию — согласен ли я ею воспользоваться? Поскольку такое предложение было неожиданным, я сказал, что надо посоветоваться с женой, а это я смогу сделать только вернувшись поздно вечером домой. Стоявший рядом В. Е. Степанов сказал, чтобы я соглашался, а потом будет разговор с женой. «Пока вы будете размышлять, путевку предложат кому-нибудь другому», — резонно заметил Валентин Емельянович. Я ответил А. Д. Петрову согласием.

Мы действительно хорошо отдохнули. Была прекрасная погода, которую дополняли атмосфера дружеского общения в нашей группе, сердечные встречи с болгарскими моряками. На этом отдыхе мы близко сошлись с командующим ВВС Балтийского флота генерал-лейтенантом П. И. Гончаровым и его супругой Ниной Петровной. Через несколько лет судьба сведет нас

совсем близко — мы будем жить в одном подъезде дома № 4а по улице Шиллера в Калининграде, наша семья на четвертом этаже, а прекрасная чета Гончаровых на втором.

Возвратившись из Болгарии, я только закрыл входную дверь в квартиру, как раздался звонок оперативного телефона, на связи был А. Д. Петров. «Главкомандующий предлагает тебе должность командующего 5-й флотилией кораблей. Тебе, наверное, надо посоветоваться с женой, прежде чем дать ответ», — сказал Анатолий Дмитриевич. Я ответил, что мы уже посоветовались, жена стоит рядом и слышит наш разговор. Согласен, благодарю за предложение, доверие Главкомандующего оправдаю.

Завершив разговор, я спросил Людмилу, готова ли она несколько лет быть одной. Она сказала, что справлялась, когда дети были маленькими, теперь будет легче. Больше мы к разговору не возвращались. Летний период обучения и учебный год был завершен с хорошей оценкой базы. На разборе итогов года мы дали объективную оценку сделанного, показали и достижения, поблагодарив и поощрив тех, кто лучше других решал задачи, и подробно остановились на наших недостатках, поскольку они были базой при планировании мероприятий, исключая или значительно уменьшающих их повторение в 1987 году.

Как положено было в советское время, перед назначением на высокие должности с представленными кандидатами проводилось собеседование в административном отделе ЦК КПСС. Первое такое собеседование я проходил перед назначением на должность командира Балтийской ввб. Меня тогда спросили, почему я девять лет командовал бригадами, хотя характеристики и государственные награды говорили о том, что служба моя оценивалась хорошо. Я ответил, что служил там, где решало командование. «Мы поправим это дело», — сказали мне. Теперь, когда я снова встретился в ЦК КПСС с теми же людьми, они мне напомнили о том разговоре и сказали, что свое слово сдержали и будут рекомендовать назначение на должность с оформлением документов установленным порядком. Вместе со мной проходил собеседование В. И. Калябин, который назначался начальником штаба Тихоокеанского флота. После ЦК КПСС были мы на беседах в Главном управлении кадров Министерства обороны СССР. Здесь с нами беседовали вместе, подробно вникая в дела флотилии и базы. Все общения носили доброжелательный характер. В завершение бесед нам обоим было сказано, чтобы мы отправлялись на места своей службы, приказ о назначении состоится.

Новый учебный год в Вооруженных силах начинался 1 декабря. После торжественного открытия началась плановая учеба. После новогодних праздников командующий флотом адмирал В. П. Иванов объявил мне о назначении и приказал 7 января убыть в Севастополь. Дела и должность я передал В. А. Васильеву, назначенному командиром базы. Перед отлетом я зашел в штаб флота, попрощался и поблагодарил командование за оказанное доверие. Встретился с контр-адмиралом А. П. Рудометкиным — первым заместителем начальника штаба флота. В разговоре он утвердительно сказал, что Балтийская база будет реформирована. На флоте будет сформирована Балтийская эскадра разнородных сил. Не вступая в дискуссию, я сказал А. П. Рудометкину, что создается новое объединение несвоевременно и здесь может быть потеря больше, чем приобретений. Я и предположить не мог, что мне предстоит в должности командующего флотом расформировывать эскадру разнородных сил, которая функционировала всего пять лет, и заново формировать Балтийскую ввб.

СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЕ МИЛИ

Прибыв в Севастополь, я представился руководству флота. Командующий флотом адмирал М. Н. Хронопуло проходил реабилитацию после болезни и принял меня на служебной даче. В доброжелательной обстановке он сориентировал меня по всему кругу вопросов, установил порядок докладов ему. И сказал удивившую меня фразу: «Любая твоя просьба, касающаяся флотилии, будет мной лично рассмотрена и решена». Командующий, пройдя сам все ступени службы, понимал, как важна и нужна поддержка тем, кто находится на боевой службе. Конечно, я соразмерял просьбы с возможностями флота, но действительно М. Н. Хронопуло все их выполнял, особенно помог с обеспечением жильем офицеров штаба и политотдела флотилии.

С оказией я убыл в Средиземное море, где должен был принять дела и должность у контр-адмирала В. И. Калабина. Естественно, волновался. Всего три с половиной года прошло со времени боевой службы 1983-го, и теперь я уже не в привычной должности командира бригады поднимаюсь на борт флагманского корабля флотилии, а в должности ее командующего. В. И. Калабин был первым командующим флотилией после ее переформирования из 5-й эскадры кораблей ВМФ. Беспокойство прошло, когда мы встретились и обнялись с В. И. Калабиным. В ожидании оказии в Севастополь он ввел меня в обстановку, дал характеристики своим заместителям, офицерам штаба, политотдела, рассказал об особенностях взаимоотношений с командующими флотами дружественно относящихся к СССР стран. До официального доклада командующему Черноморским флотом о передаче дел я, как и положено по уставу, провел опрос жалоб и заявлений военнослужащих Их не последовало. Были обращения с просьбой решить вопросы, соблюдая преемственность принятых В. И. Калабиным решений. Я отвечал, что все решения командующего флотилией будут выполнены. Это закон флотской службы.

Доложив адмиралу Хронопуло о приеме-сдаче дел, торжественно проводив В. И. Калабина, я приступил к плановой работе по подготовке к учению Черноморского флота. Планировался выход Главнокомандующего Военно-морским флотом адмирала флота В. Н. Чернавина на крейсере «Слава» в Средиземное море. Заслушивая каждого офицера штаба, я делал необходимые записи для использования в личной работе над решением на выполнение поставленных задач. Состав оперативной группы, с которой мы прибыли в Севастополь, был небольшим, но опытные специалисты штаба подготовили необходимые расчеты, предложения. Разработка решения и его оформление хронометрировались и проверялись посредниками — адмиралами, генералами и офицерами Главного штаба ВМФ. Доложенное решение с небольшими поправками было утверждено командующим флотом, передано на командный пункт флотилии — на тяжелый авианесущий крейсер (ТАКР) «Киев». Переход крейсера «Слава» под флагом ГК ВМФ СССР прошел благополучно. Обстановка велась и докладывалась адмиралу флота В. Н. Чернавину в строго назначенное время. ГК ВМФ подробно заслушал меня по всему кругу вопросов, остался удовлетворен уровнем знаний обстановки на Средиземноморском морском театре, состояния кораблей, несущих боевую службу, оценкой отработанности штаба, его взаимодействия с политотделом флотилии. ГК ВМФ знал о предстоящем переводе члена Военного совета — начальника политотдела контр-адмирала В. И. Никулина — в Москву по семейным обстоятельствам. Я попросил его назначить на эту должность В. Е. Степанова — начальника политотдела Балтийской ввб. Охарактеризовав офицера, я доложил, что с членом Военного совета — начальником политуправления ВМФ адмиралом В. И. Паниным — этот вопрос согласован. «Я поддерживаю назначение», — сказал ГК ВМФ. Это было очень важное решение, реализованное через несколько месяцев.

Учение продолжалось трое суток. Напряжение в штабе и на кораблях, маневрировавших максимальными ходами, было большим. Но люди делали свою работу уверенно. Высокую отработанность показали летчики штурмового полка, базировавшегося на ТАКР «Киев», при нанесении бомбово-штурмовых ударов в развитие массированного ракетного удара по авианосной многоцелевой группе вероятного противника.

На разборе ГК ВМФ дал хорошую оценку действий сил флотилии, поблагодарил за усердие при решении задач боевой службы. Моя первая работа в новой должности, как я узнал десять лет спустя, понравилась В. Н. Чернавину. Поздравляя в 2007 году с днем рождения адмирала флота К. В. Макарова, в разговоре с ним я получил информацию, что когда ГК ВМФ убывал в Средиземное море, начальник Главного штаба ВМФ предложил ему обратить внимание на командующего флотилией. «Он должен вам понравиться», — предложил К. В. Макаров. После возвращения в Москву В. Н. Чернавин сказал К. В. Макарову: «Вы были правы. Егоров мне понравился». Всем последующим продвижением по службе я обязан В. Н. Чернавину. Мне выпала честь служить в его непосредственном подчинении в должности командующего Балтийским флотом. Но первый отчет перед ним и первые оценки никогда не уходили из памяти. Они дали мне уверенность в службе, укрепили авторитет и явились великолепной школой управления.

За двадцать лет службы все вопросы на флотилии — преемнице 5-й эскадры — были отработаны до тонкостей. Мне практически ничего не нужно было менять — семеро моих предшественников (Б. Ф. Петров, В. М. Леоненков, Е. И. Волобуев, В. И. Акимов, Н. И. Рябинский, В. Е. Селиванов, В. И. Калабин) сделали все для решения задач, поставленных правительством СССР при образовании эскадры. Установившаяся с годами система наблюдения за обстановкой, ее анализ, доклад предложений для реагирования силами флотилии в штаб Черноморского флота и в Главный штаб ВМФ сбоев не давали. Флотилия оставалась мощной сдерживающей преградой на пути агрессивных планов или действий недружественных арабским государствам стран. Где возникала реальная угроза применения силы странами НАТО, там упреждающим развертыванием сил флотилии наша страна реагировала на угрозу, сводя ее на нет.

В 1987 году произошли серьезные кадровые изменения: убыл в Москву В. И. Никулин, прибыл ему на смену капитан 1 ранга В. Е. Степанов; был назначен первым заместителем командующего флотилией капитан 1 ранга А. В. Горбунов с Северного флота — эта должность несколько месяцев оставалась вакантной после внезапной смерти контр-адмирала Н. И. Горшкова. Военный совет флотилии теперь был в полном составе. Начальник штаба М. Г. Кулак стал контр-адмиралом. Очень большую, грамотную работу вел особый отдел флотилии, возглавляемый капитаном 1 ранга П. Н. Тищенко.

Многომесечное непрерывное нахождение офицеров на командном пункте флотилии, накапливающаяся усталость требовали от каждого из нас бережного отношения друг к другу, даже если случались промахи в работе и была необходимость в принятии мер реагирования. Роль В. Е. Степанова в этих условиях была особенно важна. Он пользовался с первых дней своей работы на флотилии большим авторитетом, очень тонко чувствовал атмосферу в коллективе штаба и политотдела и, если была необходимость его нахождения на КП, пренебрегал своими планами и находился там столько, сколько было нужно по его оценке. Был период, когда он одиннадцать месяцев провел без съезда на берег. Он мог выполнить любую задачу. Когда срочно потребовалось усилить противовоздушную оборону Ливии, по решению начальника Генерального штаба в Триполи был заведен корабль 5-й флотилии с оперативной группой штаба под руководством В. Е. Степанова, отработано взаимодействие с соединениями ПВО Ливии, командным пунктом флотилии, кораблями радиолокационного дозора. В. Е. Степанов находил

ся на прямой связи с начальником Генерального штаба ВС СССР. Задача предотвращения воздушных ударов по Ливии была решена.

Невольно напрашивалась аналогия с ситуацией в Югославии, когда по ней наносились ракетно-бомбовые удары. Разведка Балтийского флота вскрыла подготовку и сроки начала бомбардировок, о чем немедленно было доложено в Генеральный штаб ВС РФ. Но защитить Югославию было нечем, в 1992 году флотилия была расформирована, силы выведены из Средиземного моря.

Всего два года мне выпало счастье командовать флотилией. Я приобрел такой опыт, о котором мог только мечтать. На флотилии были практически воплощены самые передовые разработки системы управления силами с задействованием территориально разнесенных центров связи, в том числе сверхдлинноволновых для передачи сигналов на подводные лодки под водой. Командный пункт флотилии размещался на кораблях управления — плавбазах типа «Виктор Котельников», больших противолодочных кораблях проекта 1134б, тяжелых авианесущих крейсерах «Киев», «Баку». В составе флотилии находились наиболее боеготовые корабли трех флотов — ЧФ, СФ, БФ, подводные лодки Северного флота, суда плавучего тыла флотов, в основном Черноморского.

Корабли управления были новыми для меня, их тщательное изучение являлось обязательным, тем более что к этому подталкивали и особые случаи. Так, при размещении КП флотилии на БПК проекта 1134б ночью корабль оказался обесточенным на несколько часов. По отработанной системе наблюдения за флагманским кораблем все корабли, стоявшие на якоре в точке № 3 в заливе Хаммаммет, также погасили огни. Шли часы, а света на флагмане все не было. Хорошо, что в точке имелся спасательный буксир, капитан которого от сомнений перешел к действиям — он подошел на голосовую связь, выяснил обстановку, ошвартовался к борту корабля и подал электроэнергию от своих генераторов. Оказалось, что расходные баки, из которых поступает топливо на обеспечение работы газотурбогенераторов, были пусты. Вахта не пополнила их, и это привело к остановке газотурбогенераторов. Предпринимавшиеся попытки запустить ГТГ от аккумуляторных станций, естественно, не могли увенчаться успехом, хотя и обеспечивали раскрутку турбин до требуемой нормы перехода на штатный режим с поджогом топлива из форсунок. А потом последовала разрядка аккумуляторов, и уже нельзя было никаким другим способом запустить ГТГ, кроме как от внешнего источника электроэнергии. Я вспомнил разговор с командиром БПК «Николаев», испытания которого обеспечивал, командуя БПК «Образцовый». Он обеспокоенно говорил о том, что отсутствие на корабле дизель-генератора может привести к аварийной ситуации. Но он так и не был установлен ни на головном, ни на серийных кораблях. А ведь обесточивание корабля обрекает его на все беды, которые могут быть и главными из которых в мирное время являются пожар и затопление, в бою — гибель. Мы это хорошо прочувствовали, в течение трех с половиной часов находясь в полной темноте. Для командного пункта флотилии это было опаснее многократно, т. к. не могли быть приняты сигналы боевого управления. На этот раз повезло — они не поступали.

Конечно, были сделаны выводы командованием корабля, усилен контроль за несением вахты. Инженер-механики флотилии тоже поняли, что может сделать один недисциплинированный матрос, и более глубоко стали изучать корабли, на которых размещался КП флотилии. Наиболее сложным кораблем был тяжелый авианесущий крейсер. На «Киеве», а затем на «Баку» по полгода размещался КП флотилии. Если «Киев» был кораблем с отработанным экипажем и больших беспокойств не вызывал, то «Баку» доставил немало огорчений. В первый же день нахождения ТАКР на боевой службе на него перешла оперативная группа штаба руководства поисковой противолодочной операцией под моим руководством. В час ночи начали переход в район поиска, дали ход 24 узла. Через полчаса поступил доклад на ходовой мостик, где мы с

командиром находились, о пожаре в дымовой трубе. Уменьшили ход, затем легли в дрейф. Провести разведку пожара с верхней палубы было невозможно — металл был раскален. Командир электромеханической боевой части предложил воспользоваться единственным выходом в трубное пространство из внутреннего помещения и подать через люк воду пожарными стволами. С трудом ликвидировали пожар в 06.30. Провели вентилирование смежных задымленных помещений, а их оказалось много, включая каюты верхнего яруса и ходовой мостик, провели проверку личного состава, убедились, что все люди налицо. Провели и первичное обследование трубного пространства по «горячим следам», определились с повреждениями, выяснили причину пожара. Оказалось, что она была подготовлена именно инженерами-механиками. Большое пространство было заполнено тем, что, несомненно, пригодилось бы для корабля, — запасным имуществом, размещенным на дюралюминиевых стеллажах, специально изготовленных на заводе и прикрепленных по всему периметру трубы в несколько ярусов. Имущество было в картонной и деревянной упаковке, которые, может быть, и выдержали бы повышенную температуру газов при высокой скорости хода корабля, но там еще были развешаны веники для бани. Они-то и явились первопричиной пожара.

Это все выяснилось уже после того, как пожар был ликвидирован, имущество обрушилось и лежало холмами на палубе трубы. Отключив поврежденные кабели, выставив в опасных местах вахту с аварийным имуществом и инструментами, дали разрешение на начало движения, постепенно увеличивая ход. И опять доклад на мостик: «Повесился матрос Бубирев». Направляю на место происшествия В. Е. Степанова. Разобравшись, докладывает причину самоубийства: над матросом пошутили его товарищи в кубрике. Спрятав положенную им на койку переносную радиостанцию, которой он пользовался во время тушения пожара для доклада обстановки с поста наблюдения, молодого матроса стали пугать: мол, станция секретная и за ее потерю будет тюрьма. Не пережив стрессовой ситуации, матрос вышел из кубрика и через полчаса был обнаружен в петле.

Трудно командованию корабля в такой атмосфере выполнять задачи трехсуточных поисковых действий. Нелегко и нашей оперативной группе работать, корректируя план операции из-за отставания ТАКР с развертыванием в район поиска. Но постепенно рабочая обстановка восстановилась, и задачи операции были выполнены успешно.

Тщательно изучив обстановку на корабле, Военным советом флотилии были определены меры по оказанию помощи командованию корабля в отработке организации службы и улучшению воспитательной работы в экипаже. В течение всех шести месяцев офицеры штаба и политотдела флотилии держали на контроле все вопросы по кругу ведения, что позволило совместно с офицерским составом крейсера добиться итоговой оценки кораблю за первую и единственную службу — «хорошо». Дальнейшая судьба ТАКР «Баку» еще более печальна, чем ТАКР «Киев», который был выведен из боевого состава ВМФ в 17-летнем возрасте, отслужив одну треть от нормативного срока.

Традиционно флотилия выполняла военно-дипломатические миссии. Состоялись официальные визиты под флагом командующего в Югославию (порт Сплит), Тунис, Алжир, Сирию (порт Латакия) и деловые заходы в порт Тартус. Принимали наши отряды, как официальные лица, так и население, тепло, послы СССР в этих государствах лично уделяли много внимания, а сотрудники посольства, прежде всего, разумеется, военного атташата, несли на флагманском корабле круглосуточное дежурство, помогая нам в выполнении как программных мероприятий, так и сверхпрограммных, без которых не обходился ни один визит. В Тунисе посол СССР В. Ф. Собченко со мной вместе провел все пять суток визита. Он показал многое из того, о чем я нигде не читал. Мы посетили древнюю столицу Туниса г. Кайруан, проехали на побережье залива Хаммамет, 23 км

которого были застроены отелями высокого класса, в них отдыхали в основном французы, продлевая лето южного побережья Франции. Посетили мы судовой верфь компании «Сакамена», где могли проходить ремонт и докование любые корабли до ТАКР включительно.

С ним мы побывали в тех местах, где базировались корабли Черноморского флота, прибывшие сюда с эвакуированными членами семей офицеров и тысячами граждан России. Так я впервые узнал о той истории флота в изгнании, которая нам была почти неизвестна, кроме самого факта ухода кораблей из Черноморских портов. Владимир Федорович оказался очень сердечным человеком и проявил свои дружеские чувства ко всему личному составу отряда кораблей. Все посольство было задействовано на обеспечении визита. Пять дней изменили представление о Тунисе. Теперь, когда мы стояли в заливе Хаммаммет в точке якорной стоянки № 3, мы по-другому воспринимали огоньки на побережье этой страны.

В Алжире посол СССР В. Н. Таратута сделал все, чтобы визит прошел успешно. Он своим авторитетом обеспечил проведение официального приема на борту корабля. Ему было известно, что иностранные гости не хотели идти на прием, раз не будет спиртного. В. Н. Таратута сказал мне, что его коллеги прямо говорили: «У себя в стране делайте, что хотите, но не выносите свои правила на международный уровень». Он заверил своих коллег, что все будет. Мы с ним приняли решение закупить спиртное в посольском магазине, обеспечить прием в соответствии с международными нормами.

Советские офицеры могли спиртное не употреблять, выполняя постановление ЦК КПСС от 10. 11. 85 г., а иностранцам наши законы не писаны. На закупку спиртного пошли все скромные представительские средства, добавил ресурсов В. Н. Таратута. Разумеется, мы взяли справку, заверенную печатью посла, что были закуплены горошек, зелень, фрукты. Когда через пять месяцев я прибыл в Севастополь, то больше всех был обрадован начальник финансовой службы флотилии, который не мог отчитаться за израсходованные валютные средства, так как в отчете не было чеков. Нужно было мое подтверждение закупок. Я подтвердил, отчет приняли, мичман успокоился — ведь с него грозились удержать израсходованные средства в 8-ми или в лучшем случае в 5-кратном размере. Такие были времена.

Все гости пришли, их было 152 человека. Это был первый прием, на котором присутствовали высокие иностранные гости, получившие указание от своих правительств принимать приглашения и участвовать в официальных мероприятиях. После ввода наших войск в Афганистан им это было запрещено. Уровень приема соответствовал ожиданиям гостей. Для музыкального сопровождения был привлечен ансамбль флагманского корабля отряда — БПК «Комсомолец Украины», программу которого отредактировал В. Е. Степанов. Всем участникам приема программа понравилась, прощаясь, гости благодарили за гостеприимство и хороший ансамбль, не веря, что это была корабельная самодеятельность.

В день выхода кораблей В. Н. Таратута прибыл нас проводить. Перед строем экипажей он наградил грамотами отличившихся при выполнении задач визита. Всем было приятно, что великую страну представляет в дружественном СССР Алжире такой незаурядный человек, в прошлом — секретарь обкома КПСС. С В. Н. Таратутой я встретился в Москве в этом же году на XIX партконференции, делегатом которой я был от Крымской областной парторганизации. Он подошел к нам, поздоровался и сказал Главнокомандующему ВМФ адмиралу флота В. Н. Чернавину: «Ваши ребята провели прекрасно визит в Алжир. Для нас это было большой помощью. Присылайте чаще корабли». В. Н. Чернавин поблагодарил В. Н. Таратуту за высокую оценку визита и обещал удовлетворить его просьбу.

Наиболее перспективно выстраивались отношения между СССР и Сирией. Это касалось и наших флотов. В п. Тартус на выделенном Сирийской стороной участке площадью немногим

менее гектара создавался пункт материально-технического обеспечения кораблей флотилии. В порту был выделен причал, где постоянно размещалась плавмастерская, и смонтированы два плавпричала из 3-х секций каждый общей длиной по 108 метров, что позволяло кораблям, подводным лодкам и судам вспомогательного флота проводить ремонтные работы в благоприятных условиях и предоставлять отдых экипажам. Для уменьшения затрат валюты на закупку воды в пункте МТО были пробурены две скважины и проложен трубопровод к плавпричалам. Это позволяло давать экипажам отличного качества воду круглосуточно, расходовать ее для помывки корабля.

Плавбаза «Дмитрий Галкин» — флагманский корабль флотилии — был первым, который зашел после завершения работ по монтажу плавпричалов, опробовал надежность его крепления и удержания ошвартованного высокобортного корабля при различной силе ветра. До 50-ти судозаходов в год обеспечивали плавпричалы. В 2006 году по приглашению бывшего заместителя Верховного Главнокомандующего — министра обороны Сирии генерала Мустафы Тласа — я находился в Сирии 5 суток и съездил в Тартус. Пункт МТО функционирует, один плавпричал затонул, у второго ошвартована плавмастерская. Число судозаходов в год — 5. Трубопровод пресной воды работает, хотя по фланцевым соединениям имеются подтеки. Плавмастерские, как и в советское время, меняются в п. Тартус через шесть месяцев. За время нахождения на боевой службе в дополнение к должностным окладам выплачивается за каждые сутки командиру корабля 8 долларов, рабочим и служащим экипажа и ремонтных цехов — 3,5—4 доллара, в зависимости от тарифного разряда. Комментарии излишни.

На обратном пути из Дамаска в Москву моим соседом в самолете оказался посол Сирии в России. Он закончил Ленинградский политехнический институт в советское время, был министром образования Сирии до назначения послом, хорошо говорит по-русски. Президент Сирии, напутствуя его, сказал, что направляет своего друга на укрепление и расширение сотрудничества с Россией. Очень хочется, чтобы наша страна сохранила верного друга в арабском мире, многократно испытанного уже после демонтажа СССР.

В 1988 году я получил разрешение на отпуск, мы с женой уехали в санаторий Балтийского флота «Майори» на берегу Рижского залива. Через неделю я получил информацию, что генерал Мустафа Тлас обратился к Главнокомандующему ВМФ СССР адмиралу флота В. Н. Чернавину с просьбой организовать официальный визит в Латакию отряда кораблей во главе с ТАКР «Баку». Он сам хотел бы посетить крейсер. ГК ВМФ приказал мне прибыть на КП флотилии и возглавить визит. Определившись с ближайшими оказиями из Севастополя, на которые успевал, я скорректировал отпускные мероприятия и прибыл на ТАКР «Баку», завершавший подготовку к визиту.

В назначенное время отряд прибыл в Латакию, ТАКР, естественно оставался на якоре на рейде, эскадренный миноносец «Отличный» зашел в порт. Все официальные мероприятия проведены, но посол СССР в Сирии А. С. Дзасохов попросил показать корабль. Его дотошности, желанию вникнуть в детали в течение трехчасового обхода корабля я удивился. По мере общения с ним в течение нескольких встреч во время визита я понял, насколько глубокомысленно он оценивает обстановку на Ближнем Востоке. Для меня было полной неожиданностью его твердое убеждение, что Ирак, накопивший большой военный потенциал, обязательно совершит нападение на кого-то из своих соседей и наиболее вероятно агрессии подвергнется Кувейт.

В назначенный день мы приняли заместителя Верховного Главнокомандующего — министра обороны Сирии генерала Мустафу Тласа, искреннего друга Советского Союза. Генерал говорил по-русски. Мы знали, что он перевел «Воспоминания и размышления» маршала Г. К. Жукова на арабский язык, работает над книгой о Жукове, читал лекции в академии Генерального штаба ВС СССР. Вел себя генерал очень просто, не торопясь обходил интересующие его на

ТАКР «Баку» посты. ГК ВМФ дал мне указание показать М. Тласу все, что он захочет увидеть, и докладывать истинные тактико-технические данные оружия и технических средств.

После осмотра крейсера в салоне флагмана был дан обед в честь генерала М. Тласа, завершившийся вручением сувенира. Атмосфера во время обеда была дружеской и сердечной. Провожая министра обороны, я поблагодарил его за заботу о наших моряках, оказание помощи в формировании пункта МТО и оборудовании мест стоянки сил флотилии в п. Тартус. Спросил разрешения на проведение совместного учения с противолодочными силами ВМС Сирии. При этом, с выходом на флагманском корабле сил поиска командующего флотом адмирала Мустафы Таяра. Такое поручение мне дал ГК ВМФ В. Н. Чернавин. Министр согласился. Меня и В. Е. Степанова он пригласил в гости в Дамаск, сказав, что пришлет за нами самолет. К приглашению присоединился и посол А. С. Дзасохов. Доложив ГК ВМФ результаты выполнения его поручения, я спросил разрешения ответить на приглашение М. Тласа. ГК ВМФ дал «добро».

Министр прислал за нами небольшой самолет, мы двое суток были гостями М. Тласа и А. С. Дзасохова. С нами находился переводчик — офицер политотдела флотилии В. И. Боровик, прекрасно знавший арабский язык, сопровождал нас сирийский генерал бригады. В Дамаске нас принял и командующий флотом М. Таяр, пригласил на ужин, который по местному обычаю начался в 22 часа и закончился в 2 часа ночи.

Очень теплой была встреча с А. С. Дзасоховым в посольстве, полезны его откровенные рассказы, ориентировавшие нас на более грамотную оценку обстановки в восточном Средиземноморье. Пройдут годы — и мы встретимся с А. С. Дзасоховым в новых должностях: он — Президент Северной Осетии, я — Глава администрации (губернатор) Калининградской области. Нас обоих пригласил к себе в гостиничные апартаменты Президент Кабардино-Балкарской республики В. Коков. Сколько было воспоминаний в этот первый День России, отмечавшийся прохождением представителей каждого региона великой страны по центральной улице Москвы! Я радовался тому, что А. С. Дзасохов — большой труженик, светлая голова, уважаемый своим народом — твердо руководит развитием республики. Никто из нас тогда не знал, какие трагические события будет переживать республика и ее президент. Трагедия Беслана потрясет всю страну.

Завершив визит в Латакию, мы перешли на рейд п. Тартус. Штаб флотилии разработал план учения разнородных противолодочных сил, предложил его на рассмотрение и согласование со штабом сирийских ВМС. После утверждения плана мной и адмиралом М. Таяром провели подготовку сил, отработали взаимодействие в базе.

На учение М. Таяр вышел с небольшой оперативной группой. В ходе поиска, слежения, применения практического оружия по подводной лодке — цели — сам командующий и его офицеры вникали во все вопросы, непосредственно наблюдая работу операторов и пользуясь помощью переводчиков. После завершения учения М. Таяр поблагодарил меня, пригласил к себе на неофициальную встречу. Быстро установились наши дружеские отношения, которым предстояло пройти испытание в драматическом случае обстрела боевыми вертолетами сирийских ВВС советского катера типа «Ярославец». Адмирал М. Таяр принял все меры по оказанию помощи пострадавшим при обстреле и минимизации последствий инцидента. Дело в том, что катер начал переход из п. Тартус в Севастополь без оповещения сирийской стороны и был принят вертолетчиками за израильский.

В таком сложном объединении, где несли службу наиболее подготовленные корабли, подводные лодки и суда вспомогательного флота, все-таки не обходилось без происшествий. И хотя они были единичными, некоторые произошли по прямой вине людей, иногда даже офицеров. Так, с ТАКР отрабатывались взлеты с коротким разбегом (ВКР) самолетов с вертикальным взле-

том и посадкой ЯК-38. Один самолет сразу после взлета стал резко терять скорость и упал в море впереди по курсу крейсера. Летчики катапультировались, командир корабля успел быстро среагировать, изменив курс. Погода была благоприятной, летчиков быстро подняли на борт крейсера. Разобраться с причиной потери скорости на взлете было трудно — самолет-то на глубине 4 км. Но таких взлетов были сотни до этого. Значит, заключила комиссия, не все было проверено при подготовке самолета к вылету.

И еще одно ЧП. При взлете четверки вертолетов Ка-27 на прием контакта с иностранной подводной лодкой ведущий по радио передал командиру одного из вертолетов: «У тебя что-то упало сразу после взлета». Командир и экипаж осмотрелись, ничего необычного не обнаружили и продолжили полет до тех пор, пока не стала повышаться температура правого двигателя. После доклада на управляющий КП командир вертолета получил приказание возвратиться на крейсер. Однако он еще в течение двух минут продолжал полет прежним курсом. На подлете к крейсеру перегревшийся двигатель остановился. На одном двигателе вертолет, по его техническим данным, мог идти с набором высоты, однако он стал терять высоту и в километре от крейсера сел на воду. Баллонеты сработали, море было спокойным, экипаж покинул вертолет и был поднят на борт. Вертолет остался на плаву, и его удалось ошвартовать к борту эскадренного миноносца. Поднять же не было никакой возможности. И мы с полным бессилием наблюдали, как начавшееся волнение ведет к постепенному разрушению вертолета, пока он не затонул. Вертолет всего два года отслужил после постройки. Досадно, что командир вертолета проявил недисциплинированность — тех двух минут хватило бы для благополучной посадки на палубу крейсера.

Во время проведения зачетного тактического учения флотилии под руководством командующего флотом М. Н. Хронопуло произошел единственный за всю историю службы вертолетов в ВМФ СССР случай, когда советский вертолет сел на палубу болгарского транспорта. Взлетев с палубы эсминца, вертолет начал поиск АМГ вероятного противника по учению. Выполнив задачу, командир вертолета получил приказание возвратиться на корабль. Наведение вертолета осуществлялось по данным корабельной радиолокационной станции кругового обзора. Пройдя назначенную дистанцию по пеленгу на корабль, командир вертолета корабль не обнаружил. Ему дали другое наведение, но и там он корабль не нашел. Так его водили до тех пор, пока остаток топлива стал критическим. Увидев идущий транспорт под болгарским флагом, командир вертолета облетел его и, видя энергичные жесты, приглашавшие в гости, решил сесть на палубу между двумя мачтами. Благополучно сел. Топлива в баках осталось 50 литров. Командир вертолета вышел на связь по УКВ, доложил обстановку, получил приказание оставаться на борту транспорта, пока не подойдет эсминец и не передаст топливо. Командующий флотом распорядился осуществить взлет только по его приказанию.

По карте расстояние между болгарским транспортом и флагманским кораблем флотилии было 500 миль, а дальность УКВ связи по законам физики может быть равна расстоянию по прямой видимости между объектами. Аномальная дальность связи помогла нам знать развитие обстановки. Эсминец, встав на бакштов к болгарскому транспорту, передал 120 литров топлива для вертолета. Ветер усилился до 15 м/сек. Прекратив передачу топлива, корабль снялся с бакштова и находился поблизости, когда получил доклад командира вертолета, что он взлетает. Действительно, вертолет взлетел и попытался сесть на палубу эсминца. Корабль еще не успел лечь курсом на ветер, поэтому первая попытка была неудачной. Ко второй попытке корабль уже лежал на курсе, благоприятном для посадки, и командир успел вывести на вертолетную площадку около 60-ти человек, которые и удержали вертолет от возможного опрокидывания ветром до закрепления штатными устройствами. От взлета до посадки прошло несколько минут.

На КП флотилии стояла тишина. Ее нарушил М. Н. Хронопуло, приказав мне с окончанием ЗТУ провести расследование и командира вертолета наказать.

Через несколько дней я завершил расследование. Оказалось, что экран радиолокационной станции наблюдения был полностью закрыт помехами неизвестного происхождения и наведение вертолету давалось по якобы появившейся отметке от воздушной цели. Действия командира вертолета я признал правильными — это был летчик, совершивший до этого 988 посадок на палубу эсминца. Беседуя с ним, я спросил, а чтобы он делал, если бы рядом оказался корабль НАТО. «Садился бы на воду», — ответил он. «Но это же верная гибель», — возразил я. «Ну и что же, другого выхода у меня не было», — убежденно сказал майор, у которого на севере осталась жена и двое детей. Такие были времена. Наказывать его я не стал, а наоборот, поблагодарил за найденный выход из безнадёжного положения. Командующий флотом согласился с моим решением.

Был и более тяжелый случай на БПК «Красный Кавказ», когда погибло три человека при пожаре в машинном отделении. Прошло всего десять суток, как корабль находился на боевой службе. Сразу при входе в зону ответственности флотилии он был направлен на выполнение задачи корабля радиолокационного дозора в интересах ПВО Ливии. Вокруг страны складывалась обстановка, когда могли быть нанесены удары авиацией НАТО по важным объектам, особенно нефтеперегонным заводам и предприятиям нефтехимии. БПК «Красный Кавказ», маневрируя на своем участке подвижной линии дозора вместе с двумя другими кораблями, должен был пополнить запас топлива до полной нормы, не прекращая выполнения поставленной задачи. При приемке топлива было сорвано резьбовое соединение замерного устройства уровня топлива в цистерне. Оно находилось вблизи работающего газотурбогенератора со снятыми кожухами лопаток для создания более благоприятных условий охлаждения. Топливо струей стало вытекать из цистерны через штуцер замерного устройства. Вахтенный, увидев растекающееся топливо и установив причину, лег на штуцер, решив таким образом прекратить растекание топлива. Но давление было таким, что топливо стало распыляться и попало на открытые лопатки работающего ГТГ.

Воспламенение топлива привело к пожару, для ликвидации которого после вывода личного состава была включена система объемного пожаротушения. Два матроса, которые находились в трюме, получили смертельное отравление угарным газом, мичман, покидавший машинное отделение последним, получил смертельные ожоги. Для проведения расследования мной был направлен 1-й заместитель командующего А. В. Горбунов. На линию дозора был поставлен другой корабль. С получением доклада о состоянии машинного отделения после пожара я принял решение направить корабль в Тартус, где в течение недели выполнить восстановительные работы, объем которых был небольшой, и с ним могла справиться плавмастерская. По завершении работ машинное отделение надо было покрасить. А. В. Горбунов доложил, что экипаж просит оставить корабль на боевой службе. Рассмотрев на Военном совете флотилии вопрос о продолжении боевой службы «Красным Кавказом», мы приняли решение просить командующего флотом удовлетворить ходатайство экипажа и решение Военного совета. Командующий флотом передал мне решение ГК ВМФ: корабль с боевой службы вернуть. Тела троих погибших были отправлены ближайшей оказией, пока корабль находился в Тартусе.

Находясь вдали от Родины, мы не могли не ощущать всей серьезности перемен, которые происходили дома. Конечно, скоропалительные решения Политбюро ЦК КПСС того времени не могли, расшатывая страну, не коснуться ее вооруженных сил. Впервые я остро это почувствовал, находясь в кремлевском Дворце съездов как делегат XIX партийной конференции. Но мы еще держались. Делали порученное нам дело.

На боевой службе по техническим причинам мы не имели возможности смотреть телевизионные передачи или хотя бы слушать радио. Чтобы получить информацию, В. Е. Степанов в 4 часа утра — время наиболее благоприятное для обнаружения в эфире некоторых радиостанций СССР — садился у приемника и к утреннему ориентированию штаба и политотдела флотилии и командования корабля давал объективную информацию происходящего в стране. Официальная информация, получаемая по буквопечатающей связи, была малоинформативна. Не говоря уже о газете, передаваемой по факсимильной передаче для моряков в море. Дел у нас было столько, что нам хватало утренних 15-минутных сообщений В. Е. Степанова, который не просто передавал услышанную им информацию, а делал ее анализ и выводы, которые были бы полезны нам, представляющим СССР и обеспечивающим его безопасность с южного стратегического направления.

В конце года я получил разрешение командующего флотом убыть в отпуск. В Севастополе, естественно, я прибыл к М. Н. Хронопуло. Завершая беседу, он неожиданно для меня сделал два предложения от имени ГК ВМФ: должность начальника штаба Черноморского флота или 1-го заместителя командующего Балтийским флотом. Поблагодарив, я сказал, что согласен буду с тем решением, которое примет ГК ВМФ.

В Москве я доложил Главкомандующему, от которого узнал, что В. П. Иванов целый год держит вакантной должность 1-го заместителя командующего флотом и предлагает назначить меня, а М. Н. Хронопуло просит оставить меня на ЧФ в должности начальника штаба флота. «В интересах дела целесообразно удовлетворить просьбу В. П. Иванова. Там вы знаете больше, чем на ЧФ, где предстоит многое узнавать заново. Как вы смотрите на это?» — спросил ГК ВМФ. «Товарищ Главкомандующий, вы уже фактически определили назначение на Балтику, я согласен, благодарю вас за доверие, которое оправдаю», — таков был мой ответ. В. Н. Чернавин сказал, чтобы я оставил координаты в управлении кадров ВМФ, так как предстоят обычные процедуры собеседований в ЦК КПСС и МО СССР.

Действительно, через несколько дней я прошел собеседование у заведующего отделом административных органов ЦК КПСС А. Н. Сошникова, а 26 ноября — в день своего 50-летия — у заместителя министра обороны по кадрам, который задал мне вопрос: «Почему вы, командующий флотилией, а в звании контр-адмирала?» Я ответил, что мое дело служить, а об остальном не думать. Руководство флотом решит, когда представлять. «Это непорядок. Мы подскажем черноморцам и возьмем на контроль. Вы идете 1-м заместителем командующего флотом и должны быть уже в звании вице-адмирала», — сказал заместитель МО СССР. Затем он поздравил меня с днем рождения, вручил фотоаппарат «Зенит-3М» и сказал, что приказ о моем назначении будет подписан министром обороны через две недели, я могу продолжить свой отпуск.

С изданием приказа я съездил в Севастополь, попрощался с друзьями, оформил документы, в том числе на передачу квартиры В. Е. Степанову. В этой квартире мы с женой прожили за два года всего семь дней. Конечно, сходить в Средиземное море и передать дела я уже не мог, поэтому ограничились телефонным разговором с членами Военного совета флотилии, телеграммой А. В. Горбунова и моим рапортом командующему Черноморским флотом о приеме-сдаче дел. На флотилию я отправил из штаба флота телеграмму с благодарностью за совместную боевую службу и пожеланиями счастливого плавания. Прощаясь, я рассказал М. Н. Хронопуло, как был решен вопрос с моим назначением на Балтику. Я искренне сказал командующему, что для меня Черноморский флот стал родным, но поступить по-другому было нельзя. «Главком принял правильное решение», — сказал М. Н. Хронопуло. Поблагодарив и пожелав всего доброго командующему, я спросил разрешения убыть к новому месту службы. Он тепло попрощался, пожелав успехов на новом месте службы. 31 декабря я прибыл в Балтийск, в ту квартиру, которую занимал будучи командиром Балтийской вбм и где оставались жить мои дети.

НА ПЕРЕЛОМЕ

15 января 1989 года я приступил к исполнению обязанностей на новой должности. Командующий флотом адмирал В. П. Иванов принял меня по-доброму и сказал, чтобы я быстрее вникал во все дела и вплотную занимался флотом, так как он шел на выборы в Верховный Совет СССР. «Иначе я проиграю выборы, чего нельзя допустить», — откровенно признался командующий.

Флот готовился к командно-штабному учению под руководством заместителя Главнокомандующего объединенными вооруженными силами стран Варшавского договора адмирала Н. И. Ховрина. Выборы В. П. Иванов выиграл, уехал на сессию Верховного Совета СССР. Именно в это время и началось КШУ, на которое прибыли командующие союзными флотами со своими оперативными группами. Всего было 53 адмирала. Основные мероприятия проходили в Калининграде и Балтийске. Работа была напряженная. Кто работал под командованием Н. И. Ховрина знают, что он передышки не дает, причем во все вникает сам, определяет сжатые сроки для отработки вводных по обстановке. По плану КШУ действовали силы обозначения в море; для контроля Н. И. Ховрин с большой группой обучаемых вышел на эсминце 956 проекта. Выход был поучительным и полезным для всех. Для меня десять суток работы на таком уровне были настоящей школой оперативной подготовки. К разбору Н. И. Ховрин меня хорошо подготовил, и мой доклад Главнокомандующему ОВС стран Варшавского договора получил его положительную оценку. По завершении разбора я поблагодарил Н.И. Ховрина за науку и помощь. Затем провел разбор КШУ со штабом флота, работу которого хорошо организовал начальник штаба В. А. Колмагоров. Я всех поблагодарил за работу.

Важным для меня было обновление и пополнение знаний на трехмесячных курсах в академии Генерального штаба, что строго отслеживали в Главном управлении кадров и направляли слушателей на учебу в директивном порядке. В конце обучения с лекцией перед нами выступил Министр Обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Т. Язов. По ее завершении некоторые слушатели и я в том числе обратились к нему с просьбой разрешить обучение в академии ГШ ВС СССР экстерном. Министр тут же подписал наши рапорты. В 1990 году я закончил академию с отличием.

По мере нарастания тревожной обстановки в стране многое менялось и на флоте, который дислоцировался в 4-х союзных республиках (Латвия, Литва, Эстония, Белоруссия) и в 2-х государствах за рубежом — в ПНР и ГДР. Военный совет флота, командиры всех степеней работали в напряженном режиме, поддерживая боеготовность соединений и частей, не отвечая на провокационные выпады агрессивных элементов в местах дислокации. 18 августа 1991 года я был старшим на флоте. Закончив дежурство, уехал в 19 часов на служебную дачу в Светлогорске, где отдыхала семья. Утром в понедельник мы прибывали на службу к 07.00, готовили доклады за неделю в Москву. Как обычно в 6 утра за мной пришла служебная машина. Я включил радио и услышал о ГКЧП. Приняв утренние доклады, доложив в Москву обстановку, стали ожидать распоряжений командующего флотом. До 10 утра их не последовало.

К 10 часам мы с командующим были приглашены на совещание к первому секретарю обкома КПСС Ю. Н. Семенову и председателю облисполкома Ю. А. Малинкину. Они, судя по их выступлениям, ориентировались на официальное сообщение и обратились ко всем участникам совещания с просьбой сохранять нормальный режим работы учреждений, предприятий. Командующий флотом В. П. Иванов проинформировал, что флот занимается по своим планам, что никаких дополнительных указаний от руководства ВС СССР не поступило. Не знаю, поскольку никогда об этом не спрашивал В. П. Иванова, его была инициатива или это указание из центра,

но он лично передал начальникам гарнизонов распоряжение создать и возглавить военно-гражданские комитеты. Я услышал фразу сидевшего рядом с В. П. Ивановым Г. Ватутина, сказанную тихим голосом: «Что за военно-гражданские комитеты вы создаете? Вы что же, не видите, к чему идет дело?» Я сидел напротив В. П. Иванова, и он мне также тихим голосом сказал: «Выйдите, позвоните оперативному флоту и передайте начальникам гарнизонов об отмене распоряжения по военно-гражданским комитетам». Я это исполнил, вернулся на совещание и доложил командующему. Так мне стало известно о военно-гражданских комитетах.

Вернувшись с совещания у руководства области, не получив каких-либо установок из Москвы, мы с членом Военного совета — начальником политуправления флота вице-адмиралом А. И. Корниенко — предложили подготовить указания командирам соединений по их действиям в сложившейся обстановке. В. П. Иванов согласился и поручил мне, а А. И. Корниенко — своему первому заместителю контр-адмиралу П. В. Кашаускасу подготовить шифртелеграмму по ориентированию командиров и политработников флота. В моем рабочем кабинете мы, тщательно взвешивая каждое слово, в течение двух часов готовили шифровку, которую без правок подписали В. П. Иванов и А. И. Корниенко. Пройдет несколько дней, и этот документ будет изучаться в Генеральной прокуратуре, но ничего в нем не найдут такого, что бы можно было поставить в вину руководству флота. Прокуроры говорили, что эта телеграмма юридически безупречна. Закончился день, как обычно, вечерним докладом оперативной службы в кабинете командующего флотом. На ночь был назначен старший по флоту из членов Военного совета, остальные по завершении текущих дел оправились домой.

На следующий день рано утром я был направлен командующим в Балтийск с целью найти развязку внезапно возникшей ситуации — на углубление перед входными молами течением принесло мишень водоизмещением 900 тонн, которая затонула несколько лет назад при выполнении ракетных стрельб. Вход в Балтийск и далее, в Светлый и Калининград, как и выход из этих портов был закрыт. Скопилось большое количество судов. Надо было найти обходной фарватер, обозначить его и ввести процесс входа-выхода судов в обычный режим. На это у меня ушел весь световой день. Морской канал начал работать в штатном режиме. О проделанной работе я доложил командующему, он поблагодарил и сказал, что я могу по завершении дел в штабе переночевать дома, чем я и воспользовался.

20. 08. 91 г. утром состоялся доклад оперативной службы командующему флотом. В 10 утра состоялось совещание у руководства области, на котором от флота находились В. П. Иванов и А. И. Корниенко. Перед убытием командующий приказал мне к 12.00 собрать в конференц-зале штаба руководящий состав флота. Возвратившись, В. П. Иванов сделал разбор состояния дел на флоте за 19 и 20 августа, дал указания и в завершение уволил в запас трех человек из Балтийска, в том числе председателя совета депутатов г. Балтийска капитана 2 ранга В. И. Довыденко и депутата горсовета мичмана Горшкова. Завершилось совещание в 13 часов, а через два часа обстановка в стране резко изменилась — деятельность ГКЧП была прекращена.

Через четыре дня я во главе отряда кораблей (сторожевой корабль «Неукротимый» и большой десантный корабль 47) убыл с официальным визитом в Нидерландский порт Амстердам, как это было предусмотрено годовым планом. Визит прошел успешно, принимали нас тепло, всячески подчеркивая исторические связи между Голландией и Россией и особую роль Петра I в их динамичном развитии. Мы убедились в бережном сохранении исторической памяти и ее материальном выражении — сохранении дома, где останавливался русский царь, памятника, поставленного в честь царя-плотника.

Установленным порядком я докладывал ежедневные итоги выполнения программы визита в адрес командующего флотом и члена Военного совета — начальника политуправления флота,

а итоговый доклад был представлен Главнокомандующему ВМФ СССР и члену Военного совета — начальнику политуправления ВМФ.

После выполнения программы визита корабли возвращались в базу. На подходе к Балтийску ночью по закрытой связи командующий флотом передал мне приказание быть готовым утром вместе с ним вылететь в Москву. Будет решаться вопрос о назначении командующим флотом. Я ответил обычным флотским: «Есть!» О чем-то спрашивать командующего было бы неэтично, да и сообщение его было для меня полной неожиданностью. Мы летели в Москву во флотском самолете вдвоем, не касаясь предстоящих бесед с руководством Министерства обороны. Я подробно доложил В. П. Иванову о походе отряда кораблей в Амстердам, и время полета прошло быстро. Прибыли к ГК ВМФ адмиралу флота В. Н. Чернавину. Там уже были адмирал М. Н. Хронопуло и вице-адмирал И. В. Касатонов. В. Н. Чернавин побеседовал с каждым из нас. Мне он сказал, что мое назначение командующим Балтийским флотом планировалось в конце года, когда В. П. Иванов будет назначен начальником Военно-морской академии. «Но обстановка изменилась, и принято решение назначить вас раньше. Сейчас поедem к министру обороны, где вам объявят о назначении. Я верю, что вы с задачей командования флотом в сложное для страны время справитесь успешно», — закончил короткую беседу ГК ВМФ. Я поблагодарил В. Н. Чернавина и дал слово доверие оправдать.

Прибыли к министру обороны СССР маршалу авиации Е. И. Шапошникову и сразу были приняты им. Первыми пригласили нас с И. В. Касатоновым вместе. Маршал был в гражданском костюме, у него в кабинете находились ГК ВМФ и генерал армии К. И. Кобец. В. Н. Чернавин представил нас, кратко охарактеризовал и попросил поддержать представление Военно-морского совета ВМФ к назначению нас на должности командующих флотами: меня — Балтийским, И. В. Касатонova — Черноморским. С небольшими напутствиями к нам обратился К. И. Кобец. Министр, подводя итоги беседы, сказал, что он утверждает нас в должностях командующих, приказ будет подписан в ближайшие два дня. «Вылетайте на флоты, вступайте в командование. Поздравляю вас, желаю успеха и верю в вас», — резюмировал Е. И. Шапошников.

Тяжелым было возвращение в Калининград. Мы летели в том же самолете, в тех же креслах, но несколько часов принципиально изменили наше положение. Я возвращался командующим флотом, а В. П. Иванов был освобожден от должности с неясными перспективами. В течение трех с половиной часов полета В. П. Иванов неоднократно задавал вслух безответный вопрос: «За что?» Я говорил ему, чтобы он обратился к М. С. Горбачеву как депутат Верховного Совета СССР, чтобы вместе с А. И. Корниенко продумали текст обращения и шифровкой, для ускорения доставки, отправили его главе государства. Что я еще мог предложить, не зная изменившейся обстановки за те 18 дней, что я был в походе? Чувствовал я себя очень неловко.

Приказ о назначении пришел действительно на следующий день. Я объявил о вступлении в командование флотом. В. П. Иванов был представлен к назначению на должность начальника ВМА в Ленинград. Но резко возразил против его кандидатуры А. А. Собчак. Ходатайство свое направили Ю. Н. Семенов и Ю. А. Малинкин. Дело не продвигалось. В. П. Иванов спросил у меня, нет ли авторитетного человека, который бы повлиял на позицию А. А. Собчака. Я знал, что первым заместителем у него работает контр-адмирал В. Н. Щербаков. Мы знали друг друга по академии. Я попросил его убедить А. А. Собчака дать согласие на назначение В. П. Иванова. А. А. Собчак снял свое возражение, и назначение состоялось.

Надо было решить и свои кадровые вопросы. На должность первого заместителя командующего флотом я попросил назначить контр-адмирала В. А. Кравченко, которого я знал по учебе в академии ГШ ВС. ГК ВМФ согласился с моим предложением. На должность помощника командующего по воспитательной работе был назначен контр-адмирал В. Е. Степанов. Началь-

ник штаба флота вице-адмирал В. В. Гришанов убыл на должность заместителя ГК ВМФ по вооружению и судоремонту. Начальником штаба был назначен контр-адмирал В. И. Куроедов.

Самым первоочередным делом для меня стало сохранение собственности флота. Здесь я руководствовался указаниями министра обороны, данными им на совещании в г. Риге 18.09.91 г. Я доложил их телеграммой в адрес ГК ВМФ. Приведу почти дословно эти указания — они вносили ясность в направление наших действий:

1. До 1994 года вывод сил флота из пункта базирования на территории Прибалтики не планировать, за исключением подразделений, не представляющих перспективной ценности, которые вывести в короткие, приемлемые для нас сроки и проинформировать об этом руководство республик как об актах доброй воли.

2. Начатое строительство жилья в республиках Прибалтики завершить. Строительные части постепенно передислоцировать в районы, куда планируется выводить войска (силы флота).

3. Увольнение офицеров, выслуживших установленные сроки, из частей, дислоцированных в Прибалтике, производить по их желанию, имея в виду, что на их место офицеров не направлять из-за отсутствия возможностей получить там жилье.

4. Уволить в запас личный состав срочной службы коренных национальностей республик Прибалтики в 1991 году в сроки по решению командиров. Личный состав некоренных национальностей, призванных из республик Прибалтики, разрешается оставить на службе при письменном подтверждении их желания. Офицеров, мичманов, прапорщиков, призванных из республик Прибалтики, разрешается уволить по их желанию, изложенному в рапорте.

5. Всех офицеров-политработников, у которых вышел срок присвоения очередных воинских званий, в течение недели рассмотреть на заседании аттестационных комиссий и при положительном аттестовании их представить к присвоению званий. Всем таким офицерам звания будут присвоены.

6. Начальнику центрального финансового управления генерал-полковнику В. Н. Бабьеву рассмотреть и доложить предложение по повышению зарплаты рабочим и служащим флота и округа с целью приведения ее к уровню республиканских по аналогичным профессиям.

7. Активно идти на создание совместных предприятий, учебных заведений, выкуп недвижимости трудовыми коллективами с задачей сохранить реализацию наших интересов на перспективу.

8. Объекты, являвшиеся собственностью республик до вхождения в СССР и переданные в аренду вооруженным силам, передавать местным властям.

ГК ВМФ быстро отреагировал на открывавшуюся возможность сохранения собственности флота в республиках Прибалтики. Он направил на Балтийский флот группу грамотных специалистов во главе с М. А. Бочаровым — депутатом Верховного Совета СССР, дав мне поручение обеспечить ее работу на флоте, предоставить все данные об объектах флота на территории прибалтийских государств, обеспечить транспортом и консультациями специалистов флота. Работа группой М. А. Бочарова была проделана оперативно, была достигнута договоренность с правительствами республик о создании на наших фондах совместных предприятий, в которых 51 % капитала был бы российским, а 49 % — национальным. Для решения всего комплекса вопросов по этой схеме в Калининграде с помощью главы администрации (губернатора) области Ю. С. Маточкина был в короткие сроки зарегистрирован концерн «Руссо-Балт-Вест», президентом которого стал М. А. Бочаров. А я и генерал-майор Е. П. Карабанов — от ВМФ — по решению ГК ВМФ стали вице-президентами на общественных началах с правом «вето» на предотвращение каких-либо действий, нарушающих интересы ВМФ.

Стоимость объектов, владельцем которых мог стать концерн, составляла около 200 млрд. долларов. О проделанной работе я и М. А. Бочаров доложили ГК ВМФ, с его разрешения —

министру обороны СССР маршалу авиации Е. И. Шапошникову после заседания коллегии Министерства обороны 03. 11. 91 г. Выслушав меня, министр приказал доложить ему подробной шифртелеграммой для принятия решения. Возвратившись в Калининград, мы с первым заместителем начальника штаба флота контр-адмиралом В. А. Бобровским, который работал с группой М. А. Бочарова и знал всю обстановку, составили шифртелеграмму, проработав над ней четыре часа. В конце шифровки я запрашивал разрешение на действия, определенные уставом концерна «Руссо-Балт-Вест» на выгодных для Министерства обороны условиях и единственно возможных в сложившейся обстановке по сохранению всех значимых объектов для России. Я торопился с отправкой шифровки, так как министр убывал после 7 ноября в Германию. Поэтому отправил ее 4 ноября, надеясь, что до 07. 11. 91 г. получу его разрешающую наши действия резолюцию. Она не последовала.

Создание концерна дало мне основание не принимать другие предложения в отношении собственности флота. Я отказывал всем, включая высоких должностных лиц, в том числе и военных с тремя большими звездами на погонах. Мне нелегко это было делать — ведь люди приходили с хорошими предложениями, а я не мог представить аргументированной мотивации отказа, так как все, что было связано с концерном «Руссо-Балт-Вест», держалось до начала его работы в режиме конфиденциальности.

Четыре месяца мы смогли удержать информацию, ожидая решения министра обороны. Его по-прежнему не было. Более того, быстро умневшие люди в республиках Прибалтики, получив информацию, поняли, что теряют огромные ценности: портовые и аэропортовые комплексы, заводы, склады, базы горючего, дома отдыха, прекрасный санаторий на 550 мест с бассейном, комплексы административных зданий, гостиницы и многое другое. Нашлись и в Москве люди в средствах массовой информации, которые разжигали страсти вокруг «незаконной» деятельности военных на объектах вооруженных сил. Своими глазами я видел по Центральному телевидению капитана 1 ранга в белых носках, который вещал о том, что командующий Балтийским флотом Егоров торгует нефтью. За всю свою службу я не видел ни одного военного моряка в белых носках. А тут на всю страну осмелился капитан 1 ранга «показать» себя.

Мне стало ясно, откуда дует ветер. Работая с первым заместителем ГК ВМФ адмиралом Ф. Н. Грозовым в Таллинской военно-морской базе, мы оба получили приказание вылететь в Москву для участия в заседании коллегии Министерства обороны. Ф. Н. Грозов недоумевал — он утром вылетал из Москвы, никаких плановых мероприятий под руководством министра обороны на ближайшие дни не было, и тут срочное заседание коллегии без обозначения повестки дня. Вылетели вдвоем в Москву. По прибытии я позвонил в приемную начальника Главного штаба ВМФ адмирала флота К. В. Макарова. Узнав, что он еще работает, я попросил разрешения прибыть к нему. Поздоровавшись, К. В. Макаров сказал мне: «Володя, на тебя затребовали объективку. А это бывает в двух случаях — когда назначают на должности и когда снимают. У тебя, получается, второй случай. Будь внимателен на коллегии. Иди, отдыхай и не волнуйся, к тебе нет никаких претензий».

Утром я прибыл за час до начала заседания коллегии, узнал обстановку, повестку дня. Оказалось, что речь будет идти об отмене директивы министра обороны № 57, которой разрешалось использовать хозяйственные объекты Министерства обороны для получения внебюджетных средств. Видимо, министра, как говорится, достали потоком злобной информации о коммерческой деятельности военных и он решил покончить с этим делом радикальным образом, т. е. отменить директиву. В процессе обсуждения я задал вопрос министру, как быть с деятельностью концерна «Руссо-Балт-Вест», созданного для спасения нашей собственности в интересах России. Министр сказал — будем думать. Я доложил, что концерн никакой деятельности не

ведет и попросил согласия министра обороны сложить с себя полномочия вице-президента. Министр обороны на моем рапорте, который я написал во время заседания, начеркал «Согласен» и расписался.

Мной была предпринята еще одна попытка сохранить собственность Лиепайской вмба для России. В архиве мы нашли документы, в которых было указано, какой, у кого и за какую сумму приобретен участок земли для постройки объектов еще Российского флота в Лиепе. Там же был доклад Морского министра царю о расходовании средств для строительства Лиепайского порта и объектов флота на выкупленных у собственников земельных участках. Я передал сброшюрованные архивные документы С. М. Шахраю, который возглавлял российскую делегацию на переговорах с правительствами Литвы, Латвии и Эстонии, и попросил его юридически обосновать и материализовать формулу преемственности. Если Россия является правопреемницей Советского Союза, то тем более она является правопреемницей самой себя и обладает правами собственности в Лиепе. С. М. Шахрай сказал мне, что он впервые видит эти документы, в оборот он их не пустил. Более того, сделал заявление, что объекты, построенные до 1940 года — до вхождения прибалтийских республик в СССР, являются собственностью этих республик. Отойдя от формулы: 51 % российского, 49 % национального капитала, правительства и коммерческие структуры прибалтийских государств предложили формулу: 51 % национального, 49 % российского в совместных акционерных обществах. Опять многомесячные затяжки с решениями, затем все имущество ВМФ было передано в Госкомимущество, а далее... В общем, ничего не смогла получить Россия из громадного богатства.

Повседневная обстановка на флоте в последние месяцы 1991 года стала резко ухудшаться. Падала укомплектованность сил постоянной готовности личным составом срочной службы, молодые офицеры в звании до капитан-лейтенанта, реже до капитана 3 ранга, стали писать рапорты на увольнение. Уменьшалось поступление материальных ресурсов. Начался вывод сил флота из иностранных государств. С территории Германии флотские соединения и части были выведены 25. 10. 91 г. в Калининградскую область. Из благоустроенных городков люди были перемещены в имевшиеся казарменные помещения методом уплотнения. Техника была выведена на открытые площадки с гравийным покрытием. Выводимые корабли пополнили 64-ю бригаду кораблей охраны водного района. Складывалась критическая ситуация по подготовке гарнизонов к зиме, особенно в Балтийске.

Неожиданным, но, безусловно, приятным событием стало присвоение мне в октябре 1991 года воинского звания «адмирал». Первым поздравил меня ГК ВМФ, и я, как оказалось, последний раз ответил: «Служу Советскому Союзу».

РЕШЕНИЯ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

В декабре СССР не стало. Это был тяжелый удар по каждому из нас, дававших присягу на верность стране, которой уже нет. Положение Балтийского флота в результате демонтажа СССР резко изменилось. На одной из встреч Б. Н. Ельцина с высшим военным руководством России ГК ВМФ адмирал флота В. Н. Чернавин задал вопрос Верховному Главнокомандующему: «Балтийский флот базируется в Эстонии, Латвии, Литве, — какова судьба наших военно-морских баз и мест дислокации сухопутных войск?» Ответ Б. Н. Ельцина: «Все останется без изменений. Каждое из этих государств должно России по 6 миллиардов долларов. Эти долги пойдут на покрытие аренды мест базирования и дислокации».

После возвращения из Москвы я дословно передал руководящему составу флота решение Б. Н. Ельцина. Некоторое время мы служили, не подозревая, что находимся в заблуждении. Один из моих бывших подчиненных, которого я хорошо знал, ценил и продвигал по службе как очень трудолюбивого, старательного, порядочного офицера, занимавшего теперь достаточно высокий пост, попросил встречи и сказал мне: «Не верьте тому, что сказал вам Б. Н. Ельцин. Он, возможно, и сам заблуждается. Флот должен будет уйти до конца 1993 года, предельно до 1 июня 1994 года. В противном случае против России будут применены серьезные санкции. Вывозите запасы. Людей вы все равно оставите. Времени у вас мало, не потеряйте его».

Я попросил встречи с ГК ВМФ и доложил ему полученную информацию. «Какова ее достоверность?» — спросил В. Н. Чернавин. Я ответил, что достоверность стопроцентная. И тогда ГК ВМФ сказал мне: «Мы должны хорошо рассчитать, хотя бы по минимуму подготовить места, куда будем выводить силы флота и войска, и приступить к плановому выполнению этой тяжелой работы».

Вывод мог быть осуществлен только в Калининградскую и Ленинградскую области, а 3-я гвардейская дивизия береговой обороны могла быть передислоцирована в любое место по решению Генерального штаба. Основную нагрузку должны были взять на себя структуры флота, дислоцированные в Калининградской области. В Балтийск уже были выведены силы Прибалтийского пограничного округа в составе 50 вымпелов. В соответствии с действующими документами вопрос размещения войск и сил флота должен быть согласован с руководителями регионов. Ю. С. Маточкин — Глава администрации (губернатор) Калининградской области, сам в прошлом морской офицер-пограничник, оказал большую помощь в решении многих возникавших вопросов в связи с повышением концентрации военных в области. В Усть-Луге Ленинградской области, где был давно осуществлен землеотвод для флота, мы планировали разместить район тылового обеспечения, учитывая близость к Эстонии и возможность использования судов вспомогательного флота без ограничений. Мы смогли даже поставить два корня для плавпричалов. Но средств не хватило на дальнейшее обустройство, и от использования Усть-Луги пришлось отказаться. Ленинградской области мы возвратили земли и водную акваторию. Теперь там формируется мощнейший портовый комплекс. По ходатайству руководства области был безвозмездно передан аэропортовый комплекс Вещево. А. А. Собчака я проинформировал о выводе в Кронштадт бригады подводных лодок, дивизиона тральщиков, дивизиона малых противолодочных кораблей и берегового ракетного дивизиона.

Вывоз имущества флота был осуществлен судами вспомогательного флота и большими десантными кораблями 71-й бригады. Были большие сложности совмещения плановой боевой подготовки флота и решения задачи вывода сил, войск с одновременным реформированием структур соединений. Порой мешали местные власти в Эстонии и Латвии. Чтобы вывезти имущество со складов в Риге, приходилось доказывать, что вывозимое имущество произведено в России. Нашим представителям я дал приказание не раздувать мелочных конфликтов, терпеливо и настойчиво делать свое дело. Как правило, все разрешалось без вмешательства высоких инстанций.

В первую очередь мной было принято решение вывезти стрелковое оружие и боеприпасы, т. к. хищения оружия приобретали системный характер в Латвии: на мысе Колка украли 14 автоматов и 2 пистолета, нанеся тяжелые травмы мичману А. В. Чернухе — начальнику поста наблюдения. На узле связи в Лиепеа украли 4 автомата, на базе минно-торпедного оружия — 55 пистолетов, применив против дежурного газовый баллончик. Латвийской полицией оружие частично было найдено, но нам его возвратить отказывались. Все стрелковое оружие было вывезено в Калининградскую область. Мины, торпеды, артиллерийский боезапас для корабель-

ной артиллерии направлялись на флотские склады и базы, что привело к их перегрузке в 2,5—3 раза, и потребовались годы для приведения запасов к нормативным. На складах имелось большое количество технического имущества, которое особенно бережно мы размещали в новых местах хранения. Оно несколько лет покрывало потребности флота, когда мы ничего не получали от промышленности.

Вывоз имущества флота из Эстонии имел свои особенности. Вооруженные неправительственные формирования «Кайтселит» несколько раз в лесу останавливали машины, угрожая оружием, заставляли личный состав выйти из машины; особенно они охотились за КАМАЗами — сами садились в машину и уезжали. Беснаказанно досталось эстонцам имущество и яхты, в том числе и 6 яхт олимпийского класса, флотского яхт-клуба. Когда служащие и рабочие яхт-клуба пришли утром на работу, их встретила эстонская вооруженная вахта и новые замки на дверях. На рабочие места люди пройти не смогли. На мое обращение в правительство Эстонии был получен ответ, что имущество взято в счет неуплаты яхт-клубом аренды, хотя в договоре с Эстонской ССР было специально оговорено, что арендная плата не взимается.

При прохождении таможенных формальностей в Нарве был снят сопровождающий караул, опять же под угрозой оружия. Через два часа, когда караул вернулся, вместо 6 вагонов с боезапасом на путях стояло 5. Один вагон угнали. Обо всех инцидентах мы докладывали в Москву.

Терпение было переполнено, когда оперативный флота доложил мне, что вооруженное формирование «Кайтселит» в количестве 19 человек захватило военный городок наших строителей. Я вызвал на связь исполнявшего обязанности командира Таллинской вmb контр-адмирала А. В. Гаврилова и приказал ему взять взвод морских пехотинцев, которые туда были прикомандированы, назначить боевого офицера и с боем отбить городок, в людей не стрелять. Задача была выполнена — все 19 воинов-эстонцев под угрозой оружия были положены на землю, автоматы изъяты и не возвращены. Пострадал капитан 1 ранга Гай, но пуля не причинила ему особого вреда. После этого ни одной помехи нашим действиям по вывозу всех видов имущества не было.

В Таллинской вmb на складах было и то, что вывозить не имело смысла. На острове Найсар хранилось 3000 мин устаревших образцов. На вывоз их потребовались бы годы. Специалисты посчитали, что их можно уничтожить на месте, выжигая с предосторожностями взрывчатое вещество. Я попросил встречи с президентом Эстонии г. Мэри и доложил ему о варианте освобождения острова от мин за полгода, пока стоит зима. Он занимался экологией и отнесся к предложению отрицательно. «Впрочем, — сказал он, — пойдемте пообедаем, я приглашу профессора, он лучше меня знает вопросы экологии и поможет нам принять решение».

Обед и кофе заняли четыре часа, итогом нашей беседы было разрешение обезвреживать мины на острове. За зиму мы действительно очистили остров от мин. На артиллерийских складах в базе, построенных еще Д. Карбышевым, хранился боезапас для кораблей, которых уже не было в составе флота. Вывозить его было бессмысленно. Мною было принято решение боезапас распатронивать, порох сжигать, гильзы вывозить. По инструкции количество сжигаемого пороха не должно быть более 1 тонны, причем он должен иметь определенную толщину слоя и поджиг должен осуществляться по пороховой дорожке. Технология была отработана, все шло хорошо. Но, видимо, что-то было нарушено при поджоге одной партии. Порох сдетонировал. В расположенных в непосредственной близости от ограждающего склад забора домах выбило все стекла. Произошло это в 11 часов утра. Никто не пострадал. Военные строители провели остекление домов, инцидент не имел последствий. На собственном опыте убедились люди, что инструкции при работе с порохом надо особенно строго выполнять. Опыт пригодится, когда мы будем вести опасные работы с боезапасом и порохом на складах в Калининградской области, постепенно приводя их загрузку к нормативной.

В Литве у флота имелся большой комплексный склад, хорошо обустроенный и надежно охраняемый. Но даже из этого склада, как это было установлено при вывозе хранившихся там материальных ценностей, в том числе боезапаса, кое-что было похищено. Расследование показало, что похитители воспользовались слуховым окном хранилища и телескопической вышкой, тщательно маскируя следы.

Вывоз запасов, приведение в порядок территории, передача литовской стороне объекта были проведены без замечаний. К акту прилагались фотографии передаваемых сооружений. Это была защитная мера, которая нам помогла снять обвинения в передаче объектов аэродрома Быхов Белоруссии в неудовлетворительном состоянии. Тогда расследованием занимались контрольные управления президентов России и Белоруссии. Флот представлял начальник тыла военно-воздушных сил флота генерал-майор В. А. Галкин. Его вначале встретили очень высокомерно, сходу обвинив флот в разграблении аэродромного комплекса, который был обустроен настолько хорошо, что там останавливался на ночь М. С. Горбачев. Когда же комиссиям были представлены фотографии объектов на момент передачи их белорусской стороне, то всем стало все ясно. В. А. Галкина поблагодарили, и больше никаких вопросов не задавалось.

По возвращении он мне доложил свои наблюдения. От аэродромного комплекса, где базировалась дивизия морской ракетно-бомбовой авиации, не осталось ничего не разрушенного. Определенные силы в Белоруссии добились, чтобы самолеты Ту-22М-3 были передислоцированы на Дальний Восток, а Быховский комплекс разграблен.

С Литвой у флота сложились особые отношения. Начались они в новых условиях с человеческих контактов, у истоков первых стоял контр-адмирал П. В. Кашаускас. В Калининграде его навестили вице-премьер правительства Литвы г. Добровольскас и министр торговли г. А. Синявичус. В разговоре литовские друзья Кашаускаса изъявили желание познакомиться с командующим флотом. П. В. Кашаускас позвонил мне, и я их сразу принял. Состоялась хорошая беседа, меня пригласили в Вильнюс обсудить вопросы с министрами правительства. Получив разрешение ГК ВМФ, я с делегацией вылетел в Вильнюс, где встретился с премьер-министром г. Вагнюсом, а заместители командующего флотом — с министрами по соответствующим направлениям. Мы были особенно заинтересованы в строительстве жилья, беспрепятственном транзите грузов для флота, установлении порядка пролета авиации флота, порядка платежей за услуги перевозок, телефонную связь, в поставках продовольствия по приемлемым ценам. По всем вопросам состоялись обстоятельные консультации. Чтобы систематизировать наши отношения, я предложил заключить специальное соглашение между правительством Литвы и Балтийским флотом. Доложив ГК ВМФ результаты поездки, я получил от него одобрение по подготовке соглашения, в которое, по его мнению, следовало бы включить и вопросы связей между флотом и Министерством охраны края. Я пригласил министра г. Буткявичюса, и он прибыл с просьбой рассмотреть вопрос оказания помощи российским флотом в формировании флотилии, создаваемой по решению правительства. Министр просил продать Литве два малых противолодочных корабля с комплектом боезапаса, стрелковое оружие, некоторые виды имущества из фондов флота. Получив принципиальное согласие ГК ВМФ на рассмотрение вопроса и проработку предложений для доклада ему, мы приступили к работе.

Наша заинтересованность была в том, что литовские власти брали на себя обязательство построить жилье для военнослужащих флота на сумму, равную стоимости приобретаемых кораблей, оружия и другого имущества. Строить будут литовские специалисты с использованием техники, перемещаемой из Литвы. Конструкции поставить мог ближайший к Калининграду Каунасский домостроительный комбинат. Я съездил в Каунас, убедился в высоком качестве изготавливаемых комбинатом конструкций, побывал в квартирах домов, построенных в Кауна-

се. Жилье было добротным и недорогим. Флотские строители, также побывавшие в Каунасе, поддержали этот проект. Теперь дело за решениями ГК ВМФ и МО РФ. Подготовленное «Соглашение о принципах взаимоотношений между Литовской республикой и Балтийским флотом» подписали премьер-министр г. Вагнорюс и я. С текстом его и письмом по вопросам поставки флотом Литовской республике кораблей, оружия и имущества мы с г. А. Буткявичюсом уехали в Москву на доклад ГК ВМФ и министру обороны России. Рассмотрев вопросы и согласившись удовлетворить ходатайство, В. Н. Чернавин поручил 1-му заместителю ГК ВМФ адмиралу Ф. Н. Громову быть с нами у министра обороны. Заслушав нас, министр наложил резолюцию: «Командующему Балтийским флотом. Разрешается осуществить продажу в установленном порядке. П. С. Грачев. 25 мая 1992 г.».

Кажется, все выстроено на хорошую перспективу. Началась практическая работа по подготовке к исполнению решения министра обороны РФ. Командующим флотилией Литвы был назначен главный штурман Балтийского флота капитан 1 ранга Р. В. Балтушка, недавно завершивший службу у нас. Он хорошо знал всех нас, как и мы его. Для него не составило большого труда подобрать подходящие корабли для передачи Литве. Выбор был сделан совместно со специалистами флота, возглавляемыми заместителем командующего флотом контр-адмиралом Н. П. Качановичем. Выбор пришелся на два малых противолодочных корабля с зенитными ракетными комплексами «Оса» проекта 1124, прошедших хороший заводской ремонт. Далее надо было произвести оценку кораблей и всего, что с ними будет передано Литве. Занимались этим службы Центрального аппарата ВМФ. Нам нужна была сумма оценки для предъявления ее литовской стороне и определения объема строительства жилья. Таким образом, схема была бартерная. Подготовительная работа завершалась составлением двустороннего договора, в котором и были зафиксированы расчетные цифры.

Предварительно выходили мы на 600 квартир в Калининграде. Мэр Калининграда — бывший начальник флотского завода по ремонту ракетно-артиллерийского вооружения В. В. Шипов — выделил по нашей просьбе участок, где можно было бы по нормативам градостроения построить 4,5 тысячи квартир с положенными социально-культурными учреждениями. Пока он представлял заболоченную местность без всякой инженерной подготовки, но зато расположенную в десяти минутах езды от центра города. Мы очень надеялись на литовских строителей, которые у себя в республике строили хорошо, опережая союзные серии на несколько лет, и фактически в Литве строили дома своей, национальной серии. К тому же, калининградский строительный комплекс на глазах разваливался, и рабочие уходили на заработки в Польшу, где им платили в четыре раза больше, чем в Калининграде, но в четыре раза меньше, чем своим.

Руководители ассоциации «Сельма» В. Лауринавичюс и П. Остасявичюс оказались великолепными организаторами и во многих вопросах опережали наши подготовительные мероприятия. Мы определили срок закладки первого дома — 1 октября 1992 года. И к этой дате должны были завершить все подготовительные мероприятия, включая проектные работы и макетирование всего микрорайона.

Наше сотрудничество в новых условиях приобрело конструктивный характер, оно получало положительные оценки большинства средств массовой информации обеих сторон. Но, конечно, не всем это нравилось. Внезапно в Клайпеде был арестован на лестничной площадке у входа в квартиру командир 3-й гвардейской дивизии береговой обороны флота гвардии полковник И. Г. Черных, возвращавшийся после службы домой. С верхней площадки лестничного марша на ничего не подозревавшего офицера напали 10 автоматчиков, надели наручники, затолкали в «Жигули» девятой модели и увезли в неизвестном направлении. Водитель служебной машины УАЗ-469 и адъютант командира дивизии под вооруженным сопровождением были до-

ставлены в клайпедскую полицию, где их продержали четыре часа, после чего отпустили без извинений и объяснений причины задержания.

Как только мне о происшествии доложил оперативный дежурный флота, я прибыл на командный пункт, приказал подготовить письменные доклады в Москву — ГК ВМФ, МО РФ, Президенту России, в Ригу — уполномоченному по делам российских войск на территории прибалтийских республик — командующему Северо-Западной группой войск генерал-полковнику В. И. Миронову. В. Е. Степанов подготовил и отправил сообщение в средства массовой информации. Ночь прошла без какой-либо реакции на доклады. В 7 часов утра «Маяк» передал первое сообщение. Проведя анализ предшествующей обстановки, Военный совет пришел к однозначному выводу — совершена провокация по распоряжению высшего руководства Литвы. Я попросил г. Ландсбергиса принять меня и В. И. Миронова с небольшой группой сопровождающих лиц. Он назначил время 14.00. Мы успевали доставить В. И. Миронова из Риги в Калининград, перелететь в Вильнюс и быть в назначенное время.

До вылета мы уже знали из надежного источника о том, что И. Г. Черных находится в тюремной камере в Вильнюсе. Я направил Ландсбергису телеграмму следующего содержания: «Господин председатель! По распоряжению прокурора республики арестован командир 3 дивизии береговой обороны полковник Черных Иван Григорьевич в подъезде своего дома по обвинению в антилитовской деятельности в период 19—21. 08. 91 г. Заявляю Вам от имени Военного совета флота решительный протест против таких действий властей. Предлагаю принять незамедлительные меры по освобождению гражданина иностранного государства — военнотружущего Балтийского флота. В противном случае это вынудит нас принять все надлежащие меры по розыску и освобождению командира дивизии. Командующий флотом адмирал В. Егоров».

Чтобы не допустить ошибочных действий личного состава дивизии, в первую очередь офицеров, я направил в Клайпеду и Тельшай оперативную группу управления береговых войск во главе с начальником управления генерал-майором Н. Ф. Лукиянчуком. Дивизия бурлила, все более решительно высказывались командиры танковых подразделений: мол, надо выводить из городков танки и следовать на Вильнюс для освобождения командира дивизии. Накал был таким, что на заявление генерала Н. Ф. Лукиянчука о том, что танки пойдут только через его труп, офицеры заявили: «Мы пойдем и через ваш труп». Вылетая в Вильнюс, я поставил задачу генералу не допустить выхода танков из городков, объяснить, что только этого и ждет Ландсбергис, для этого и проводится провокационная акция.

В 14 часов нас принял Витаутас Ландсбергис в здании сейма. Подходы к зданиям были огорожены бетонными блоками, наши машины пропустили без длительных формальностей. Кабинет, где мы совещались, был меблирован только столом и комплектом стульев. Телефона не было, г. Ландсбергису периодически курьер приносил записки, которые тот читал, сбивая тем самым темп переговоров. Вместе с Ландсбергисом находился прокурор республики г. А. Паулаускас. «Я направил в ваш адрес протест и требование освободить незаконно задержанного и помещенного в следственный изолятор полковника И. Г. Черных, который является командиром крупного соединения, — сказал я. — Подчиненные командира дивизии возмущены провокационными действиями литовских властей, находятся в крайней степени возбуждения и перед моей встречей с вами настоятельно требовали доложить, что готовы на самые крайние действия по освобождению своего командира. Я требую освобождения командира дивизии, без него в Калининград не возвращусь».

Витаутас Ландсбергис сказал, что против Черных возбуждено уголовное дело по двум статьям. Он 19—21 августа 1991 года создал и возглавил военно-гражданский комитет, собрал его членов и, фактически объявив себя комендантом ВГК, создал незаконный орган власти. На

допросе он не мог сообщить, кто должен входить в ВГК. Уголовное дело было возбуждено прокурором Клайпеды, в октябре направлено прокурору Лиепайского гарнизона, обслуживающего 3-ю дивизию, в ноябре — прокурору флота. От прокурора флота не поступила копия приказа, по которому действовал Черных. В последнее время Черных не являлся в следственные органы для дачи показаний. По литовскому уголовно-процессуальному кодексу нет никаких ограничений для санкции прокурора на арест человека, если он не пользуется иммунитетом.

На это я ответил: «Уголовное дело в отношении событий 19—21. 08. 91 г. и участия в них должностных лиц флота прекращено, копия постановления была направлена вам». «Да, — ответил Ландсбергис, — нам стало известно, что уголовное дело российской прокуратурой прекращено, но мы-то его не прекратили. Решение принимает Генеральный прокурор республики. Не такое у нас государство, чтобы Председатель сейма давал указание Генеральному прокурору. Надо, чтобы Черных дал показания, это будет повод не держать его в СИЗО дальше, пока он не образумится. Адвокат ему предоставлен». Я сказал: «Как вы не можете приказать прокурору, так и я полковнику Черных. Считаю, что прокуроры должны прийти к взаимоприемлемому решению, так как события одни, участники их тоже одни, а правовая оценка российской и литовской прокуратур разная. Тем более что Черных не проявлял самостоятельных инициативных действий, а исполнял приказ. В отношении всех начальников гарнизонов флота дело российской прокуратурой прекращено. Все они продолжают выполнять свои должностные обязанности. Ни к кому из них не применялось никаких ограничительных мер». Ландсбергис ответил: «У вас, наверное, скоро путчистов будут награждать».

В это время ему принесли записку, прочитав ее, он сказал: «Вот мне докладывают, что две машины КАМАЗ с шестьюдесятью вооруженными военными направляются в сторону Вильнюса». Я парировал: «Это вас вводят в заблуждение недобросовестные информаторы. Ни одна машина из городков дивизии не вышла — я вам даю точную информацию». Паулаускас, не вступавший до того в разговор, заметил: «Мы действуем на территории нашей республики, руководствуемся законами. Есть конкретная вина Черных. Мы должны довести дело до суда». Ландсбергис расширил диапазон рассуждений: «Нас ставят в принудительное положение. Представим себе литовскую дивизию в Москве, у Кремля. У вас есть сила, и вы ею пользуетесь. В переговорах с Россией о выводе войск отсутствует прогресс. Когда мы слышим от России заявления, что вывод будет осуществлен через 5—7 лет, считаем это издевательством». В ответ на это я сказал, что решение должно быть достигнуто между руководителями стран. Как только оно будет достигнуто, нам останется его выполнить, на что потребуется определенный срок, но он не будет продолжительным. Сегодняшняя ситуация только осложняет все дела, в том числе те, что уже намечены на перспективу сотрудничества Литвы и БФ, закрепленные в соглашении, которое подписано председателем Правительства республики и мной.

Ландсбергис продолжал настаивать, чтобы Черных все-таки дал показания. «Получается маленькая ситуация силового давления. Но если дураки будут ехать в сторону Вильнюса, то мы будем минировать трассы», — сказал он. Я ему ответил уже вошедшей в оборот горбачевской фразой: «Процесс пошел. Офицерское собрание дивизии приняло решение добиваться немедленного освобождения командира дивизии, в противном случае будут приняты практические меры по его освобождению. Призываю вас вместе с нами остановить процесс, пока он не стал неуправляемым. Мне одинаково больно будет, независимо от того, чья прольется кровь — литовца или русского. Любое насилие вызывает насилие. Мы не должны довести дело до тяжелых последствий. Пока есть возможность решить вопрос ненасильственным путем, мы не должны с него сойти. Но всему есть предел. Во время войны за спасение жизни командира воинам присваивали звание Героя Советского Союза, а сейчас, в мирное время, подчиненные командира

дивизии никогда не согласятся с актом надругательства над гвардии полковником Черных. Единственное решение, которое может быть разумным, — передать мне офицера, и я с ним вылетчу в Калининград. Вы сами другого выхода не предложите, какие бы крайние точки зрения вы не рассматривали».

В разных вариантах мы в течение трех часов излагали свои позиции. В завершение первого раунда переговоров Ландсбергис сказал: «Мы обсуждали ситуацию с желанием разрядить ее. Хотелось бы, чтобы Черных дал показания хотя бы в присутствии вашего прокурора или по вопросам вашего прокурора. Если он даст эти показания, то мы подпишем протокол о передаче его прокурору БФ, командующему, представителю МИД России». Затем он объявил перерыв до 21 часа, а когда все выходили из кабинета, меня и В. И. Миронова попросил остаться. Ландсбергис предложил: «Давайте так решим. Мы вам передаем полковника Черных, а вы нам отдадите два танка». Я ответил: «У командира дивизии 272 танка, поэтому такой обмен неравноценный. Давайте за четыре часа найдем другой выход из этой опасной ситуации».

Мы убыли из здания сейма в распоряжение российской дивизии сухопутных войск, откуда провели телефонные консультации и уточнили обстановку в 3 ДБО. Генерал Н. Ф. Лукиянчук контролировал все военные городки, но накал страстей увеличивался. Проинформировав его о первом раунде переговоров, о четырех часах, которые будут томительными для подчиненных И. Г. Черных, я просил генерала сейчас быть особенно бдительным. Никто из нас не знал, что предпримет Ландсбергис. Мы с В. И. Мироновым проанализировали ход переговоров, заслушали членов нашей группы, молчавших, но пристально наблюдавших за обстановкой, и пришли к выводу, что корректировать наши требования не будем — наша задача улететь вместе с И. Г. Черных.

За час до начала второго раунда переговоров мы получили сообщение о прибытии из Москвы руководителя консульского отдела МИД России, что подкрепляло наши силы. В 21 час собрались все в том же кабинете. В течение часа шел разговор по прежней схеме. Позиции не менялись. Очередной раз появился курьер и подал записку Ландсбергису. Наблюдая за выражением его лица, я заметил явное волнение. «Ну вот, три танка вышли из военного городка», — сказал Ландсбергис. «Вот с этого момента вся ответственность за развитие событий лежит на вас, — ответил я. — Военный совет флота снимает с себя ответственность. Выход еще есть — в немедленном принятии решения об освобождении Черных, тогда все движения техники будут остановлены, она будет возвращена в городки». И теперь последовал долгожданный вариант, предложенный Ландсбергисом: «Мы отдадим вам полковника Черных, но при условии, что он не будет служить в Литве». Подумав немного, я согласился. Тут очередную порцию заготовок выдал Паулаускас: «Черных — не главная фигура в деле. Есть начальник политотдела дивизии полковник Егоров. Он является идеологом всего, что делается в дивизии. Надо, чтобы и Егоров не служил в Литве». Зная планы В. Л. Егорова и обстановку в семье, я сказал, что и этот вопрос будет решен, но несколько позднее.

Далее вопрос перешел в практическую реализацию достигнутых договоренностей. Генералу Н. Ф. Лукиянчуку сообщили об освобождении командира дивизии, хотя тот еще был в СИЗО. Но Ландсбергис дал слово, что Черных будет доставлен к нашему самолету и вылетит с нами. Мы попрощались и уехали в аэропорт. Наш самолет был окружен цепью автоматчиков, стоявших плечом к плечу. Через некоторое время прибыла машина с охраной, доставившая полковника Черных. Расписавшись в его получении, мы поднялись на борт самолета и в час ночи были в Калининграде.

Позже, размышляя обо всем, что произошло, я приходил к одной мысли: радикализм в политике не приносит позитивных результатов. Литва не пошла по пути, который наметил для нее Ландсбергис, ученый-музыковед, волей исторических обстоятельств выдвинутый на первые

позиции в переломный для республики момент. В целом у нас сложился тот характер отношений, который позволяет решать возникающие проблемы в интересах литовского и российского народов. В этом я не раз убеждался в течение пяти лет работы главой администрации (губернатором) Калининградской области.

У грузинского философа Мамардашвили есть фраза: «Образ врага — это разрушительная психическая сила. Так как не враг вызывает подозрение, а подозрение рождает врага». Мы врагами не стали. А ведь могли бы...

В полете у летчиков обнаружилось две бутылки водки, которой мы приглушили накопившееся напряжение. И. Г. Черных рассказал нам, что с него хотели снять военную форму одежды перед тем как отправить в камеру. Он наотрез отказался. Сокамерники и охранники относились к нему с уважением. Мы, конечно, выпили за здоровье Ивана Григорьевича Черных. Он верил, что его не оставят без защиты и не отдадут в руки литовских правоохранительных органов. У всех нас было хорошее настроение, удовлетворение тем, что общими усилиями вышли из критической ситуации.

На следующее утро — это была суббота — мне в рабочий кабинет позвонил И. Г. Черных и попросил принять его. Он изложил просьбу — выехать в Клайпеду, в дивизию: «Иначе никто не поверит, что я на свободе, да и людей надо успокоить». Я понимал его, но попытался отговорить: «Ведь я дал слово, что вы не будете служить в Литве, вас же там обязательно отслежат и задержат. У вас двое детей, поезжайте к семье в отпуск, затем пойдете учиться в академию Генерального штаба — с ГК ВМФ и МО РФ этот вопрос решен сегодня утром до вашего прибытия ко мне».

Видя, что убеждения мои не действуют и командир дивизии настойчиво просится в Клайпеду, я сказал: «Хорошо, вы со мной полетите в Клайпеду на вертолете, там мы в Доме офицеров соберем офицеров, прапорщиков, их жен, расскажем обстановку, люди увидят вас, вы будете иметь возможность дать необходимые распоряжения, но улетим мы вместе тем же вертолетом сегодня. Согласны?» — «Согласен», — сказал И. Г. Черных. Я дал приказание оперативному дежурному флота перегнать вертолет из Донского на аэродром Чкаловск. Перед выездом на аэродром я сказал ему, чтобы никого не оповещал, летим на учебный центр дивизии «Кайряй», туда направить две машины УАЗ, людей собрать в Доме офицеров. Все распоряжения отдать начальнику штаба дивизии после нашего взлета.

Встретившись с людьми, мы рассказали о том, чем занимались сутки после похищения командира дивизии. Сложным был разговор. Далеко не все офицеры отнеслись одобрительно к разрешению провокационной ситуации в том варианте, как это было сделано нами. Я сказал тогда, что каждый должен принимать решение, сообразуясь с обстановкой. «То, что предлагается сейчас как предпочтительный, на ваш взгляд, вариант применения силы для освобождения командира дивизии, — это худший вариант, неизбежно повлекший бы кровопролитие. Я несу ответственность за принятое компромиссное решение. Авторитет командира дивизии восстановлен, впереди у него учеба в академии ГШ ВС и хорошие перспективы в службе, все это утверждено ГК ВМФ и министром обороны».

Постепенно люди успокаивались и расходились из Дома офицеров, в основном приняв мою сторону.

Мы возвратились в Калининград. И. Г. Черных уехал в отпуск, поступил в академию ГШ ВС РФ, после окончания стал генералом. Вот что повлекло за собой ошибочное решение о создании военно-гражданского комитета. И его последствия могли быть гораздо худшими.

ЦЕЛЬ — СОХРАНИТЬ ФЛОТ

Непростое это дело — перемещение материальных запасов. Но все сложности преодолевались, а запасы сберегались для обеспечения флота, т. к. худшие времена со снабжением были впереди. Сложнее было с официальным оформлением передислокации соединений и частей, потому что оно было связано с изданием директивных документов Центром. Первыми почувствовали это военные строители. Еще несколько месяцев назад, 18. 09. 91 г., на совещании под руководством маршала авиации Е. И. Шапошникова в Риге им была дана установка завершить начатое строительство жилья и других объектов с высокой степенью готовности. После демонтажа СССР финансирование было прекращено и наши предложения по перемещению строительных организаций на территорию России для обустройства сил флота и войск в новых местах дислокации долго не получали разрешения. Тогда мы по предложению начальника строительного управления флота полковника В. В. Никитина решили сами осуществить их передислокацию в Калининградскую и Псковскую области на фонды существовавших там строительных организаций. Директива Генерального штаба пришла к нам через полгода, когда строители уже активно выполняли работы в интересах не только флота, но и пограничников, обустроявая переходы. Вся техника и оборудование, включая заводское, были выведены и вывезены из Эстонии и Латвии. В результате, был сохранен мощный строительный комплекс флота, состоявший из девяти управлений начальников работ (УНР). Таким же образом был решен вопрос с УНРаи морской инженерной службы.

Принципиально важным было определиться с выводом корабельного состава. Оценивая перспективы строительства и содержания корабельного состава оставшегося от СССР флота, мы пришли к выводу, что в ближайшие 15 лет будет очень незначительное поступление кораблей от промышленности. Проанализировав состояние каждой единицы, мы определили, что надо иметь в составе флота к 2000 году 100 кораблей, включая в это число и те, что входят в состав Ленинградской военно-морской базы. Возраст кораблей, оставляемых в боевом составе, должен был обеспечить выполнение задач, решаемых флотом, на ближайшие 15—20 лет, т. е. он должен находиться в пределах 10—15 лет. Остальные корабли должны были выводиться из боевого состава и идти на слом. В некоторых случаях приходилось прекращать ремонт в начальной стадии, чтобы не распылять очень ограниченные средства, а концентрировать их для поддержания в технически исправном состоянии боевого состава флота. Пришлось пожертвовать только что вышедшим из ремонта ракетным крейсером «Адмирал Зозуля».

После аварии на Северном флоте, когда из-за разрыва трубопровода высокого давления погибли люди, ГК ВМФ было дано приказание обследовать трубопроводы на всех паросиловых кораблях. На «главном паре» крейсера до предельного износа осталось 0,1 мм. Как ни жаль было крейсера, но ставить его в ремонт не было средств, да и его возраст был уже 29 лет. Утвердив у ГК ВМФ боевой состав флота, мы постепенно стали выводить корабли на слом. А это было почти 2/3 состава флота времен СССР. С кораблей демонтировалось и складировалось необходимое оборудование для возможного использования на кораблях, оставшихся в строю. Корабли, выведенные из боевого состава, продолжали оставаться в местах базирования, пока их не реализовывал представитель центрального управления материальных ресурсов на флоте. Структуры флота не могли этим заниматься, хотя были неоднократные предложения по покупке кораблей, выведенных на слом, по цене до 170 долларов за тонну металла. ЦУМР был неповоротливой организацией, и нерасторопность представителей на флоте оборачивалась большими потерями денежных средств. Так, подводные лодки проекта 629 16-й дивизии, дислоциро-

ванной в Лиенае на специально построенном комплексе к прибытию ее с Северного флота, долгое время стояли вместе с корпусами лодок, подготовленных к реализации.

Время шло, лодки стали притапливаться, а одна легла у причала на грунт. Приходилось флотским специалистам восстанавливать герметичность корпусов, организовывать подъем с грунта. До дня вывода последних кораблей из Лиенаи так и не были определены куда-нибудь корпуса, которые можно было бы, например, реализовать заводу «Красный металлург» по хорошей цене. Мне пришлось просить директора 29-го завода г. Птичкина переместить корпуса к стенке завода, охранять, не допустить затопления, пока представитель ЦУМР их не реализует. Мы с г. Птичкиным давно знали друг друга, не раз взаимно выручали, и на этот раз он не только на словах, но и документально — по акту — принял лодки от представителя ЦУМР на хранение.

Наибольшее количество корпусов списанных кораблей скопилось в Балтийске. В бассейне № 3, который был специально выделен для их размещения, их собралось более 50. Со временем реализация корабельного металлолома стала производиться через специализированное хозрасчетное предприятие флота. Корпуса нужно было поднять, разделить, организовать вывоз. Подъемом и резкой на крупные фрагменты занимались два плавкрана вспомогательного флота. Один прибыл на Балтийский флот в 1991 году и имел грузоподъемность 500 тонн. Основная нагрузка легла на него, особенно по резке корпусов на фрагменты примерно по 400—450 тонн цепями с последующим перемещением на причальную стенку. Далее уже на причале работали бригады газорезчиков, разделявшие корабельные конструкции для перевозки грузовым автотранспортом на пункты приема металлолома. Работа была очень трудоемкой. Например, подъем и удержание на плаву с помощью понтонов, резка краном и разделка на берегу только одного корпуса БПК «Славный» водоизмещением 4500 тонн с учетом ограничений работы по погодным условиям продолжались целый год. Лишь к концу 1999 года бассейн № 3 был освобожден от затонувших корпусов кораблей. За все годы, с 1992 по 1999-й, при выполнении работ не было ни одного происшествия.

Корабли боевого состава, которым был определен срок службы еще 15—20 лет, стали главной заботой Военного совета флота, командиров соединений и, конечно, командиров кораблей. Укомплектованность кораблей личным составом срочной службы резко уменьшалась, по мере того как следовали увольнения военнослужащих бывших республик СССР, и скатилась до 20—25 %. Теперь стояла первоочередная задача сберечь корабли и оборудование, особенно содержащие драгоценные металлы. Лихорадка, охватившая страну, по сдаче цветных металлов, а тем более драгоценных, свирепствовала несколько лет. Не могла она обойти корабли, суда, береговые части. Командиров кораблей я обязал ночью с одним офицером обходить корабль, сводя к минимуму попытки хищения драгоценных металлов. Отдыхать им разрешил днем в любое время. И все-таки редкие случаи хищения были. Принимались жесткие меры воздействия к тем, кого уличали в воровстве. Оперативно работала прокуратура в каждом гарнизоне флота. Общими усилиями корабли были спасены для службы в Российском флоте.

Не менее сложная обстановка была и в военно-воздушных силах флота. В советское время на флоте существовала мощная территориально разнесенная группировка авиации: дивизия морской ракетноносной авиации на самолетах Ту-22М-3 в Быхове, дивизия морской штурмовой авиации на самолетах Су-24М, Су-24МР с базированием полков в Тукумсе (Латвия), Сууркюль (Эстония), Черняховск (Калининградская область) — штаб дивизии в Черняховске, отдельный полк штурмовой авиации на самолетах Су-17М с базированием в Вещево (Ленинградская область), два отдельных полка штурмовой авиации на самолетах Су-24М, Су-17М с базированием на Чкаловск (Калининградская область), транспортный полк на самолетах Ан-12, Ан-26 с базированием в Храброво (Калининградская область), противолодочная эскадрилья на самолетах Бе-12 с базированием на аэродром Коса (Калининградская область), отдельный корабельный вертолетный полк на

вертолетах Ка-25ПЛ, Ка-25ПС, Ми-12ПЛ, Ми-12ПС с базированием в Донском (Калининградская область). Воздушный пункт управления был на специально оборудованном самолете Ту-134. Аэродромный узел в Калининградской области принял самолеты с аэродромов Вещево, Тукумс, Сууркюль. Имущество было вывезено полностью. По имевшейся у нас информации, планировался захват двенадцати самолетов Су-24М на аэродроме Сууркюль. Под руководством командующего ВВС флота генерал-лейтенанта В. В. Проскурнина в условиях конфиденциальности были доставлены экипажи в Сууркюль и по его же команде подняты оставшиеся 12 машин, совершившие благополучный перелет в Калининградскую область. Затем по решению Генерального штаба три полка штурмовой авиации были переброшены на Северный, Тихоокеанский, Черноморский флоты. Все самолеты ВВС находились в исправном состоянии, летчики подготовлены к полетам в любых условиях. Вскоре ВВС стали испытывать жесточайшую нехватку топлива для поддержания уровня подготовки. Та же обстановка была и в корабельных соединениях. Если корабли могли выходить в море с несколькими экипажами для отработки задач боевой подготовки и поддержания навыков в обслуживании механизмов и устройств на ходу корабля, что, конечно, было от большой нужды, то летчиков не посадишь в самолет по этой схеме. Тренажеры не могли заменить летчику реального полета. Объяснять офицерам невоспринимаемые реалии было бесполезно. Так продолжалось несколько лет, пока дело было доведено до полного разочарования в выбранной профессии. Начался отток офицеров. Если командованием принимались меры по удержанию офицера на должности, он шел в военный суд, и, получив решение суда на основании безотказно действовавших доказательств, что его права нарушены, уходил в запас, где его уже ждали коммерсанты, предлагавшие работу с зарплатой в 5—10 раз выше денежного довольствия по занимаемой должности на флоте. За два года ушло с флота более 1000 офицеров в звании лейтенант — капитан-лейтенант, редко капитан 3 ранга. С некоторыми перспективными офицерами я беседовал, надеясь пробудить их веру в будущее флота. Не шли на уговоры. Особенно твердую позицию занимали выпускники ленинградских училищ. Несколько человек пришли с массивными перстнями и золотыми цепями на шее. Выяснилось, что за время учебы в училище они смогли получить второе высшее образование в гражданском ВУЗе и еще до выпуска имели предложения по трудоустройству. Им оставалось переждать на флоте три месяца, затем наступали невыполняемые государством обязательства и, вследствие этого, неоспариваемое решение суда об увольнении в запас. Они мне об этом откровенно говорили. Да и такое демонстративное предъявление украшений из золота командующему флотом, запрещенное, кстати говоря, к ношению Уставом, говорило о том, что они о себе позаботились, а пользы флоту не принесут, скорее нанесут вред, т. к. своим даже внешним видом не только ставили себя вне обычного представления об офицере, но и побуждали некоторых следовать их примеру. Моя забота им была не нужна. Мне надо было думать о тех, кто остается с флотом в трудное время, хотя бы чем-то поддержать моих соратников. Один из вариантов поддержки нашел В. Е. Степанов, который предложил мне дать разрешение на закупку автомобилей в Германии всем желающим. В советское время в очереди на покупку машин стояло до 12 тысяч человек. Естественно, очередь прекратила свое существование. В Германии можно было за небольшую сумму приобрести наши советские машины в экспортном исполнении — «Жигули», «Москвич» — и даже иномарки. Я дал такое разрешение. Оформление загранпаспортов осуществлялось сохранившейся в управлении кадров флота группой. Нам надо было решить вопрос до завершения вывода 24-й бригады из Свиноуйсьця, чтобы людям, впервые выезжающим за границу, можно было иметь точку опоры. В общем технология закупок, перевозок попутным транспортом, вывозившим материальные средства из Свиноуйсьця морским путем, была отработана. Таможенные формальности были минимальными. В общей сложности офицеры, мичманы, прапорщики и некоторые из рабочих и служащих флота ввезли более 10 тысяч

машин. Когда нам стало известно, что будут резко подняты таможенные пошлины, я направил в Свиноуйсьце дополнительно два больших десантных корабля и судно вспомогательного флота, которые за один рейс вывезли все машины, ожидавшие своей очереди на отправку попутным транспортом. Владельцы машин успели зарегистрировать их до повышения таможенных платежей. Ведь доходы абсолютного большинства семей состояли только из денежного довольствия военнослужащих, и приходилось беречь, без преувеличения, каждый рубль. В худшие времена, которые скоро наступят, многие военнослужащие будут зарабатывать средства для содержания семей извозом. Худшим я называю то время, когда военнослужащим денежное довольствие станут выдавать с задержками на несколько месяцев. Сейчас в это верится с трудом. Но мы-то пережили такое время. В особенно трудном положении оказались офицеры и мичманы плавсостава. Если служившим на берегу выдавался паек набором продуктов, то плавсоставу я разрешил оставлять на корабле продукты только для приготовления обеда, а то, что шло по нормам на завтрак и ужин, выдавать набором на месяц для использования в семье. Никогда не было такого положения, чтобы в кают-компанию офицеров было неудобно пригласить гостей — обед был приготовлен только для строго ограниченного числа стоящих на довольствии. Удивительно было наблюдать за реакцией председателя Правительства РФ В. С. Черномырдина, когда он пригласил в зал заседаний, всем известный по телевизионным репортажам, высшее военное руководство страны. Три часа шел острый разговор. Черномырдин стучал кулаком по столу, спрашивая самого себя: «Как же можно служить, не получая денег по полгода? На что же живут семьи? Ну, мы найдем виновного в этом беспределе!» И нашли... Через неделю был освобожден от должности начальник Центрального финансового управления генерал-полковник В. В. Воробьев. Его все мы знали, и, безусловно, не он был виновен в катастрофическом положении дел с финансированием Вооруженных сил, что и подтвердил суд, вынесший решение о восстановлении его в должности. В разговоре со мной он сказал, что восстанавливаться не будет, важно было сохранить уважение, которым он пользовался у профессионалов-финансистов округов и флотов, у руководства Министерства обороны и командующих. Накопившиеся задолженности были погашены правительством Е. М. Примакова, и задержки денежного довольствия ушли в историю.

Какие бы не были трудности в повседневной деятельности флота, они не могли служить основанием к снижению качества оперативной и боевой подготовки. Рабочий день в штабе флота и других органах управления установился без всяких на то приказаний до 21 часа. Как всегда, тон в работе задавало оперативное управление штаба флота. Его начальники — контр-адмирал Е. П. Ковалев и сменивший его капитан 1 ранга Б. Р. Домбровский — прошли хорошую школу службы на командных и штабных должностях и теперь не только организовывали работу управления с учетом текущей быстроменяющейся обстановки, но и делали проработки на будущее, когда флот станет другим. Не менее напряженно работало организационно-мобилизационное управление, возглавляемое контр-адмиралом Ю. Ф. Афлятуновым.

В августе 1992 года под руководством ГК ВМФ состоялось командно-штабное учение, на котором отрабатывались вопросы применения флота в новых условиях, когда не было Организации Варшавского договора, объединенного Балтийского флота, СССР и Вооруженных сил Советского Союза, а также единого оперативного пространства на Балтийском море в связи с выходом из него Эстонии, Латвии, Литвы. В течение пяти суток напряженной работы не только проверялась деятельность органов управления флота, объединений и соединений, не только давались оценки отработки вводных, вручаемых штабом руководства, но и глубоко изучалось состояние боеготовых сил, дисциплины, воспитательной работы. Большое внимание ГК ВМФ уделил исследовательским целям учения. На этом КШУ получили поддержку разработанные штабом флота предложения о включении Ленинградской вб в состав флота в мирное время, а не с повыше-

нием боевой готовности, как это было в советский период. Ленвмб, таким образом, выводилась бы из подчинения ГК ВМФ и подчинялась командующему Балтийским флотом. Более радикальным было предложение о включении соединений и частей 11 отдельной армии в структуру флота. ГК ВМФ это предложение поручил проработать поэтапно: на 1-м этапе передать 11-ю ОА в оперативное подчинение командующему флотом, решив этот вопрос с Главнокомандующим сухопутными войсками. Ко 2-му этапу — включению соединений и частей 11 ОА в штатную структуру флота — следует прийти только после дополнительных исследований на 1-м этапе. «Надо понять, что мы можем объединить, уйдя от параллельных структур армии и флота, например, в тыловом обеспечении. Очевидно, надо будет усилить оперативное управление флота сухопутными офицерами для грамотной постановки задач, организации подготовки и контроля выполнения задач», — сказал ГК ВМФ. 3-е принципиальное предложение — о включении в состав флота группировки войск ПВО в Калининградской области — было нами проработано с ГК войсками ПВО генерал-полковником В. А. Прудниковым и его 1-м заместителем — в прошлом командующим 6 ОА ПВО генерал-лейтенантом В. Ф. Мируком. Оно было одобрено ГК ВМФ.

В результате всех преобразований создавалась новая разнородная группировка, состоящая из флота, сухопутных войск и войск ПВО. Мы предложили назвать структуру Калининградским особым районом, возложив управление им на командующего флотом. ГК ВМФ дал поручение Главному штабу ВМФ активно включиться в проработку вопросов с Главкоматами и Генеральным штабом. Оценив результаты учения и обстановку на флоте положительно, серьезно критикуя нас за состояние воинской дисциплины, В. Н. Чернавин сказал мне, что лично моей работой остался доволен. Это была оценка почти годовой моей службы в должности командующего флотом. Много нового для нас сообщил ГК ВМФ. Обстановку после демонтажа СССР он охарактеризовал как сложную и взрывоопасную, назвав парадоксальным тот факт, что жесткое противостояние обеспечивало большую стабильность. Сейчас новые государства не знают, кажется, другого способа разрешения споров, кроме войны. По-прежнему делается ставка на силу блоком НАТО. Новая стратегия предусматривает применение ядерного оружия первыми. США, оставшись единственной сверхдержавой, верны своему военному превосходству. Никто не хочет сильной России или Содружества Независимых Государств (СНГ) на месте СССР. Военная угроза сохраняется, а с учетом глубокого кризиса в России она увеличивается. «Время неопределенности уходит. 7 мая 1992 года созданы Вооруженные силы России. Формируется и флот России, имея в основе своей ВМФ СССР. К защите Российского Отечества надо готовиться профессионально», — заключил ГК ВМФ адмирал флота В. Н. Чернавин. Мы надеялись, что он еще долго будет стоять во главе Главкомата. Но оказалось, что это была его заключительная работа на флоте. Через несколько дней Главнокомандующим ВМФ был назначен адмирал Ф. Н. Громов. Перед отлетом в Москву ГК ВМФ пообедал с нами на форту № 6, где он работал и отдыхал. Во время обеда прибыл самолет ГК ВМФ, прилетевший на нем заместитель ГК ВМФ по тылу — начальник тыла ВМФ адмирал И. Г. Махонин — доставил пакет для ГК ВМФ. Вскрыв его, В. Н. Чернавин наложил резолюцию на вложенном в него распоряжении первого заместителя правительства РФ В. Ф. Шумейко о передаче Министерству охраны края Литвы 5000 автоматов с боеприпасом, и передал мне. Установленный срок исполнения был трое суток со времени получения распоряжения. Оценив обстановку, я дал приказание начать подготовку к отправке оружия и боеприпасов со склада в Балтийске. Для перевозки потребовалось бы 25 крупных грузовиков. Я предложил для ускорения работы отправку осуществить средним десантным кораблем до Клайпеды, оттуда до Вильнюса — машинами 3 ДБО, передав груз по накладной по завершении погрузки. ГК ВМФ утвердил это предложение. Пока я был занят проводами ГК ВМФ, организацию работ выполнял 1-й заместитель командующего контр-адмирал В. А. Кравченко.

Для контроля исполнения распоряжения В. Ф. Шумейко назначил Д. О. Якубовского. Проводив ГК ВМФ, я отправился вместе с Д. О. Якубовским в Балтийск. В 23 часа погрузка на СДК была завершена, и в 3 часа ночи мы убыли в Клайпеду. К 15 часам машины были загружены, оформлены приемо-сдаточные документы, я доложил ГК ВМФ о выполнении распоряжения. Со мной всегда находился Д. О. Якубовский, удивляя меня дотошностью вникания во все детали проводимой работы. В этот же день он улетел в Москву.

14 августа во время осмотра и проворачивания оружия и технических средств на эсминце Тихоокеанского флота «Беспокойный» проекта 956, прошедшего подготовку к переходу в 128-й бригаде, произошел пожар. Накануне вечером офицеры корабля после сауны пошли отдыхать в каюты, не выключив нагревательные элементы. За ночь помещение нагрелось до такого состояния, что когда была открыта входная дверь, свежий воздух создал условия для мгновенного возгорания деревянной обшивки. Огонь перекинулся на соседние помещения, началось их интенсивное задымление. При тушении пожара погиб офицер, несколько человек получили ожоги. Восстановление корабля можно было осуществить только в заводских условиях. Естественно, я обратился к директору завода «Северная верфь», где был построен корабль. Обследовав повреждения, специалисты назвали стоимость работ. Я доложил обстановку ГК ВМФ. Он порекомендовал обратиться к директору завода «Янтарь» и провести оценку работ его специалистами. Я поехал к Л. Я. Змачинскому, с которым мы давно уже поддерживали дружеские отношения, и попросил его оценить стоимость работ, не сверяясь со своими питерскими коллегами. Она оказалась в два раза меньше того, что было названо заводом-строителем корабля. Доложив ГК ВМФ, что завод «Янтарь» берется восстановить корабль, я получил его решение: «Корабль после восстановления оставить на Балтийском флоте. Смену офицеров осуществить по их желанию. Директива последует». Так мы получили второй эсминец проекта 956. У экипажа «Беспокойного» была первоначальная приписка к Черноморскому флоту. Именно ЧФ комплектовал экипаж. Затем последовало изменение — корабль стал Тихоокеанским и теперь — Балтийским. Для нас это стало большой радостью, т. к. по плану развития флота у нас должно было числиться три эминца проекта 956. Но на БФ осталось всего два эминца проекта 956 — «Настойчивый» и «Беспокойный». Предназначавшийся нам третий корабль был продан Китаю. Завод выполнил все работы со свойственной «Янтарю» тщательностью. Все организационные вопросы были решены. Командиром корабля был назначен капитан 2 ранга И. В. Белоглазов — выпускник академии, служивший ранее командиром СКР «Бдительный». Вот уже более 15 лет эти корабли безупречно несут службу на Балтике. Еще один корабль стал балтийским благодаря опять же заводу «Янтарь», где он проходил ремонт. Это корабль Черноморского флота «Пылкий», экипаж которого обращался ко мне с просьбой доложить ГК ВМФ, что если их кораблю будет разрешено сменить флаг ВМФ СССР на Андреевский, то они хотели бы остаться после ремонта на Балтике. ГК ВМФ такое разрешение не только дал, но и поблагодарил экипаж за благородный шаг. СКР «Пылкий» занял свое достойное место в составе 128-й бригады.

В октябре мы завершили все формальности по передаче кораблей Литве и подготовительные работы к началу строительства жилья. В торжественной обстановке заложили фундамент первого дома 25 октября, при этом мэр Калининграда В. В. Шипов на месте закладки подписал постановление о выделении флоту участка на 4500 квартир. Важным событием для флота явилось завершение вывода 24-й бригады ракетных катеров из Свиноуйсьця. 28 октября состоялась официальная церемония проводов 196-го дивизиона ракетных катеров, которые уходили последними. В ней приняли участие посол РФ в Польше Ю.Б. Кашлев, уполномоченный Правительства России по делам временного пребывания российских войск в Польше — командующий Северной группой войск генерал-полковник Л. И. Ковалев, генеральный консул РФ в Ще-

щине О. А. Брыкин, генералы и офицеры СГВ; с польской стороны — заместитель министра иностранных дел г. Онанич, заместитель министра национальной обороны г. Коморовский, уполномоченный Правительства РП по делам пребывания российских войск в РП г. Островский, командующий ВМФ РП г. Вага, воевода Щецинский г. Таласевич, уполномоченный Щецинского воеводства по делам сотрудничества с заграницей г. Фрончак, президент г. Свиноуйсьця г. Милош, староста г. Свиноуйсьця г. Карлиньский, жители г. Свиноуйсьця, моряки 8-й флотилии ВМФ Польши. На митинге, открывшемся исполнением Государственных гимнов России и Польши, выступали старшина 1 статьи Е. А. Воробьев, председатель общества сотрудничества «Польша—Восток» г. Свиноуйсьця С. Е. Гарасик, командир ракетного катера капитан-лейтенант Прокопчик, г. Коморовский, г. Вага, В. Г. Егоров, Л. И. Ковалев.

Вот что я сказал на митинге: «Товарищи и дорогие друзья! Сегодня исторический день — в Россию возвращается последнее боевое соединение флота, дислоцировавшееся в Польше в послевоенное время. Все эти годы 24-я бригада отлично выполняла задачи не только по своему боевому предназначению, но и являлась цементирующей силой в развитии и укреплении дружбы между флотах ГДР и Польши, особенно между 8-й флотилией Польского ВМФ и 1-й флотилией Народного военно-морского флота ГДР. Мы искренне считали эти отношения братскими. Прощаясь, мы не меняем этого слова. Оно в сердцах тысяч людей, прошедших службу в бригаде и оставивших здесь друзей на всю жизнь. Только в этом году в Свиноуйсьце у своих друзей по их приглашениям побывало несколько тысяч человек. Примите слова искренней благодарности польским гражданским и военным властям всех уровней — от центральных до местных в Свиноуйсьце, жителям города и морякам 8-й флотилии за доброе отношение к военнотружущим, рабочим и служащим флота нашей страны. От имени Военного совета флота, личного состава 24-й бригады желаю благополучия и успехов польскому народу».

Я и теперь не изменил бы ни одного слова, сказанного 15 лет назад. Завершился митинг исполнением гимнов Польши и России. По готовности катера выходили последний раз из гавани. Все мы, знавшие друг друга долгие годы, не скрывали грусти. Мне было тяжело провожать своих соратников, знал, что уже готовится директива о расформировании 24-й бригады, которой не так давно имел часть командовать. В Щецине радушный и всеми уважаемый посол РФ Ю. Б. Кашлев дал прием по случаю вывода бригады, на котором было много гостей. Моряков представлял я с небольшой группой. В неофициальной обстановке мы попрощались со многими навсегда, а с некоторыми удалось сохранить связи, поддерживаемые не только официальными визитами, но и личными встречами.

Самый сложный год для России флот, по оценке министра обороны РФ, завершил с удовлетворительными результатами, несмотря на разрушение системы его базирования, укомплектования, финансирования, материально-технического обеспечения, изменения в организационно-штатной структуре, ослабление воспитательной работы еще не нашедшими своего места военно-политическими органами. Важным итогом года считаю восстановление нормальных отношений между Литвой и флотом. Приведу текст телеграммы, направленный мной в адрес ГК ВМФ адмирала Ф. Н. Громова:

«Докладываю. 03. 12. 92 г. по приглашению премьер-министра Литвы г. Б. Лубиса, избранного на этот пост 02. 12. 92 г. по предложению А. Бразаускаса, имел встречу и обстоятельную беседу в его правительственной резиденции в Вильнюсе. Было подчеркнуто, что отношения с Россией Правительство будет строить в приоритетном плане. На базе этой ключевой позиции будут строиться и отношения с Вооруженными силами России. До вывода сил флота и войск никаких дискриминационных мер ни к военнотружущим, ни к членам их семей применяться не будет. Наоборот, в отличие от Латвии и Эстонии, уже сейчас принято решение в пользу офице-

ров, мичманов, прапорщиков. Прежде всего, разрешено приватизировать в течение двух месяцев жилье и продать его после этого по усмотрению владельца, если он не желает оставаться на жительство в Литве. Несмотря на то что Правительство РФ еще не закупило денежные знаки Литвы — общие талоны (г. Лубис предлагает закупить 4 млрд. общих талонов), Правительством Литвы принято решение выдавать денежное содержание военнослужащим в кредит. По всем возникающим вопросам жизнеобеспечения 3 ДБО г. Лубис разрешил командиру дивизии обращаться лично к нему. Была обещана всяческая помощь Правительства в ускорении строительства микрорайона в Калининграде для военнослужащих флота с расчетом первый дом сдать «под ключ» в мае 1993 года. Передано приглашение посетить с визитом дружбы отрядом кораблей БФ г. Клайпеду на День моряка в июле 1993 года. Премьер-министр просит доложить Вам, МО РФ и просить Вас проинформировать руководство страны, что проведенные им, в бытность его вице-премьером, переговоры с заместителями премьер-министра РФ А. Шохиним и В. Черномырдиным по вопросу поставки нефтепродуктов и газа выявили разницу в предлагаемых ценах, что может вызвать осложнения во взаимоотношениях. Позиция г. Лубиса: покупать у России газ по тем же ценам, что установлены для Финляндии и ФРГ (по 65 долларов за тысячу кубометров) или даже чуть выше (по цене 70 долларов за тысячу кубометров). При этом тарифы для перевозки всех видов российских грузов останутся на уровне 1992 года. Позиция В. Черномырдина — продавать газ по 85 долларов за тысячу кубометров. В случае, если эта цена будет установлена, Правительство Литвы вынуждено будет поднять тарифы за железнодорожные перевозки в два раза, а для воинских грузов, как опасных, тариф будет поднят еще выше. За транспортировку сжиженного газа в Калининград уже сейчас РФ должна железной дороге Литвы 1 млрд. рублей. По тарифам с 1 января 1993 года стоимость перевозок составит 42 млрд. рублей, а с учетом инфляции — около 100 млрд. рублей. Таким образом, Литва все равно выйдет на цену газа в 73—75 долларов. Но такие действия таят в себе много негативных элементов в будущих взаимоотношениях. Г. Лубис предлагает на два года установить цены на энергоносители и тарифы на все виды перевозок замороженными, в интересах обоих государств. За это время можно оценить и скорректировать экономические взаимоотношения на обоюдовыгодных условиях. Учитывая приход к власти в Литве г. А. Бразаускаса и г. Лубиса и их настрой на добрые отношения с Россией, считаю, что сейчас есть реальные условия для построения таких отношений, которые будут служить побудительным мотивом для аналогичных шагов со стороны Латвии и Эстонии, в том числе и по отношению к ВС РФ. Прошу Вас сделать доклад МО РФ для информирования Главы Правительства и принятия соответствующих новой обстановке решений. Докладываю на Ваше рассмотрение. Командующий БФ Егоров».

Относительно приватизации жилья г-н Лубис меня предупредил, что если мы не успеем уложиться в два месяца, квартиры станут собственностью Литовского государства. Не дожидаясь реакции Центра, я дал команду приватизировать жилье. Мы уложились в срок и тем самым сняли с себя нагрузку по обеспечению почти тысячи офицеров и прапорщиков жильем на территории России. А это была годовая программа строительства жилья на флоте в советское время. В дивизии было всего 40 бесквартирных, их мы обеспечили жильем в первоочередном порядке после завершения строительства литовскими организациями, они получили квартиры в Калининграде, в микрорайоне, который стал называться «Сельмой». О том, что решение приватизировать жилье было своевременным и выгодным, мне рассказал на своем примере начальник тыла дивизии гвардии полковник Ю. В. Антипенко. Он продал квартиру в Клайпед, купил в Харькове трехкомнатную, приобрел за оставшиеся средства машину и гараж. «Я решил все свои проблемы», — сказал он.

НЕ БОЯСЬ ОКРИКА СВЕРХУ

В первые годы, когда Россия утверждала свою самостоятельность в мире, когда шло формирование органов власти в государстве, можно было, не боясь окрика сверху, доложить свое мнение снизу по любому вопросу, без прохождения бюрократических процедур, вплоть до Президента России. Так я на одной из встреч с Б. Н. Ельциным, предварительно получив согласие ГК ВМФ В. Н. Чернавина, представил ему в письменном виде обстановку на флоте и предложения по его реформированию, что для нас служило защитной мерой, т. к. суждения о судьбе флота высказывались разные. Прошло четыре месяца, и я, находясь в приемной министра обороны, получил замечание от 1-го заместителя МО РФ А. А. Кокошина, который тоже шел к министру. «У нас к вам претензия», — сказал он. «Какая?» — удивился я. «Вы нарушили субординацию, обратившись напрямую к Президенту России», — конкретизировал он. Мне не нужно было напрягать память, поскольку к встрече тщательно готовился, к тому же, она была первой. «Я обратился с разрешения своего непосредственного начальника — главнокомандующего ВМФ — к Верховному Главнокомандующему с докладом о судьбе флота, поэтому ничего не нарушал. Доложенные материалы были прочитаны В. Н. Чернавиным», — таков был мой ответ. На этом разговор закончился — А. А. Кокошина пригласили в кабинет министра. Меня этот разговор о нарушенной субординации насторожил, т. к. он исходил от гражданского человека, ученого, доктора наук, хорошо относившегося ко мне. Да и возник он случайно. Значит, кого-то задел мой небольшой по объему материал, раз он вспомнился сходу.

Всякий раз, когда я бывал в Москве, заходил к секретарю Совета безопасности Ю. В. Скокову, он с интересом вникал в обстановку, которую я докладывал. Пройти к нему было просто, еще не существовало охраны в теперешнем понимании этого атрибута. Когда мы уже обсудили все вопросы по поставкам Литве кораблей, оружия, боеприпасов, я решил порадовать Ю. В. Скокова найденным способом помочь бесквартирным жильем. Он, как всегда, внимательно выслушал и неожиданно сказал: «Я — против, вы вооружаете Литву. Доложу об этом Президенту». Мои попытки убедить его в отсутствии какой-либо опасности для России успеха не имели. Попрощавшись с ним, я позвонил министру обороны. П. С. Грачев сказал мне: «Не волнуйся, этот вопрос я со Скоковым решу. Делай все так, как я поручил». И действительно, никаких последствий мой разговор с Ю. В. Скоковым не имел.

П. С. Грачев очень много сделал для Балтийского флота. Ведь он стал министром обороны совсем молодым человеком, никогда в прежней своей службе тесно не соприкасался с флотом. Но как он умел слушать, вникать, помогать. Не было ни одного случая, чтобы министр отверг то, что я предлагал. На Балтике он быстро завоевал деловой авторитет, и мы ценили это дружеское отношение к морякам. Наступят дни, когда морские пехотинцы Балтики, защищая единство страны, будут защищать и министра обороны, героически воюя, неся потери, но всегда выполняя задачи. Сколько будет несправедливости генерироваться средствами массовой информации в отношении П. С. Грачева, но мы знали, какую он нес нагрузку и какие выдержал тяжелые испытания.

Общаясь с руководителями государств — бывших республик СССР, я всегда получал от них вопрос: почему руководство России отодвинуло посещение своих, отдав предпочтение дальним странам? Мне представилась возможность высказать эту позицию при обсуждении военной доктрины на заседании Совета обороны под руководством Президента России. Доклад об основных положениях доктрины сделал министр обороны. После доклада по плану должны были начаться выступления. Б. Н. Ельцин задал вопрос: «Кто хочет выступить?» В зале молчание. «Павел Сергеевич, люди вообще-то знают, зачем они приглашены?» — задает он второй

вопрос. «Да, конечно, все предупреждены и готовы к выступлениям», — говорит министр. Видя такую обстановку, я попросил слова. Высказав мнение по содержанию доктрины, дав оценку документа как важнейшего для государства, сделал два предложения, касающиеся политической части доктрины: «Считаю, что надо отказаться от общеупотребительной практики называть Эстонию, Латвию, Литву собирательными терминами «прибалтийские республики» или «прибалтийские государства». Каждое из этих государств теперь утверждает себя через собственное имя и хочет, чтобы этим именем оно и называлось — Россией прежде всего. Руководители государств обижаются, что ни один из российских министров не нанес визит ни в одну из трех стран. Для нас очень важной является Литва, и с ней должны быть установлены особые отношения. Они напрямую затрагивают вопросы обеспечения группировки российских войск в Калининградской области. Прошу вас рассмотреть возможность, учитывая позицию руководства Литвы строить отношения с Россией как приоритетные, осуществления визитов министра иностранных дел и министра обороны в Литовскую республику». Обращаясь к А. В. Козыреву и П. С. Грачеву, президент задает им вопрос: «Он правильно говорит?» Оба министра отвечают «да» с небольшими комментариями. «Вот и планируйте визит в Литву в ближайшее время по договоренности со своими коллегами. На месте решайте все вопросы по кругу ведения», — распорядился президент.

Оба министра совершили визиты. А. В. Козырев вначале прибыл в Калининград, уточнил обстановку, побывал в главной базе флота — Балтийске, встретился с воинами гарнизона. Я доложил проблемные вопросы, варианты их решения, просил рассмотреть их и обсудить с руководством Литвы. Министр встретился с руководителями Калининградской области, которые доложили более широкий круг вопросов для обсуждения в Литве. После этого министр иностранных дел убыл в Вильнюс. Уезжая, тепло попрощался и шутливо сказал: «Ну вот, работаю по твоему приказанию». Многие вопросы во время поездки А. В. Козырева получили разрешение в виде устных договоренностей, а затем были оформлены в межгосударственные соглашения. Они и теперь работают в интересах нашего государства и Литвы, совершенствуясь в деталях, но сохраняя первоначальную основу.

Министр обороны П. С. Грачев прибыл с визитом в Вильнюс из Москвы. Мы его встречали в аэропорту. Были отданы все положенные почести, были встречи с руководителями республики, была поездка в Каунас, где П. С. Грачева встречали особенно радушно. Он знал местные обычаи, чем приводил в изумление сопровождавших его людей. Готовясь к визиту, П. С. Грачев запросил мое мнение о возможных сроках вывода из Литвы 3 ДБО. Я сказал, что нас не сдерживает ничто, вопросы обеспечения жильем офицеров и прапорщиков решены. С получением директивы Генерального штаба о передислокации мы в течение 3-х месяцев задачу решим. По плану вывод дивизии должен быть осуществлен в 1994 году. Всесторонне оценив обстановку, в чем ему помогали генералы и офицеры, прибывшие из Москвы, министр принял решение вывезти дивизию на год раньше планового. Понятно, что это было с радостью встречено в Литве, особенно руководством республики. Узнав об этом решении, к П. С. Грачеву прибыли министры обороны Латвии и Эстонии с ходатайством о сокращении сроков вывода из этих республик. «Вы сделайте то, что сделала Литва — постройте жилье для военных, и мы сократим сроки. Проработайте вопрос со своими правительствами, к вам прибудет командующий флотом, и согласованную позицию он доложит мне для принятия решения», — сказал им П. С. Грачев. Забегая вперед, скажу, что последовать примеру Литвы ни Латвия, ни Эстония не смогли — они не нашли средств в бюджете республик.

Проводив министра обороны в Москву, мы вернулись в Калининград и приступили к детальным расчетам по выполнению задачи к 31 августа 1993 года. Командир дивизии генерал-

майор А. С. Пустоутов запросил помощи личным составом. Была скомплектована рота морской пехоты для усиления. С получением директивы о расформировании дивизии и перемещении техники приступили к вывозу дивизионного комплекта. За три месяца было отправлено 100 железнодорожных эшелонов. Никаких происшествий за это время не было. Когда грузился последний эшелон, я получил телеграммой приказание начальника Генерального штаба ВС РФ М. П. Колесникова о прекращении вывоза. По телефону позвонил министру обороны, доложил обстановку. Министр приказал продолжить и завершить вывоз. Зная о завершении вывода дивизии, Президент Литвы г. А. Бразаускас организовал прием, куда были официально приглашены я и командир дивизии. А. С. Пустоуту я приказал быть на приеме в парадной форме. По не зависевшим от меня обстоятельствам я вылететь не смог, таким образом, российских военных представлял на приеме один генерал — Александр Степанович Пустоутов, назначенный вместо полковника И. Г. Черных и получивший генеральское звание, успешно командуя дивизией.

В Литве помнят о благородстве российского государства и его руководителей, принявших важные решения о досрочном выводе сил флота и войск. Активное сотрудничество по всем вопросам, в первую очередь в области экономики Литвы и Калининградской области, — наглядное подтверждение правильности тех первых межгосударственных актов, которые были реализованы в пору становления государственности России и Литвы.

Была одна отрывка прошедшей истории с начальником военно-политического отдела дивизии гвардии полковником В. Л. Егоровым. Через несколько месяцев после вывода дивизии в моем рабочем кабинете раздался телефонный звонок. Сняв трубку, услышал сообщение В. Л. Егорова, что он звонит от друга, т. к. в квартире его могут задержать. Он объявлен врагом литовского народа. Я попросил его понаблюдать за развитием событий и докладывать мне, а пока находиться у друзей. Через два дня последовал очередной звонок с еще более тревожной информацией: «В газете опубликованы фотография и объявление: разыскивается враг литовского народа полковник Егоров. Что мне делать?» — «Можешь нелегально перейти границу?» — спросил я. «Могу», — ответил он. «Тогда переходи. Связь прекращаем, после прибытия в Калининград зайдешь в штаб флота. Дальнейшее будем решать здесь», — закончил я разговор. В резерве у меня была 3-комнатная квартира, которую я своим решением выделил В. Л. Егорову. На работу он устроился самостоятельно.

Большую помощь оказывал флоту В. Ф. Шумейко — первый заместитель премьер-министра России. Бывая у нас, он не только чувствовал на местах хроническое безденежье флота, все ухудшающееся материально-техническое обеспечение, особенно кораблей и авиации, но и видел возможности получения внебюджетных средств. «Давайте обращение в мой адрес, я беру решение на себя», — смело говорил он мне. Я обращался, получал его решение по предварительно проработанным вариантам использования имеющихся на флоте источников получения внебюджетных средств. В. Ф. Шумейко и П. С. Грачев не только искренне старались помочь флоту, но и обладали большими правами делать это. Не все получалось с реализацией их решений. Но многое и удавалось. При этом мы не прятались за авторитет решений, а сами проявляли инициативу, беря ответственность на себя. Когда Балтийск принял все корабли, выведенные из ГДР, ПНР, большую часть сил из Латвии и Эстонии, стало ясно, что оперативных запасов топлива в соответствии с установленными нормами не хватает. Выхода мы не видели. Но считали не только мы. Ко мне на прием пришли два ученых из научно-исследовательского института — доктор технических наук полковник В. Е. Бычков и кандидат технических наук полковник О. М. Науменко. Они не только доложили проведенные в институте расчеты, которые совпадали с флотскими, но и предложили увеличить запасы строительством нового емкостного парка на прилегающей территории к флотской базе горючего, построенной еще немцами. Средства они предложили заработать на перевалке

нефтепродуктов с использованием флотской инфраструктуры. Получив разрешение на эту работу у министра обороны, согласие ГК ВМФ на открытие пограничного пункта пропуска на сдаваемом в аренду участке земли вблизи причальной стенки, приступили к практической реализации замысла. Москвичи пригласили ко мне на встречу президента компании «Коксохиммонтаж» В. А. Фуфаева — прекрасного специалиста, который еще в советское время выполнял своими специалистами уникальные проекты, за что трест, руководимый им тогда, был награжден двумя орденами — Трудового Красного Знамени и Октябрьской революции. Он согласился выполнить работы по строительству нефтеперевалочного комплекса. Накопив достаточно средств, заказали на Саратовском заводе три емкости по 5000 м куб. и 2 — по 1000 м куб. Итого увеличение емкостного парка составило 17 000 м куб. Этого все равно было мало для создания нормативных запасов. Параллельно коммерческой структуре «Петрокон» на соседнем участке было дано разрешение на строительство еще трех емкостей по 5000 м куб., которые в особый период переходили в собственность флота и обеспечивали, таким образом, нормативные запасы для сил флота. Емкостной парк был только частью проекта. Еще предстояло построить сливную эстакаду, станцию пожаротушения, очистные сооружения, котельную, проложить трубопроводы к базе горючего и на причал. Эти работы финансировались «Петроконом». На портопункте «Восточный» танкеры под иностранным флагом вначале швартовались лагом к стационарному причалу, что было связано с большими сложностями из-за ограниченности акватории для маневрирования. Затем специалисты морской инженерной службы предложили использовать хранившиеся на складе секции плавучих причалов. На основе тщательных промеров глубин, анализа маневренных возможностей крупнотоннажных танкеров мной было принято решение поставить плавпричал перпендикулярно стационарной стенке. Условия для входа, выхода и швартовки значительно упростились и можно было уже принимать одновременно два танкера. Когда комплекс начал функционировать, он стал приносить немалые средства. Нам удалось за счет их обеспечить жильем 120 семей. В 2003 году, когда отмечалось 300-летие Балтийского флота, для использования по плану флота министром обороны РФ С. Б. Ивановым было разрешено использовать 120 млн. рублей, полученных за счет работы комплекса.

Опробовали мы прием паромов в бассейне № 2 военной гавани, используя сходы, специально выполненные для погрузки-выгрузки техники десанта. Всего было семь заходов паромов из Швеции и Германии. Прохронометрировав каждый заход, посчитав затраты и прибыль, мы пришли к выводу, что эти заходы малорентабельны. От проекта отказались. Многообещающим был проект поставки в Чили ежегодно 5000 грузовых автомобилей «КАМАЗ». Для его реализации планировалось переоборудовать под автомобилевозы выведенные из боевого состава ВМФ 9 больших десантных кораблей на заводе «Янтарь», где они были построены. В аренду на 25 лет был сдан бассейн № 3 ленинградской компании «Трансокеаник». Уже начались работы по обустройству подъездных путей. Но пожаром на «КАМАЗе» был уничтожен цех по производству двигателей — огромный комплекс под единой крышей, площадью 40 тысяч кв. м. Проект не состоялся. Нельзя не сказать еще об одном очень перспективном проекте. Президентом России Б. Н. Ельциным по совместному предложению администрации области и флота было принято решение о строительстве многофункционального порта на пустующих все послевоенное время землях, закрепленных за флотом на пункте «Восточном» в зоне Балтийской военно-морской базы. После издания Указа Президента РФ было выполнено эскизное проектирование. Порт мог иметь грузооборот, в два раза превышающий объем действующего Калининградского морского торгового порта. Он находился бы в несравненно лучших условиях функционирования, располагаясь в 3-х км от открытой части моря. Не нашлось эффективного инвестора. Проект до сих пор не реализован.

Опробовали мы аэродром «Чкаловск» для использования его грузовыми самолетами американского производства «Геркулес», но по разным причинам проект развития не получил. Многие из инициаторов проектов руководствовались скорее интуицией и здравым смыслом, чем знанием опыта других государств. В отличие от них я многое видел, побывав в портах 25-ти стран. Лишь единичные комплексы были созданы там только для ВМФ (например, база атомных подводных лодок в Холи-Лох, Великобритания), в основном силы флота базировались на выделенной части портового комплекса с обеспечением надлежащего режима. В другой части комплекса велась обычная портовая работа. Поэтому я поддерживал инициативных людей, видевших возможности использования инфраструктуры флота без ущерба его боеготовности для получения внебюджетных средств, пусть и не очень значительных на первых этапах реализации проектов, но при финансировании флота на 37 % от потребностей они были очень нужны нам.

Все, что у меня уместилось на двух страницах, требовало и времени, и личной оценки, и согласования, да и определенного риска, т. к. соответствующие структуры с идеологией и установками советского периода следили за действиями должностных лиц, вынужденных жить и служить в таких условиях, которые не укладывались ни в один из документов, изданных в условиях того строя, которого уже не было. Конечно, еще совсем недавно, никто бы и не подумал о том, как выживать. Тогда ставились задачи о 100-процентном освоении фондов, выделяемых на содержание Вооруженных сил. Теперь было другое время, другая страна, с другим строем. И все-таки при всех трудностях новое время развязывало людям инициативу на местах, а поддержка из Центра была опорой и защитой болеющих за дело флота, особенно важной, когда в стране велась целенаправленная дискредитация Вооруженных сил, гипертрофированное смакование имевших место недостатков средствами массовой информации.

Вспоминаю один из случаев, когда накануне совещания под руководством ГК ВМФ адмирала Ф. Н. Громова, в рабочем кабинете которого находились члены Военного совета ВМФ, командующие флотами, он прочитал материал, опубликованный в «Комсомольской правде», где давалась оценка моего решения по Лиепайскому гарнизону. Город Лиепая переживал те же трудности, что и гарнизон. Автобусы не ходили — не было топлива. Оставались крайне небольшие запасы только для машин скорой помощи. Отключались потребители электроэнергии, в первую очередь те, кто был в должниках. Конечно, гарнизон не платил и имел большую задолженность. Для кораблей это было настоящей бедой. Ракетный крейсер «Адмирал Зозуля» стоял с введенной паросиловой установкой, обеспечивая себя электроэнергией, сжигая в топках мазут на большие суммы денег. Но в несравненно худших условиях были малые противолодочные корабли проекта 133. 1 постройки ГДР, на которых стояли дизель-генераторы немецкого производства, их мы в запасе не имели. И эти дорогостоящие корабли, которым предстояло служить в ВМФ России 20 лет по нашим расчетам, стояли тоже под собственным электропитанием от дизель-генераторов. Я обратился к мэру города с просьбой подключить корабли к береговому питанию. С г. Висманисом у нас были всегда хорошие отношения, и я рассчитывал, что он и в этот раз пойдет навстречу. Но он мне сказал: «Делайте со мной что хотите, но я не могу дать такое приказание, а если и дам, то оно просто не будет выполнено. У нас многие предприятия отключены от электроснабжения». Но он и подсказал выход: «Вы знаете, что автобусы в городе не ходят. Давайте так сделаем: вы дадите 300 тонн дизельного топлива с базы горячего, мы на сумму, равную стоимости топлива, передадим флоту 5 новых микроавтобусов РАФ, и тогда я даю слово, что корабли будут обеспечены береговым электропитанием». Специалисты флота, прибывшие со мной в Лиепайский гарнизон, произвели подсчеты, которые совпали с представленными г. Висманисом с небольшим превышением стоимости микроавтобусов по сравнению со стоимостью топлива. Обменявшись мнениями с членами Военного совета флота, получив их

поддержку, я согласился на обмен. Составили договор и через два часа после подписания его корабли были подключены к береговому питанию, кроме крейсера «Адмирал Зозуля». Оказалось, что пока не подавалось питание с берега, часть кабеля, подводящего питание к электроколонке, была вырезана и украдена. Через три дня система была восстановлена и корабль тоже стал обеспечиваться электроэнергией с берега. Все это я доложил ГК ВМФ и сказал, что не мог поступить иначе; какой же я был бы командующий флотом, если бы не отреагировал срочно на обреченные погибать корабли. ГК ВМФ все понимал, но вынужден был послать для проведения расследования вице-адмирала В. П. Еремина, который подтвердил мой доклад.

Предпринимались попытки отключать объекты флота и в Калининградской области. Службу энергонадзора в области возглавлял бывший главный энергетик флота полковник запаса Г. В. Медведев. Он однажды попросился на прием и пришел с предложением погасить задолженность флота за потребленную электроэнергию поставкой службе энергонадзора четырех автомобилей марки «УАЗ-469». Я отказался рассматривать любые подобные предложения, сказал, что мы должны всем службам и это долг не наш, а государства. Поэтому, сказал я, если Вы дадите команду отключать объекты, я у каждого рубильника поставлю часового с автоматом, и попытки отключения будут пресечены. Таким было систематическое давление на все воинские структуры в течение длительного периода, пока не было принято специальное решение Президента РФ, запрещавшее отключение военных объектов от внешних энергоисточников. Это был первый серьезный акт, свидетельствовавший о том, что Верховный главнокомандующий не допустит дальнейшего сползания Вооруженных сил на положение нищих попрошайек.

На подведении итогов зимнего периода обучения 1993 года Б. Н. Ельцин выступил перед руководящим составом с анализом проведенной работы на начальном этапе строительства Вооруженных Сил России и установками по формированию их организационно-штатной структуры на период 1993—1995 гг. Он сказал, что военные тяжело пережили распад единого военного организма. Мы стремились к сохранению объединенных Вооруженных сил, но недооценили стремление республик к отчуждению. Пришлось сделать выбор в пользу создания Вооруженных сил России. Этим был сохранен мир в условиях, когда был утрачен 1-й стратегический рубеж. За прошедший год сделано немало: приняты законодательные акты; при активном участии Министерства обороны разработаны и утверждены основы военной доктрины и концепция внешней политики; усилены Московский и Северо-Кавказский военные округа при сокращении общей численности личного состава ВС РФ на 300 тысяч человек; сохранен главный гарант безопасности страны — стратегические ядерные силы; восстановлена система управления Вооруженными силами; преодолена деморализация и пройдена нижняя кризисная точка состояния как самих Вооруженных сил, так и уничижительно-высокомерного отношения общества к военным. Мы сумели сохранить Российскую армию и флот, теперь надо развернуть их реформирование. Нужны новые подходы к созданию группировок, формированию мобильных сил, построению системы связи, разведки, ПВО и ПРО, тылового обеспечения. К 1995 г. в ВС РФ должно быть 1,5 млн. военнослужащих с сохранением смешанного принципа комплектования, постепенно увеличивая число служащих по контракту. 27. 03. 93 г. была утверждена программа социальной защиты военнослужащих. Мы хорошо поддерживали ветеранов. Будем следить за материальным положением военных и один, а может быть, и два раза в год повышать денежное довольствие. Традиционно покритиковав за упущения в службе, Б. Н. Ельцин поставил задачи по укреплению дисциплины, порядка, сохранению материальных ценностей, сокращению аварийности, особенно в авиации. «Дела в Вооруженных силах будут зоной особого внимания и участия. Армия — это гарант стабильности в государстве», — заключил свое выступление президент страны.

Конечно, установки Б. Н. Ельцина были опорной базой в нашей работе, но не все будет идти так, как виделось Генеральному штабу и Министерству обороны, подготовившим материалы для постановки задач Вооруженным силам Верховным главнокомандующим. Например, прозвучал такой тезис: «Никакие диктаты Латвии, Эстонии не пройдут. Мы не будем выводить оттуда войска, пока не будет подготовлена база». Приходилось же на деле приспосабливать имеющуюся базу военно-морских структур на территории России для размещения выводимых соединений, частей, учебных заведений. Ничего нового нельзя было построить за короткие сроки при финансировании Вооруженных сил на одну треть от потребностей. Разве можно было бы создать учебный центр по подготовке экипажей атомных подводных лодок — РПКСН проекта 667 (а, б, бд, бдр, бдрм), ТРПКСН проекта 941, ПЛАРК проекта 675, подобный 93-му в Палдиски (Эстония)? За 30 лет (с 01. 03. 1962 г. по 1992 г.) в гарнизоне Палдиски было сдано в эксплуатацию 265 объектов, в том числе для 93-го УЦ 181 объект, для г. Палдиски — 84 объекта жилищного, культурного, социального и бытового назначения. Стоимость сооружений этого уникального комплекса составляла более 7 млрд. долларов. Там были смонтированы два корпуса атомных подводных лодок со всем насыщением. Экипаж во главе с командиром готовился на реально существующей подводной лодке, и никому не нужно было адаптироваться, придя на боевую. Все было действующим, включая атомные реакторы. Преподавательский состав был подобран из числа прошедших службу на атомных подводных лодках, что исключало какую-либо поверхностность знаний, получаемых от них каждым членом экипажа. Сдачей на допуск к обслуживанию заведений завершался цикл многомесячного обучения. Размещение личного состава было лучшим в ВМФ СССР. Весь постоянный состав был обеспечен комфортабельным жильем. Инфраструктура учебного центра обеспечивала ядерную безопасность. Все отходы ядерного цикла размещались в специальных хранилищах.

Руководство Эстонии приняло меры к тому, чтобы экипажи лодок не смогли прибывать в Палдиски. Я попытался убедить премьер-министра Э. Сависаара, что нужно оставить учебный центр и превратить его в Национальный центр ядерных исследований. Но и прогрессивный премьер-министр не стал на мою сторону.

Пришлось выполнить разрушительную работу: утилизировать стенды с действующими реакторами; организовать вывоз ядерных компонентов по железной дороге, для чего потребовалось модернизировать 8 км путей под специальные вагоны; разрезать металлические конструкции; убрать «могильники» ядерных отходов, рекультивировать почву; вывезти все оборудование тренажерных комплексов и учебных классов. Работа эта завершена была к 1 сентября 1995 года. Начальник учебного центра Герой Советского Союза контр-адмирал А. Ольховиков организовал работу по всем направлениям грамотно, безопасно и сдал объект эстонским властям без замечаний. Контроль ядерной безопасности был осуществлен как наземной, так и воздушной лабораторией на специально оборудованном для этой работы вертолете.

Так завершилась служба 93 УЦ, подготовившего для ВМФ СССР 250 экипажей атомных подводных лодок. Подготовка экипажей лодок после расформирования 93 УЦ стала осуществляться на других комплексах в России. Аналогичным был исход и для 650-го учебного центра, созданного в Риге в 1975 году по распоряжению Совета Министров СССР для подготовки командований и штабов соединений, экипажей и отдельных специалистов подводных лодок и надводных кораблей флотов дружественных нам стран. До 01. 07. 1994 г. в учебном центре было подготовлено: 4 управления соединениями подводных лодок, 3 управления соединениями надводных кораблей, 33 экипажа подводных лодок, 28 экипажей надводных кораблей, 5 экипажей подводных лодок для ВМФ СССР, 45 групп отдельных специалистов ПЛ и НК. Всего — 4311 специалистов из 17 стран. Учебная техника центра была смонтирована и установлена в

пяти учебных корпусах и на трех полигонах с общим количеством классов 132. В учебный центр входил дивизион учебных кораблей в составе: управление дивизиона, 2 ПЛ (проекта 877, проекта 641), ТЩМ проекта 266, БРКА проекта 1241, плавказарма. Администрация УЦ и иностранные военные специалисты размещались в двух гостиницах на 560 мест, в двух домах на 106 квартир. Центр имел необходимые для комфортного проживания и отдыха условия: столовую на 560 посадочных мест, кулинарный комплекс с учетом национальной кухни проходивших обучение специалистов, кафе, клуб на 240 мест, парикмахерскую, пункт проката, медицинский пункт, гараж и даже мечеть. Функционирование центра обеспечивали 812 человек. 1 июля 1994 года 650-й учебный центр был передислоцирован в Санкт-Петербург, временно на базу специального факультета Военно-морской академии имени Н. Г. Кузнецова, в дальнейшем он должен был размещаться на постоянных фондах в 96-м военном городке Ленинградской в/мб. Хорошим организатором всех многохлопотных дел показал себя начальник центра капитан 1 ранга Д. А. Даргевич.

На этих двух примерах видно, что создававшаяся десятилетиями учебная база в условиях СССР не могла быть создана на территории России «с нуля», приходилось находить приемлемые варианты, чтобы сохранить уровень подготовки специалистов для ВМФ России и флотов государств, сохранивших дружественное отношение к нам. Конечно, эта задача не могла быть решена простым перемещением обучаемых в новые места — потребовалось несколько лет, чтобы восполнить образовавшийся дефицит материальной базы и преподавателей для восстановления учебного процесса на прежнем уровне.

КАЛИНИНГРАДСКИЙ ОСОБЫЙ РАЙОН

В труднейших условиях 1993 года Министерство обороны и Генеральный штаб прорабатывали наиболее целесообразные пути строительства Вооруженных сил страны, выверяли их на мероприятиях оперативной подготовки, были проведены стратегические учения «Запад», «Центр», стратегическая командно-штабная тренировка. Во всех мероприятиях участвовал Калининградский особый район (КОР). Это разнородное объединение было создано решением министра обороны генерала армии П. С. Грачева путем оперативного подчинения Балтийскому флоту 11-й отдельной армии и группировки сил и средств ПВО, дислоцированных в Калининградской области. Решению задач КОРОм уделяли особое внимание центральные органы управления. Это логично вытекало из сложившейся обстановки после демонтажа СССР и превращения Калининградской области в анклав. При огромной загруженности в центре министр обороны, главнокомандующие ВМФ, СВ, ПВО с рабочими группами на несколько дней прибывали в Калининградскую область для глубокого изучения дел и выработки оптимального решения по построению группировки Вооруженных сил на западе страны.

В первоочередном порядке надо было определиться с группировкой сил и средств ПВО. С расформированием в 1993 году 27-го корпуса ПВО (штаб в г. Риге) 6-й отдельной армии ПВО (штаб в г. Ленинграде) значительно снизилась эффективность противовоздушной обороны Калининградской области. Силами и средствами ПВО 11 ОА и Балтийского флота невозможно было выполнить важнейшую задачу по прикрытию с воздуха сил и объектов флота, 11 ОА, административных и промышленных центров Калининградской области, в мирное время обеспечить контроль воздушного пространства и неприкосновенность воздушной границы РФ на западном направлении. Главнокомандующий войсками ПВО генерал-полковник

В. А. Прудников и его первый заместитель генерал-лейтенант В. Ф. Мирук дали научное обоснование сохранения группировки сил и средств ПВО под единым командованием. Группировка получила статус Калининградского района ПВО, органом управления которого стал штаб района ПВО численностью 40 человек (35 офицеров, 5 прапорщиков). В составе группировки войск и сил района ПВО вошли:

— непосредственно подчиненные командованию района ПВО соединения и части ПВО (183 ЗРБР, 81 РТП, 214 полк РЭБ, 1199 ЦБУ ИА, 755 ПН ИА);

— силы и средства ПВО кораблей и частей БФ, соединения и части 11 ОА, подчиненные командованию района ПВО оперативно (689 ИАП, 43 ЗРБР, 36 ЗРП «Тор» (г. Калининград), 1043 ЗРП «Тор» (г. Калининград), 1040 ОЗРДН «Куб» (г. Гусев), 157 ОЗРДН (г. Советск), 21 корабельный ЗРК, 79 ЗАК.

Управление разнородными силами и средствами ПВО осуществлялось централизованно в автоматическом режиме с КП ПВО КОР (г. Гвардейск) через заместителя командующего КОР по ПВО.

Решение о создании Калининградского района ПВО стало важнейшим показателем государственного подхода к формированию структуры ВС России на западном направлении. Оно позволило через несколько лет применить для централизованного управления всеми силами и средствами ПВО новейшие разработки ученых и конструкторов во главе с Я. Безелем. Эти работы выполнялись под непосредственным руководством статс-секретаря — первого заместителя МО РФ Н. В. Михайлова. В дальнейшем развитии системы управления силами и средствами ПВО было технически и организационно реализовано взаимодействие со структурами радиоэлектронной разведки, ПВО Республики Беларусь и Московским военным округом с налаживанием прямой связи между соответствующими оперативными дежурными. Была установлена прямая телефонная связь с ЦКП ПВО Польши для взаимного информирования о полетах воздушных судов вблизи государственной границы РФ. После решения технических и организационных вопросов было организовано, в соответствии с приказом министра обороны РФ, круглосуточное боевое дежурство по ПВО для решения основных задач:

- 1) непрерывного ведения разведки, оповещения пунктов управления войсками, силами флота;
- 2) обеспечения своевременного перевода войск и сил ПВО КОР в боевую готовность;
- 3) прекращения вторжения воздушных судов иностранных государств на западной границе РФ;
- 4) контроля за перелетами государственной границы РФ и полетами воздушных судов в приграничной 150-километровой полосе;
- 5) оказания помощи воздушным судам в случае форс-мажорных обстоятельств.

Организация района ПВО была всеми структурами воспринята как единственно правильный вариант сохранения потенциала войск ПВО СССР и обеспечения управления им в новых условиях. В дальнейшем будет осуществлен комплекс мер по обновлению сил и средств, автоматизации управления, созданию необходимых по нормативам запасов, обустройству.

Намного сложнее шел процесс осознания на всех уровнях военного управления необходимости коренного изменения группировки Вооруженных сил на западе страны. Всем было ясно, что в Калининградской области предстоит реализовать официально утвержденный и объявленный министром обороны на совещании руководящего состава ВС РФ в марте 1993 года принцип территориального управления Вооруженными силами: «Все, что дислоцируется на территории округа, подчиняется командующему войсками округа». П. С. Грачев быстро ориентировался в обстановке при личном изучении ее. Одну из своих поездок в Калининградскую область он почти полностью посвятил углубленному изучению дел на флоте. Работая на основ-

ном командном пункте флота, он связался с подводной лодкой на боевой службе в океане, рассмотрел существующую структуру флота и предложения по ее реформированию, проверил боевую готовность 12-й дивизии ракетных кораблей, специалистами Генерального штаба провел хронометраж фактического приготовления эсминца «Настойчивый» к выходу в море, встретился с офицерами в главной базе флота — г. Балтийске, поощрил отличившихся. Министр обороны остался доволен обстановкой на флоте.

Когда начальник главного оперативного управления Генерального штаба генерал-полковник Виктор Михайлович Барынькин доложил предложение Генштаба о том, что управление группировкой Вооруженных сил РФ в Калининградской области целесообразно возложить на Балтийский флот, министр обороны согласился. «Все отдать флоту» — был его вердикт. Он дал задание Генеральному штабу проработать все вопросы управления, совместно с Главкоматами ВМФ, СВ, штабами БФ и 11 ОА определить численность группировки, исходя из задач, решаемых ею в трех средах: в воздухе, на море, на суше.

А ведь в самом начале работы в конференц-зале штаба флота П. С. Грачев после традиционного заслушивания руководителей флота и армии объявил, что старшинство в группировке ВС в области возлагается на 11 ОА. В. М. Барынькин сказал тогда: «Товарищ министр обороны, у Генерального штаба есть другое мнение, разрешите нам доложить его в конце рабочей поездки». П. С. Грачев спокойно отреагировал, сказав, что для того они и прибыли, чтобы на месте принять взвешенное решение. «У вас двое суток для работы. Жду вашего доклада».

У каждой структуры — флота и армии — были свои аргументы в пользу своего старшинства. 11-я армия, в результате работы ее бывшего командующего А. И. Николаева в должности заместителя начальника главного оперативного управления Генштаба, получила статус «отдельной». Во время его командования 11-й армией мы подружились, и, провожая его в Москву, я спросил про судьбу армии. «Мы ее сделаем отдельной, а дальше будет видно», — сказал А. И. Николаев.

У флота были свои позиции, и мы считали их более весомыми. Ситуация для мирного времени была уникальной, и решение министра обороны должно было быть безошибочным. Оно таковым и стало. Подчинение 11 ОА Балтийскому флоту определялось объективными факторами. Пока это было только оперативное подчинение в структуре оперативно-стратегического объединения «Калининградский особый район». Впереди был длительный путь исследований и определения действительной жизнеспособности впервые созданной в мирное время мощной оборонительной группировки под управлением командующего Балтийским флотом — командующего Калининградским особым районом.

В 1994 году в состав флота вошла Ленинградская военно-морская база. Это укрепило позиции флота во всех смыслах. Огромный потенциал Ленинграда мог теперь напрямую использоваться в интересах старейшего флота России с большей оперативностью. Важную роль мы отводили и взаимодействию с Ленинградским военным округом в интересах Калининградского особого района.

К 1 июня 1994 года был завершен вывод сил флота и вывоз запасов из Латвии и Эстонии. Никогда не уйдет из памяти картина прощания с жителями города Лиепай, пришедшими в гавань проводить дивизион малых ракетных кораблей, уходивший навсегда из мест, где он обрел право начать службу в ВМФ СССР 20 лет назад. Оставшиеся на причале и стоявшие в строю на трех кораблях гражданские и военные люди не скрывали своих слез. Всем было трудно в эти минуты, но еще большие трудности предстоит испытать как оставшимся в Латвии и Эстонии, так и прибывшим в Россию. И все-таки была определенность на будущее, которое предстояло строить на Родине.

Два с половиной года потребовалось для того, чтобы сохранить флот и не оставить материальную базу войны в шести государствах. Мы приступили к завершающему этапу создания принципиально другого флота России на Балтике. Большую помощь во всех вопросах в эти годы оказывал нам Главкомат ВМФ. Поездки рабочих групп были частыми. Возглавляли их ГК ВМФ адмирал Ф. Н. Громов, 1-й заместитель ГК ВМФ адмирал И. В. Касатонов, начальник главного штаба ВМФ — 1-й заместитель ГК ВМФ адмирал В. Е. Селиванов, заместитель ГК ВМФ по тылу — начальник тыла ВМФ адмирал И. Ф. Васильев, заместитель ГК ВМФ по эксплуатации и ремонту вице-адмирал М. К. Барсков, другие руководители органов управления ВМФ. Не оставляли нас без внимания Министерство обороны РФ и Генеральный штаб ВС РФ.

Принципиально нас ни в чем не поправляли, отмечали старательность, настойчивость, профессиональное решение вопросов. Недостатки видели те же, что и мы. Были и действительно вопросы, требовавшие решения в Москве, и их понимание обострялось, когда руководители на месте убеждались, что флоту собственными силами с ними не справиться. С особыми надеждами мы встречали руководителей строительного комплекса Министерства обороны. Как они работали! Не было ни одного случая, чтобы нам не добавили средств на строительство жилья при крайней напряженности финансирования строителей, обеспечивавшей лишь 30 % потребностей. Генерал-полковники Н. В. Чеков, А. В. Соломатин, А. Д. Косован, О. К. Аниканов, генерал-лейтенанты В. Ф. Аистов, А. В. Гребенюк, В. А. Айнбунд совместно с руководителями строительных структур генерал-майорами Г. Г. Шинаковым, С. В. Лаптевым, полковниками В. В. Никитиным, В. Н. Ивановым, В. В. Буряковым смело шли на коренную модернизацию строительства жилья с формированием производства полнокомплектных домов серии «Слава» на 212 комбинате железобетонных изделий. Видимо, комиссий из центра все-таки было много по сравнению с советским периодом. Это признал на одном из совещаний ГК ВМФ: «Количество проверок будет уменьшено, но будет расти спрос». А вот свидетельство офицера из Балтийска, которое привожу дословно:

«Уважаемый товарищ командующий флотом, добрый день.

Среди офицеров настойчиво стали ходить слухи, что Вы чем-то не угодили нашим начальникам из Москвы. И вот они решили, что лучший способ досадить Вам — это как можно чаще проверять флот.

Владимир Григорьевич, если это так, то не падайте духом, большинство офицеров Вам верит. Я сам служил вместе с Вами в военно-морской базе и знаю Вас как честного, принципиального человека. Мне нравится Ваша манера общения с людьми.

Выражаю Вам искреннюю признательность и заверяю, что я всегда верил Вам и верить буду, чтобы ни случилось. Долго не отваживался написать Вам, но, наконец, решился и считаю, что поступил правильно. До свидания.

С уважением, капитан 1 ранга А. П. Поздеев».

Завершив передислокацию сил, средств и запасов флота на территорию России из шести государств, не потеряв при этом ни одного человека, сохранив для страны огромные ресурсы материальных средств, обеспечив создававшиеся консульские службы необходимой для них информацией и передав им по преемственности хорошие отношения с местными властями, я вправе был гордиться проделанной работой.

Но не могу не сказать об одном горьком эпизоде, который имел неожиданное продолжение. 2 мая 1994 года я работал в штабе флота. По телефону из Лиепай вышел на связь командир 34-й дивизии кораблей охраны водного района контр-адмирал В. В. Сталев, доложил, что для букси-

ровки реализованного инофирме корпуса БПК «Образцовый» прибыли польские буксиры, и спросил разрешения на выход объекта из гавани под буксирами. Все документы подтверждали законность реализации, и все-таки я приказал В. В. Сталеву лично встретиться с прокурором Лиепайского гарнизона, попросить его проверить документы и лишь после его положительного заключения разрешить буксировку. Это было исполнено, В. В. Сталев мне повторно доложил, что прокурор подтвердил правильность оформления документов и не видит никаких оснований к запрещению буксировки. Я дал разрешение, не сомневаясь в том, что документальная проверка хорошо известными мне офицерами проведена тщательно.

Через четыре дня я получил телеграмму Н. В. Буянова, что реализация корпуса корабля осуществлена с нарушениями установленного порядка. Такие же телеграммы были им направлены в различные инстанции в Москву. Центральным управлением материальных ресурсов и внешнеэкономических связей был подготовлен доклад заместителю министра обороны генерал-полковнику В. М. Топорову, где обвинялись структуры флота в нарушении приказа МО РФ № 585-93 г.

Я отреагировал докладом ГК ВМФ адмиралу Ф. Н. Громову:

«Структуры Балтийского флота не нарушали и не могли нарушать приказ МО РФ № 585-93 г. по одной, известной Вам причине — флоту не дано право заниматься реализацией имущества. Для исполнения приказа в городе Риге уже более года работает специальная группа уполномоченных ЦУМР и ВЭС, возглавляемая подполковником Н. В. Буяновым. Все необходимые данные по корпусам кораблей, подводных лодок, выведенных из боевого состава флота и подлежащих реализации, были переданы лично Н. В. Буянову еще в июле, затем в декабре 1993 года, дополнительно в январе 1994 года. Мной лично с Н. В. Буяновым по вопросам реализации было проведено четыре встречи в 1993—94 гг. Последняя из них состоялась в г. Лиепая 01. 06. 93 г. с участием командующего северо-западной группой войск генерал-полковника Л. С. Майорова, где мной было сообщено о Вашем согласии с предложением продать корпуса 29-му судоремонтному заводу на разделку как единственно реальному варианту получить хотя бы какую-то пользу для ВМФ. Н. В. Буяновым было дано обещание решить все вопросы по реализации металла в течение июня 1994 года.

Все обвинения в адрес флотских организаций, подготовленные на подпись генерал-полковнику В. М. Топорову аппаратом ЦУМР и ВЭС, носят устаревший и огульный характер. Они имеют одну цель — переложить ответственность за допущенные потери денежных средств от возможной реализации металла на тех, кто в течение трех лет обладал только одним правом — докладывать об этом в вышестоящие инстанции. Как Вам известно, за металл предлагали в 1991 году 170 долларов за тонну, в 1992 году — по 132 доллара, в 1993 году — по 57 долларов, в 1994 дадут в лучшем случае по 28 долларов. За эти годы ни одно из проработанных флотом предложений не было принято к реализации структурами центра, которым было определено право ГК ВМФ и МО РФ решать эти вопросы. Прошу Вашего приказанья вице-адмиралу В. П. Еремину на принятие срочных мер по заключению контрактов Н. В. Буяновым на реализацию корпусов кораблей и проведение финансовых расчетов до 30. 06. 94 г. — сроку завершения работы ликвидационных групп».

Каких-либо вопросов по реализации металла из Москвы не последовало. Контр-адмирал В. В. Сталев, показавший себя хорошим организатором при управлении дивизией кораблей, много сделавший для планомерного вывода сил, средств и вывоза запасов из самого крупного гарнизона флота, был Военным советом флота представлен на должность заместителя командующего БФ по боевой подготовке. Ничто не предвещало беды, разразившейся во время моего нахождения на излечении в госпитале в Москве.

Мне позвонил контр-адмирал В. Е. Степанов и сообщил, что В. В. Сталев арестован и помещен в СИЗО. Основанием для ареста послужило якобы получение взятки В. В. Сталевым за реализацию корпуса БПК «Образцовый». Я, хорошо знавший Валерия Владимировича, был уверен, что этого не могло быть. С моим возвращением из госпиталя состоялась встреча с прокурором флота генерал-майором Н. Н. Гончаренко, который настаивал на законности ареста. Я, В. Е. Степанов и Н. Н. Гончаренко служили вместе в Балтийской в/мб. Н. Н. Гончаренко был там прокурором гарнизона. Вместе проходила наша служба и в Калининграде, где он был первым заместителем прокурора флота. Мы поддерживали выдвижение его на должность прокурора Закавказского военного округа, где он получил звание «генерал-майор» и вернулся на Балтику уже прокурором флота. Я и В. Е. Степанов, приводя веские аргументы, настаивали в беседах на том, что произошла ошибка в отношении честного человека. Н. Н. Гончаренко нас не слышал. Или не хотел слышать. Мы обратились в военный суд с ходатайством об изменении меры пресечения. Я сказал на одной из встреч с прокурором и председателем военного суда генералами Н. Н. Гончаренко и В. М. Борисенко: «Вы поступаете непорядочно, удерживая человека в СИЗО уже несколько месяцев без всяких доказательств его вины, вас Бог накажет».

Конечно, не передать переживания семьи — матери В. В. Сталева Анны Григорьевны, участницы Великой Отечественной войны, награжденной боевыми орденами, дошедшей с войсками до Вены, жены Татьяны, сына — офицера флота.

Наконец, в Риге задержали гражданина Лебедева, который якобы и был взяткодателем или информатором прокуратуры о получении взятки В. В. Сталевым. Доставленный в Калининград на очную ставку, Лебедев заявил, что он только слышал разговор о том, что В. В. Сталеву могут предложить взятку. О получении взятки он не говорил. Очная ставка была осуществлена с использованием видеозаписывающей аппаратуры. Лебедева отпустили, а В. В. Сталева выпустили.

Через два дня я убывал в Ленинград, на аэродроме ко мне подошел начальник медслужбы флота генерал-майор В. Б. Губернюк и сообщил: «Сталев тяжело болен. У него рак желудка». Возвратившись через три дня в Калининград, я, сойдя с трапа самолета, услышал от В. Б. Губернюка: «В. В. Сталеву сделали операцию в главном госпитале флота». Я сразу же поехал в Балтийск навестить его. Внешне Валерий Владимирович не изменился за месяцы нахождения в СИЗО. Мы говорили в течение часа. Следующая встреча была в штабе флота после выписки из госпиталя. Он потерял в весе 42 кг. Начальник штаба флота вице-адмирал В. И. Куроедов его не узнал.

В разговоре со мной В. В. Сталев сказал, что он не сможет достроить дом в Тосно, где был выделен участок для выведенных офицеров из Лиепайского гарнизона, и им были даны ссуды на обустройство. Попросил дать ему жилье в Калининграде, а недостроенный дом предложить офицеру или мичману с большой семьей. У меня в резерве была четырехкомнатная квартира в микрорайоне «Сельма», в нее и вселился В. В. Сталев. Через восемь месяцев он скончался. Анна Григорьевна пережила сына на несколько лет.

Пройдет совсем немного времени, и генерал-майор Н. Н. Гончаренко будет осужден условно и уволен со службы. Минуло уже более десяти лет с той поры, но прощения Н. Н. Гончаренко не наступило и не наступит никогда, поскольку он поступил бесчеловечно. В последние десятилетия многое сделано для устранения дикого произвола в отношении людей, творившегося в нашей стране, для реабилитации жертв репрессий. В моем рабочем кабинете Н. Н. Гончаренко утверждал акт о реабилитации командующего флотом А. М. Щастного, расстрелянного по решению «тройки» во главе с Л. Д. Троцким. А ведь А. М. Щастному Балтийский флот и страна обязаны спасением и сохранением флота в 1918 году. Тогда еще был жив сын Алексея Михайловича Лев, который написал мне письмо с просьбой решить вопрос о выплате причитающихся денег ему как сыну реабилитированного — в размере двух окладов командующего флотом.

Я описал эти две истории, связанные с именем прокурора флота Н. Н. Гончаренко. По иронии судьбы они аналогичны по сути своей и разнятся только методами лишения жизни военных людей. Военный человек призван отдать свою жизнь, защищая Родину, как определено Присягой. И не должен становится жертвой произвола, заложником чьих-то политических амбиций или карьеристских побуждений. Да и не только военный...

Во второй половине 1994 года состоялось совместное командно-штабное учение (СКШУ) под руководством МО РФ «Северо-Запад-94», по итогам которого было принято окончательное решение по созданию Калининградского особого района, включающего БФ, Калининградский район ПВО и оперативно подчиненную 11 ОА. Приказом МО РФ № 210 от 11. 02. 95 г. командующий флотом — командующий Калининградским особым районом был назначен для руководства разнородным оперативно-стратегическим территориальным объединением (ОСТО). Тем самым завершился трехлетний этап работы по определению направлений реформирования (в широком его понимании) разнородных объединений ВС РФ, дислоцированных на территории Калининградской области. Это было началом реального реформирования группировки, потребовавшего большой работы в течение последующих пяти лет.

В конце 1994 года литовская ассоциация «Сельма» в Калининграде сдала «под ключ» первые 500 квартир. За два года в условиях заболоченной местности был выполнен весь объем инженерных работ на весь микрорайон и построено благоустроенное жилье. Надо было видеть радость людей, большинство из которых не верило в то, что такое чудо совершилось. Качество работ было таким, что не требовалось никаких дополнительных затрат на устранение привычных для всех недоделок. Въезжай и живи. В планы благоустройства мы внесли флотские элементы — в одном квадрате разместили якорь Холла, в другом — маяк. Оставшиеся 100 квартир в домах каунасской серии были сданы позже, а затем уже пошла работа по возведению домов серии «Слава» 212-го комбината ЖБИ (начальники комбината полковники В. Н. Иванов, В. В. Буряков).

Обеспечение жильем полтысячи семей значительно подняло настроение офицеров, мичманов, прапорщиков, увидевших реальную заботу министра обороны П. С. Грачева о флоте. За время моего командования флотом было обеспечено жильем 15 тысяч семей — в среднем по 1500 квартир в год. Даже сейчас, когда несравненно более благоприятная обстановка в стране, когда обеспечение жильем находится под контролем Президента России, флот за год получил в два раза меньше квартир.

БАЛТИЙЦЫ ЛЕТАТ В ЧЕЧНЮ

В декабре 1994 года перед флотом была поставлена боевая задача, которую он ранее никогда не выполнял. В соответствии с Указом Президента РФ № 2166 от 09. 12. 94 г. по разоружению незаконных вооруженных формирований в Чеченской республике, министр обороны 14. 12. 94 г. поставил задачу подготовить к отправке и боевым действиям в Чеченскую республику 879-й отдельный десантно-штурмовой батальон (ОДШБ). 22. 12. 94 г. в соответствии с директивой 1-го заместителя министра обороны за счет сил флота 879 ОДШБ начал развертывание до штатов военного времени. Этой же директивой определялись сроки боевого слаживания до 10. 01. 95 г. и готовность к выполнению задач 15. 01. 95 г. Дополнительно для подготовки резерва предписывалось сформировать к 11. 01. 95 г. две роты морской пехоты численностью по 120 человек. Всего 879 ОДШБ и резервные роты № 3 и № 4 были доукомплектованы и сформированы за счет 63-х

соединений и частей флота. Резервная рота № 3 была сформирована за счет частей Земландского полуострова, резервная рота № 4 — за счет частей Ленинградской в/мб.

Для того чтобы командир батальона занимался только решением боевых задач, на флоте моим решением были сформированы две оперативные группы — под руководством начальника береговых войск флота генерал-майора Н. Ф. Лукиянчука (10 человек) и под руководством командира 336-й бригады морской пехоты полковника Е. Н. Кочешкова с задачами обеспечения межвидового взаимодействия, организации пополнения запасов материальных средств, решения вопросов по отправке раненых — на лечение, погибших — в Балтийск, поддержания постоянной связи с командованием флота, оказания помощи командиру батальона.

При доукомплектовании 879 ОДШБ и формировании двух резервных рот исходили из следующих принципов:

- военнослужащий должен прослужить не менее 6 месяцев;
- учитывать мнение военнослужащих, предпочтение отдавать тем, кто изъявлял добровольное желание убыть в зону конфликта;
- включать лишь имевших ранее повседневное обращение с оружием (личный состав 336 ОГБР МП, береговых войск, караульных частей); не имеющих семей (жену, детей); не выходцев из республик Северного Кавказа; не проживающих в районах, граничащих с зоной конфликта; имеющих обоих родителей, не сирот.

Боевое слаживание батальона проводилось в кратчайший срок и в полном объеме проведено не было. Убытие личного состава в зону конфликта осуществлялось поэтапно. Отправка 879 ОДШБ проводилась в сложных условиях (ночью, при снежных зарядах, температуре воздуха минус 15 градусов Цельсия). 8 самолетов Ил-76 оказалось возможным принять только в аэропорту Храброво, где поддерживалась в рабочем режиме взлетно-посадочная полоса. В самолеты были помещены оружие, боезапас, техника и личный состав. Первые 5 самолетов ушли ночью, 3 остальных — утром. Всего самолетами военно-транспортной авиации убыло 686 человек (64 офицера, 26 прапорщиков, 62 сержанта, 534 матроса). При погрузке и отправке находились все члены Военного совета флота. Все прошло организованно и в установленное Главным штабом ВМФ время. Командир батальона гвардии подполковник Александр Васильевич Даркович умело руководил батальоном. Другие подразделения отправлялись железнодорожным и морским транспортом:

14. 01. 95 г. в составе инженерно-саперной роты — 28 человек (офицеров — 3, прапорщиков — 2, сержантов — 2, матросов — 21);

18. 01. 95 г. в составе взвода связи — 20 человек (офицеров — 6, прапорщиков — 5, сержант — 1, матросов — 8);

22. 01. 95 г. в составе резервной роты № 3 — 122 человека (офицеров — 8, прапорщиков — 8, сержантов — 12, матросов — 94);

20. 01. 95 г. на КИЛ-926 до Ломоносова, далее железнодорожным транспортом в составе роты материально-технического обеспечения — 37 человек (офицеров — 2, прапорщиков — 5, матросов — 30).

Отправка БМП в количестве 20 единиц на КИЛ-926 была предусмотрена резервным вариантом, который оказался основным. По установленному порядку на перевозку военной техники за 10 суток до отправки была подана заявка литовским властям, где мы указали, что техника направляется в Сибирский военный округ. Литовский друг позвонил мне и сказал, что разрешение дано не будет, власти знают, что техника пойдет в Чечню, но будет потеряно время, т. к. ответ придет к исходу 10 суток. Тогда мной было принято решение отправить технику морем до Ломоносова, далее — по железной дороге. Всего в зону конфликта в январе 1995 года убыло

893 человека и 31 единица техники. После прибытия батальона в Моздок его в период 9—11. 01. 95 г. вертолетами, железнодорожным транспортом и маршем перебросили в тыловой район ОГ «Запад» (западная окраина г. Грозного). 11—13. 01. 95 г., организовав охрану и оборону района расположения, батальон продолжал боевое слаживание. С 14 января 879 ОДШБ поротно начал занимать позиции в районе центра г. Грозный, понеся в этот день первые потери (2 человека убито, 5 человек ранено). Общая задача батальона была сформулирована так: во взаимодействии с подразделениями СВ, ВДВ, 876 ОДШБ СФ прочесывать улицы и кварталы Грозного, действовать в составе блокпостов, овладеть зданиями и важными объектами в районе Президентского дворца и, удерживая захваченные объекты вдоль центральных улиц, уничтожить незаконные вооруженные формирования.

Самые ожесточенные бои велись батальоном в районе Президентского дворца, где с 18 по 20 января погибло 15 и было ранено 27 человек. Андреевский флаг над Президентским дворцом водрузил майор Александр Плющаков. В дальнейшем батальон выполнял боевые задачи по форсированию реки Сунжа, овладению площадью Минутка, обороне КП группировки федеральных войск в Ханкале. 7 марта 879 ОДШБ был возвращен на Балтийский флот. Пролет самолетов Ил-76 через территорию Литвы власти не разрешили, поэтому батальон самолетами ВТА был доставлен на аэродром Остров в Псковской области, а оттуда самолетами БФ Ан-12 переброшен на аэродром Чкаловск в Калининград. В ходе боев потери составили: погибшими — 26 человек, ранеными — 74 человека.

Для замены 165 ПМП Тихоокеанского флота, 879 ОДШБ БФ и 876 ОДШБ СФ директивой ГШ ВС РФ определялось подготовить и направить в Чеченскую республику 106-й сводный полк МП, в состав которого вошли 877 ОБМП БФ и ОБМП СФ. Боевое слаживание 877 ОБМП проводилось с 28 марта по 25 апреля 1995 года, при этом резервная рота № 4, которая оставалась в ППД, проводила боевое слаживание в течение 3-х месяцев. Подготовка 877 ОБМП велась в отличие от подготовки 879 ОДШБ более планомерно, а главное, с учетом накопленного опыта ведения боевых действий. Командовал батальоном хорошо подготовленный гвардии подполковник Александр Максимович Чукалкин. Переброска батальона в составе 423 человек осуществлялась 3—4 мая 1995 года ВТА до Моздока и вертолетами группировки на Ханкалу. 5 мая батальон в составе сводного полка занял оборону в районе населенного пункта Герменчук с задачей контролировать дорогу Аргун — Шали, частью сил оборонять ТПУ полка, одновременно продолжать боевое слаживание для решения главной задачи — уничтожения противника в горах. С началом боевых действий 106 ПМП с 26 мая 877 ОБМП был в резерве полка. Встретив упорнейшее сопротивление боевиков и понеся большие потери, командир полка ввел батальон в бой. До 4 июня батальон в составе полка вел активные боевые действия по овладению п. Агишты, Ведено в сложнейших условиях горно-лесистой местности и ночью. В дальнейшем 877 ОБМП выполнял задачи на блокпостах, к 23 июня сосредоточился в районе Ханкала, 29 июня прибыл на Балтийский флот. В ходе боев потери составили: погибшими — 20 человек, ранеными — 52 человека.

Всего от Балтийского флота в 1995 году, с учетом оперативных групп, самостоятельных командировок офицеров и прапорщиков, приняло участие в боевых действиях 1223 человека. Потери составили: погибшими — 46 человек, ранеными — 126 человек. В ходе выполнения боевых задач личный состав показал образцы мужества, стойкости и героизма. Командиры всех частей проявляли творчество, военную хитрость, постоянно меняли приемы действий. 5 раз мне звонил начальник Генерального штаба генерал армии М. П. Колесников, благодарил за их самоотверженные действия в боях вплоть до вызова огня артиллерии на себя. За мужество и героизм более тысячи военнослужащих флота, участвовавших в боевых действиях, награждены орденами и медалями. Пять человек стали Героями России:

Гвардии полковник Кочешков Евгений Николаевич.

Гвардии подполковник Даркович Александр Васильевич.

Гвардии майор Колесников Евгений Николаевич (посмертно).

Гвардии майор Шейко Сергей Сергеевич.

Гвардии капитан Полковников Дмитрий Александрович.

Военный совет флота держал под контролем все вопросы подготовки батальонов, их действия в Чечне и реабилитацию возвратившихся воинов. В Чечню регулярно самолетами Ан-12 вылетали члены Военного совета с рабочими группами для оказания необходимой помощи на месте. Обязательно доставлялось несколько тонн различных грузов по заявкам оперативной группы береговых войск, которую после полученной травмы и отправки на лечение в Москву в госпиталь имени Н. Н. Бурденко генерал-майора Н. Ф. Лукиянчука возглавлял полковник Е. А. Самойлов. С учетом климатических условий комплектовалось дополнительное продовольствие, которое шло не только со складов флота, но и с предприятий Калининградской области. Заместитель командующего флотом по тылу — начальник тыла флота контр-адмирал М. Ф. Пинчук на месте боевых действий изучал вопросы бытового обеспечения и после возвращения в Калининград корректировал загрузку Ан-12. Самолет мог взять 10 тонн грузов, а их всегда поступало на отправку больше, поэтому отправлялось лишь то, что требовалось воинам. Внеочередным рейсом отправлялось необходимое пополнение боевого снаряжения, теплой одежды и обуви. В районы боевых действий вылетал контр-адмирал В. П. Касьянов с флотскими журналистами. 1-й заместитель командующего флотом вице-адмирал В. А. Кравченко с офицерами управления кадров в боевых условиях вручал отличившимся государственные награды. В газете «Страж Балтики», в еженедельной 30-минутной телепередаче «Честь имею» давалась правдивая информация о боевых действиях морских пехотинцев, оценках их руководством оперативной группы Министерства обороны генералами А. В. Квашниным, Л. В. Шевцовым, даваемых перед телекамерой. Сообщалось о всех погибших. Правда о войне объединяла флот и жителей Калининградской области. Предвидя неизбежные потери на войне, необходимость оказания помощи семьям погибших воинов, мы стали собирать средства, на что откликнулись не только флотские коллективы, но и руководители предприятий, жители Калининградской области.

Самым трудным было сообщать родным о гибели воинов. Первыми погибли два офицера — Е. Колесников и О. Силькунов. Сообщить вдовам о гибели их мужей я решил сам, убежденный в том, что эту самую страшную весть они должны услышать от меня. Тяжелое это было дело. Никогда не забудется горе женщин, оставшихся вдовами. Наташа Силькунова без конца повторяла: «Не верю, не верю, не верю». Альвина Колесникова, увидев меня, все поняла до того, как я ей сказал о гибели мужа. Она сжалась и все время молчала. Тела всех 46 погибших мы авиацией флота доставили из Чечни, попрощались в бригаде морской пехоты перед отправкой, по решению родственников, на место захоронения. На прощании с каждым погибшим мы были полным составом Военного совета флота. Вдовам были предоставлены квартиры с увеличением площади на одну комнату. Большую помощь оказали в оперативном оформлении документов Глава администрации (губернатор) Калининградской области Ю. С. Маточкин и мэр Калининграда В. В. Шипов. Военным советом флота, членом которого был и Ю. С. Маточкин, было принято постановление установить на флоте День памяти погибших в Чечне — 18 января, соорудить стелу с увековечиванием на ней имен воинов, отдавших свою жизнь за Родину. С тех пор каждый год 18 января в бригаду морской пехоты съезжаются родственники погибших и вместе с Военным советом флота, воинами Балтийского гарнизона участвуют в отдании почестей погибшим, чествовании всех участников войны. Ю. С. Маточкин издал специальное постановление администрации области по поддержке

семей погибших и пострадавших в Чечне. Сам в прошлом морской офицер-пограничник, он хорошо знал наши проблемы и, хотя область находилась в труднейшем положении, изыскал средства для материальной поддержки пострадавших.

Особой заботой Военного совета флота были тяжелораненные, особенно нуждавшиеся в протезировании. В одной из бесед с Председателем торгово-промышленной палаты г. Гамбурга доктором Клаусом Аше, с которым у меня установились дружеские доверительные отношения, я поделился нашими заботами о раненых. Он предложил свою помощь, пообещал, что все вопросы возьмет на себя и обеспечит протезирование немецкими специалистами с применением протезов фирмы «Отто Бок». Через короткое время после решения организационных вопросов он мне сказал, что можно отправлять людей, но попросил не говорить, что они будут жить в казармах бундсвера. В сопровождении врача мы отправили пострадавших, предварительно собрав их в штабе флота. После возвращения из Германии мы опять встретились. Это были люди с другим настроением. Немецкие друзья сделали максимум возможного, чтобы они могли нормально жить, работать и при необходимости заменить протезы в Германии бесплатно.

Собранные средства для оказания помощи семьям были распределены решением Военного совета флота с учетом материального положения семей пострадавших на войне. Большое спасибо людям, откликнувшимся на беду десятков семей оказанием бескорыстной помощи. Со всеми семьями погибших командованием бригады установлены тесные связи, ведется регулярная переписка, оказывается помощь. Четыре последующих года флот не отправлял в Чечню свои подразделения. Но 15. 11. 99 г. был отправлен расчет узла связи в количестве 48 человек. Погиб один офицер. 24. 04. 2000 г. был отправлен инженерно-саперный взвод в количестве 14 человек, 12. 04. 2000 г. — автомобильный взвод в количестве 42 человека. В каждом взводе погибло по 1 человеку. Это уже была вторая Чеченская война. И она, пусть и в меньшем объеме, но все равно требовала своей жестокой платы — жизни и здоровья военных, расплачивавшихся за ошибки политиков, предавших свою страну. В 2003 году в Калининграде я имел беседу с генерал-полковником Г. Н. Трошевым (погиб в авиакатастрофе осенью 2008 г.). Он подарил мне книгу «Моя война. Чеченский дневник окопного генерала», и многое рассказал даже сверх той правды о войне, что описана в книге. О наших морских пехотинцах он говорил только добрые слова. Еще и еще раз возвращаясь к кровавым событиям 1995 года, он находил в памяти такие детали боевой работы морской пехоты, как будто это был вчерашний бой. Низко кланяюсь каждому из моих боевых соратников — морских пехотинцев — за верность Присяге, за самоотверженные действия в боях за нашу Россию. Чечня и после установления мира продолжает забирать свои жертвы — для нее не существует разницы кто эта жертва — матрос или генерал. Ушли из жизни бывшие командиры 336-й гвардейской бригады морской пехоты БФ генералы А. И. Отраковский и Е. Н. Кочешков. На Балтике увековечили память Героев России Е. Н. Колесникова — в его честь названа улица в г. Балтийске и Е. Н. Кочешкова — его имя и фамилия на борту десантного корабля. А. И. Отраковский командовал морскими пехотинцами Северного флота. Уверен, что его память чтут на Северном флоте, как и на Балтике.

Процесс реабилитации всех, прошедших войну в Чечне, был у нас облегчен тем, что Центральный военный санаторий в Светлогорске предоставил возможность отдыха и лечения, в том числе и членам семей офицеров и прапорщиков. Главный госпиталь флота в Балтийске оказывал необходимую помощь любому нуждающемуся в ней. На флоте в инициативном порядке был открыт Центр оказания психологической помощи, где работали не только профессиональные психотерапевты, но и офицеры-воспитатели. Всю эту многоплановую работу организовывали контр-адмирал В. П. Касьянов и капитан 1 ранга В. П. Зюбанов. Всем службам гарнизона г. Балтийска были даны инструктажи по работе с людьми, перенесшими экстремальные нагруз-

ки на войне. Весь комплекс мер позволил избежать каких-либо эксцессов при возвращении большого коллектива бригады морской пехоты к плановой повседневной деятельности.

1995 год для нашей страны имел особое значение — прошло полвека со дня Победы в Великой Отечественной войне Советского Союза над фашистской Германией. В честь этой великой даты состоялись многие торжества. Значимым был в их ряду Главный морской парад в Ленинграде, которым я имел честь командовать. От руководства страны присутствовал А. Б. Чубайс — первый заместитель председателя Правительства РФ. В параде участвовали вместе с российскими кораблями иностранных государств. Принимал парад главнокомандующий ВМФ России адмирал Ф. Н. Громов. Роль флота в разгроме врага, в том числе в обороне Ленинграда и прорыве блокады города, была значительной, и проведение Главного морского парада на Неве явилось историческим признанием огромного вклада, который внесли моряки в нашу общую Победу. Жители города восторженно принимали участников парада. Моряки вели себя безупречно.

Для Калининградской области год 50-летия Победы ознаменовался всплеском провокационных заявлений различных организаций в европейских странах и США с требованиями возвратить территорию бывшей Восточной Пруссии Германии. Поводом было избрано 50-летие Потсдамского соглашения, по которому якобы территория передавалась под управление Советского Союза на полвека. Срок управления истек, СССР не существует — оба условия являются основанием для возвращения области Германии. Нашелся и в России ученый-политолог А. Дугин, который обосновывал целесообразность передачи Калининградской области Германии с целью формирования более устойчивой модели будущего Европы заключением союза между Россией и Германией на этих условиях. Частично материалы такого плана публиковались в газетах.

Зная не понаслышке о развитии событий на юге страны, жители Калининградской области были обеспокоены своей судьбой. Тем более что активно муссировалось якобы уже имеющееся решение о передаче области Германии в счет покрытия долгов России перед этой страной.

В таких условиях забота о группировке вооруженных сил, управление которой было возложено на Балтийский флот, составляла смысл всей нашей повседневной работы. То, что с созданием Калининградского особого района он был напрямую подчинен Генеральному штабу, как и было предложено мной, позволило провести его становление и оперативно решать все возникающие вопросы. На проведенном командно-штабном учении с КОР под руководством командующего БФ (КОР) с перспективой приема 11-й отдельной армии в прямое подчинение было выявлено несколько принципиальных противоречий с теорией: КОР — это не флот и не округ; в составе КОР не две и более армии, а одна; как построить оборону анклавной территории Калининградской области в круговую с протяженностью сухопутной границы до 400 км составом одной армии при нормативной ширине полосы обороны для нее в три раза меньшей; как организовать территориальную оборону области, граничащей с двумя суверенными государствами, готовящимися вступить в блок НАТО, на приграничной территории которых проживает несколько десятков тысяч российских граждан, а на территории Калининградской области проживает не менее 40 тысяч литовцев и поляков; на территории области в пенициарных учреждениях содержится до 6 тысяч осужденных, из них до 35 % — за тяжкие и особо тяжкие преступления. Как быть с ними?; по действующей Конвенции и другим руководящим документам в рамках защиты населения подлежат эвакуации старики, дети, беременные женщины и другие категории граждан — 250 тысяч человек. Куда эвакуировать людей?; районы сосредоточения, боевого слаживания и боевого предназначения, прежде всего общевойсковых соединений сухопутных войск, незначительно удалены от пунктов постоянной дислокации, друг от друга и от Государственной границы; какой должна быть система управления первым и до настоящего

времени единственным в мировой практике военного строительства разнородным оперативно-стратегическим территориальным объединением?

В США, согласно концептуальному документу Комитета начальников штабов ВС «Единая перспектива 2020», отмечалась необходимость интеграции возможностей видов Вооруженных сил. При этом подчеркивалось, что проблема объединения их усилий связана с ведомственной спецификой, интересами и различиями в определении приоритетов, а создание объединения, подобного КОРу, данным документом предусматривалось к 2012 году.

Английские должностные лица высокого ранга во время визита в 1998 году эсминца «Беспокойный» в порт Плимут под флагом командующего флотом чаще всего задавали мне вопрос: «Как вам удалось создать такое оперативно-стратегическое объединение?» У них такое объединение планируется создать в 2017 году. Я отвечал моим английским коллегам: «У нас не было такого резерва времени, и мы должны были найти выход из реально сложившейся обстановки с минимальными затратами средств и максимальным сохранением боевых возможностей каждого вида Вооруженных сил под единым управлением».

Нам пришлось идти собственным путем, многократно рассматривая все возникавшие вопросы совместно с офицерами органов управления Генштаба ВС РФ. Особенно внимательно, терпеливо, доброжелательно относились к нам генералы Ю. Н. Балуюевский, А. С. Рукшин, В. Г. Прокопенко, контр-адмирал В. И. Казаков. До принятия принципиальных решений министром обороны непосредственно в КОРе работали начальник Генерального штаба А. В. Квашнин и первый заместитель министра обороны В. М. Топоров.

Наиболее трудно проходило осмысление и формирование на основе органов управления флота единого органа управления КОР, а тем более его последующее становление, от чего зависела эффективность всей работы. Она включала в себя:

- формирование единого командования и органов управления объединения;
- создание единой системы пунктов управления, связи, АСУ, документов боевого управления;
- разработку единых документов оперативного применения, боевой и мобилизационной готовности сил (войск), всех видов их обеспечения.

Очевидно, что большинство вопросов, входящих в эти направления работы, могло быть реализовано только с получением директивных указаний Генерального штаба ВС РФ. Поэтому на предварительном этапе работы штаб флота разрабатывал предложения по постановке КОРу соответствующих задач, которые тщательно изучались в органах управления ГШ ВС РФ и в окончательно выверенной редакции докладывались министру обороны РФ на утверждение в форме директивы.

Профессионально работали над реализацией замысла создания КОР начальник оперативного управления контр-адмирал Б. Р. Домбровский и его соратники капитаны 1 ранга С. А. Ляпин, В. А. Волков, А. Н. Пырх, Г. А. Сорокин, Н. Сапрыкин, И. Д. Бачевский, В. Р. Бавленцев, капитан 2 ранга М. П. Литвинов, полковники С. Н. Дияконенко, Д. Д. Городецкий, Г. И. Гонтарь, В. В. Ворончихин, С. П. Климов, С. П. Ицкович, А. В. Честнов, В. П. Скорынин.

До создания КОР оперативное управление штаба флота успешно решало свойственные ему задачи, имея в оргштатной структуре два отдела и 23 офицера. После оценки содержания задач оперативного управления разнородного объединения и их предварительной систематизации было достигнуто, при поддержке главного оперативного управления ГШ ВС РФ, взаимопонимание с главным организационно-мобилизационным управлением ГШ ВС РФ о необходимости доведения количественного состава ОУ штаба БФ до 35 офицеров. Увеличение численности офицерского состава в основном предназначалось для обеспечения дополнительного приема нагрузки на штаб БФ, оперативного исполнения штабом БФ функций управления объединени-

ями сухопутных войск и ПВО по вопросам оперативного применения, боевой и мобилизационной готовности, оперативной подготовки, управления в целом.

Было принято решение о создании трех отделов (оперативного планирования, боевой готовности объединений, соединений и отдела оперативной подготовки), а в отделах — ряда групп по направлениям деятельности, что обеспечивало оптимальный переход на действующую структуру ГБУ КП при его развертывании. С изменением оргштатной структуры были, естественно, переработаны или заново разработаны соответствующие положения об отделах, группах, функциональные обязанности офицеров. В основу этой работы было положено изучение действующих наставлений по службе штабов (НСШ) соединений видов Вооруженных сил, тактики действий сил (войск), углубленное изучение наставления по службе оперативных штабов (НСОШ) и документов, регламентирующих совместное оперативное применение видов ВС РФ.

Увеличение численности ОУ на 12 человек было только лишь для органов управления флота. Все другие остались в прежней численности, но с увеличением функциональных нагрузок. Это была принципиальная позиция, которую я отстаивал на всех уровнях руководства ВС РФ вплоть до министра обороны. Командующим 11 ОА генерал-лейтенантом А. И. Пименовым был разработан вариант штаба КОР как органа, стоящего над всеми штабами — БФ, 11 ОА, района ПВО. Численность такого органа управления была в два раза большей, чем бравший на себя управление КОРом штаб Балтийского флота. После рассмотрения в Генштабе этот вариант не был принят. При создании единой системы пунктов управления, связи и АСУ пришлось также искать оптимальные варианты с учетом существенных различий содержания процессов управления, разнородных взглядов на построение систем ПУ и требований к их элементам, технического сопряжения средств связи и АСУ, систем боевого управления (все они развивались автономно в рамках видов ВС СССР).

Работа была организована и велась в два этапа. На первом этапе были выполнены первоочередные мероприятия, в основном организационного и частично технического характера, направленные на решение принципиальных вопросов, регламентирующих готовность и способность управлять силами (войсками) на уровне КОР. На втором этапе было организовано системное, плановое проведение мероприятий по совершенствованию всех элементов системы управления — как КОР, так и входящих в него видовых объединений. Примерами практических результатов этой работы являются создание в системе пунктов управления флота подвижного полевого ЗКП, а также внедрение комплекса «Универсал» для управления средствами ПВО КОР. Завершающими работу стали утвержденные и введенные в действие такие документы, как Положение об управлении КОР, об органах его управления, о функциональных обязанностях личного состава органов управления, о пунктах управления командующего КОР, ОКП, ЗКП, ТПУ, КПУ, об элементах ГБУ КП и многие другие, а также инструкции по организации боевого управления, использованию СБУ, табели донесений. Была проделана требующая особой тщательности работа по формированию новых пакетов боевого управления.

Заново пришлось выстраивать и систему подготовки, становления командования, личного состава органов (пунктов) управления, в первую очередь оперативной подготовки, учитывая при этом существенное обновление, омоложение и ротацию офицерского состава органов управления. В инициативном порядке в качестве «стержня» всех видов подготовки, и прежде всего оперативной, было внедрено принятие решения командующего на организацию подготовки в очередном учебном году. Это положение в 2004 году было подтверждено ГШ ВС РФ, а выработанные изначально форма и содержание решения до настоящего времени изменений практически не претерпели. Была уточнена и внедрена единая «Методика подготовки ГБУ КП с отра-

боткой задач КП-1,2,3». В 2001 году она была подтверждена директивными указаниями ГШ ВМФ с отработкой задач ГБУ-1,2,3.

Была также заведена практика подкрепления решения на подготовку оперативным заданием — так называемым «оперативным фоном», единым для всех видов подготовки. Такой подход не потерял актуальности и целесообразности и поныне, так как он, самое главное, обеспечивает единство оперативного и других видов мышления.

Штабом флота также был выполнен ряд системных наработок по возможностям и порядку восполнения потерь и наращивания боевого состава флота, обеспечения мобилизационного развертывания сил (войск), выполнения перевозок мобилизационного периода, защите населения, в том числе по выполнению эвакуационных мероприятий, порядку и содержанию приема в оперативное подчинение территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (пограничников, ГО и ЧС, УВД, УВДТ, ФСБ и др.), конфликтологии, в том числе по содержанию совместных действий разнородных территориальных сил (войск) по ликвидации различных конфликтов.

При полной новизне для штаба флота был разработан и утвержден у главнокомандующего сухопутными войсками план территориальной обороны, действующий и поныне. По результатам утверждения планов ТрО военных округов план КОР был признан ГШ СВ наиболее продуманным и обоснованным, а внесенные в него элементы новизны (по вопросам руководства, ведения ТрО в трех средах и другие) поддержаны и одобрены. Мы одновременно учились сами и разрабатывали документы и после их всесторонней оценки выходили на обучение подчиненных.

А ведь начиналась работа с выбора карты. Как на одном документе совместить «море» и «сушу», соблюдая при этом все флотские и армейские требования по масштабированию, реквизитам, нагрузке? Изначально карта согласовывалась с главным оперативным управлением ГШ ВС РФ. Флотским офицерам, в первую очередь специалистам оперативного управления и организационно-мобилизационного управления, пришлось уяснять практически, что есть мобилизационная готовность, мобилизационное развертывание, боевое слаживание. Конечно, в объеме теоретических знаний все эти понятия были усвоены на прежних должностях, а на практике, да еще в очень большом объеме, большинству флотских офицеров не приходилось их внедрять. Сухопутные офицеры в мобилизационных вопросах стояли выше флотских. Зато им приходилось глубоко вникать в специфику флотских понятий и терминов, в первую очередь касающихся боевой готовности. Взаимообучение позволяло находить подходы к решению тех вопросов, которые не имели регламентации в руководящих документах по комплексированию усилий сил (войск) по средам их применения: на море, на суше и в воздухе.

Понятное дело, что вся работа, касающаяся КОРа, требовала высочайшего напряжения сил — флот выполнял задачи в соответствии с годовым планом, и усилия органов управления были направлены на их решение. Для исследований по КОРу оставалось время после 18. 00 — официального окончания рабочего дня.

1995 учебный год был завершен вынесением благодарности флоту главнокомандующим ВМФ адмиралом Ф. Н. Грозовым. Министр обороны РФ П. С. Грачев вручил мне на подведении итогов года орден «За военные заслуги».

РЕФОРМА: ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

1996 год стал естественным продолжением большинства дел по КОРу, начатых в 1995 году. Это отвечало задачам, поставленным на год министром обороны. Главной целью года он определил дальнейшее совершенствование структуры ВС РФ, имея в виду оптимизацию стратегического и оперативного звеньев. Особо была выделена задача совершенствования органов управления. Для флота ГК ВМФ, наряду с плановой подготовкой, утвердил проведение юбилейных мероприятий, посвященных 300-летию Российского флота, основным из которых должен был стать Главный морской парад на Неве. Подготовка его возлагалась на командующего Балтийским флотом. Планировалось, что парад будет принимать Президент России Б. Н. Ельцин.

Жизнь распорядилась по-другому. После подведения итогов зимнего периода обучения министр обороны П. С. Грачев пригласил главнокомандующих видами ВС РФ, командующих округами и флотами на встречу с Б. Н. Ельциным. Она продолжалась 1 час 40 минут и носила особо доверительный характер. Б. Н. Ельцин прямо обратился к нам с просьбой поддержать его кандидатуру на пост Президента России, обрисовав всю сложность складывавшейся обстановки. После своего обращения он предложил высказаться о возможных мерах поддержки им, как Верховным Главнокомандующим, Вооруженных сил страны. Наступила пауза, которую заполнил П. С. Грачев, сказав, что сейчас можно откровенно дать предложения Президенту России, поскольку мы все знаем реальную расстановку политических сил в стране. Я попросил слова. Министр пояснил, что я служу в двух должностях — командующим Балтийским флотом и командующим всей группировкой Вооруженных сил в Калининградской области.

Я сказал примерно следующее: «Уважаемый Борис Николаевич, моряки флота и жители области знают, сколько вы для нас сделали и, безусловно, будут голосовать за вас. Что-либо радикальное для поддержки Вооруженных сил вы за короткий срок не сможете сделать. Но есть то, что вы можете сделать без материальных затрат и что будет по-хорошему воспринято не только военными, но и в обществе в целом: присвоить главнокомандующим положенные им звания — генерал армии и адмирал флота. С учетом нагнетания обстановки вокруг Калининградской области за рубежом очень нужна ваша поездка к нам. Это прекратит все спекуляции о возможном возвращении Германии территории бывшей Восточной Пруссии. Если есть возможность, прошу вас спланировать поездку в область и на флот». Президент отреагировал сразу, дал поручение подготовить указ о присвоении званий главнокомандующим и спланировать поездку. Командующий войсками Приволжского военного округа генерал-полковник А. И. Сергеев предложил присвоить звание маршала П. С. Грачеву. Подумав, Б. Н. Ельцин мягко отвел это предложение.

Б. Н. Ельцин реализовал оба моих предложения. Через несколько дней был опубликован Указ Президента России о присвоении званий главнокомандующим. В Калининградскую область Б. Н. Ельцин прибыл 22 июня. В Балтийске перед началом обхода кораблей Борис Николаевич выступил с речью перед тысячами жителей, пришедшими на встречу с ним, на площади Балтийская слава. Потом он обошел на катере все места базирования сил флота, приветствуя экипажи кораблей, выстроенных по «большому сбору» для встречи Верховного Главнокомандующего.

Чсть принимать у себя на борту Президента России досталась флагману флота — эскадренному миноносцу «Настойчивый». Возвращаясь после обхода кораблей, в салоне катера я спросил разрешения у Б. Н. Ельцина выполнить флотскую традицию, заложенную основателем Российского флота Петром Великим 300 лет назад — отмечать победу тремя рюмками водки с тостами. Мы все выпили за Россию, за флот, за победу Б. Н. Ельцина.

В Калининграде Президент России внес свою символическую лепту в строительство храма Христа Спасителя, возведение которого было уже начато военными строителями и завершится, как известно теперь, в 2005 году — к 750-летию со дня основания города. В 2006 году храм будет освящен Патриархом Московским и Всея Руси Алексием II в присутствии Президента В. В. Путина.

Проделанная работа, как на флоте, так и в области, дала высокий процент голосов за Б. Н. Ельцина. От флота доверенным лицом Б. Н. Ельцина был контр-адмирал В. Е. Степанов. С избранием Б. Н. Ельцина Президентом России на второй срок к руководству Вооруженными силами пришел генерал-полковник И. Н. Родионов. Он, работая на флоте и вникая в ранее принятые решения по формированию КОР, оставил их в силе, тем более что, будучи начальником Военной академии Генерального штаба с 1989 по 1996 год, он хорошо был информирован о проводимой нами работе.

1996 год можно с полным основанием назвать триумфом флота. Подготовка к его 300-летию, специально принятое постановление Государственной Думы по случаю юбилея, формирование детального плана проведения праздничных мероприятий, особенно Главного морского парада в Санкт-Петербурге с участием кораблей иностранных государств, потребовало больших организаторских усилий командования и штабов всех уровней. Командовать Главным морским парадом был назначен я. Хотя командир Ленинградской в/мб контр-адмирал А. И. Корнилов проделал очень большую работу, тем не менее, мне пришлось на 10 дней вылететь в Санкт-Петербург и вникнуть во все детали празднования. Мы ожидали на праздник Б. Н. Ельцина, но он не смог приехать. Высшим должностным лицом был Председатель Правительства РФ В. С. Черномырдин. Праздник прошел блестяще.

Я много лет мог наблюдать проявление любви ленинградцев к флоту, каждый год трижды находясь с кораблями на Неве. Но даже в год 50-летия Победы, когда Главный морской парад по форме почти не отличался от парада в честь 300-летия флота, не было такого скопления людей на набережных, мостах, крышах домов. Гостей было много, и все они получили должное внимание. Четко работала организационная группа, отслеживая каждого гостя. В. С. Черномырдин был растроган, благодарил за праздник. Были довольны министр обороны И. Н. Родионов и Главнокомандующий ВМФ адмирал флота Ф. Н. Громов. Считаю нужным назвать корабли юбилейного парада, команда каждого из них сделала свое дело безупречно.

— «Маршал Устинов» — ракетный крейсер СФ, командир корабля капитан 1 ранга С. И. Авакянц;

— «Петр Великий» — тяжелый атомный ракетный крейсер ТОФ, командир корабля капитан 1 ранга Е. Н. Добрышев;

— «Неукротимый» — сторожевой корабль 12 ДНК БФ, командир корабля капитан 2 ранга А. М. Кулиш;

— «А. Шабалин» — большой десантный корабль 12 ДНК БФ, командир корабля капитан 3 ранга К. Е. Дроздов;

— «Пытливый» — сторожевой корабль 30 ДНК ЧФ, командир корабля капитан 2 ранга А. Ю. Ломов;

— «Смольный» — учебный корабль Ленвмб, командир корабля капитан 1 ранга В. И. Имреков;

— «Перекоп» — учебный корабль Ленвмб, командир корабля капитан 2 ранга Д. В. Мехряков;

— «Б-440» — подводная лодка Ленвмб, командир ПЛ капитан 2 ранга К. Ю. Сырочев;

— «МПК-60» — малый противолодочный корабль Ленвмб, командир корабля капитан 3 ранга А. В. Шохин;

- «МПК-205» — малый противолодочный корабль Ленвмб, командир корабля капитан-лейтенант И. А. Белоконь;
- «ПСКР-909» — пограничный сторожевой корабль Северо-Западного пограничного округа, командир корабля капитан 3 ранга А. В. Афонин;
- «БТ-94» — базовый тральщик Ленвмб, командир корабля капитан 3 ранга К. М. Морозов;
- «Р-293» — ракетный катер 36 БрРКа Балтийской вмб, командир катера капитан-лейтенант И. В. Дыханов;
- «Р-26» — ракетный катер Ленвмб, командир катера капитан 3 ранга П. П. Бережной;
- «РТ-57» — рейдовый тральщик Ленвмб, командир корабля старший лейтенант С. В. Кириллов;
- «Ливень» — малый ракетный корабль 36 БрРКа Балтийской вмб, командир корабля капитан 3 ранга О. Н. Балащенко.

В параде приняли участие корабли Великобритании, Канады, США, Франции, Италии, Германии, Испании, Голландии, Финляндии, Индии.

Весь следующий день в штабе Ленинградской вмб ГК ВМФ принимал глав военно-морских делегаций, прибывших на празднование 300-летия флота.

В Калининградской области тоже прошли большие праздничные мероприятия. В Балтийске парад принимал первый заместитель ГК ВМФ адмирал И. В. Касатонов, он дал отличную оценку параду и водноспортивному празднику.

К концу летнего периода обучения 1996 года штаб флота завершил разработку всех документов по КОРУ, произвел необходимые расчеты потребных средств на выполнение организационно-штатных мероприятий, проработал наиболее целесообразную дислокацию соединений и частей сухопутных войск и систему материально-технического обеспечения всей группировки.

В Калининградской области в том же году произошла смена руководства. На должность Главы администрации (губернатора) области был избран Л. П. Горбенко — руководитель рыбного порта. Одержавший победу в первом туре выборов, Ю. С. Маточкин неожиданно для многих растерял преимущество и проиграл во втором. А ведь он руководил областью в тяжелейшее время и смог решить большинство вопросов жизнеобеспечения региона. Имея в руководимой им администрации грамотных управленцев, будучи сам доктором экономических наук, организовал подготовку проекта закона об Особой экономической зоне в Калининградской области, его рассмотрение в Государственной Думе, в том числе на закрытых заседаниях, принятие его и подписание Президентом России 10 января 1996 года. Этот закон открывал перед областью уникальные возможности по коренной модернизации промышленного производства, освобождая от таможенных пошлин ввозимые из-за рубежа оборудование, комплектующие изделия, материалы. При 30 % добавленной стоимости в произведенную продукцию товар считался российским и беспошлинно вывозился на основную территорию России.

Трудно проходило рассмотрение этого закона в Москве. Первым барьером стало Министерство обороны, которое дало отрицательное заключение по проекту закона. Мне, убежденному стороннику закона, пришлось трижды докладывать своему руководству, что закон не несет никакой опасности для группировки Вооруженных сил, дислоцированной в области, доказывать на закрытых заседаниях Государственной Думы необходимость принятия закона как единственного варианта обеспечения всестороннего развития региона. В конечном варианте была принята такая формула: закон распространяется на всю территорию области, за исключением объектов, имеющих стратегическое и оборонное значение. Последующие 10 лет работы закона показали, что он действительно способствовал прорыву в развитии экономики области.

А в 1996 году жители области сделали выбор в пользу Л. П. Горбенко, доверив ему управление регионом, имеющим особое значение для России. Ю. С. Маточкин, начавший революцию в экономике области и юридически закрепив ее Федеральным законом, не только не смог сам как руководитель региона реализовать плоды своих трудов, но и отдал их в руки человека, заявившего, что закон об Особой экономической зоне не нужен области. Мол, она и без него развивалась бы нормально. Это я лично слышал неоднократно, удивляясь такой позиции. Далее пришлось удивляться еще многому.

В 1996 году в руководстве Балтийского флота произошли серьезные кадровые изменения. Вице-адмиралы В. А. Кравченко и В. И. Куроедов были назначены командующими соответственно Черноморским и Тихоокеанским флотами. На должность начальника штаба БФ был назначен командир Балтийской в/мб вице-адмирал В. П. Комоедов, первым заместителем стал вице-адмирал В. П. Валув. Он сменил на этой должности вице-адмирала В. А. Попова, который, приняв вахту у В. А. Кравченко, нес ее добросовестно, пока не последовало решение ГК ВМФ о назначении его начальником штаба Северного флота. Через непродолжительное время В. П. Комоедов и В. А. Попов продолжают службу вместе на Северном флоте в должностях первого заместителя командующего флотом и начальника штаба — первого заместителя командующего флотом. Пройдет время, и они станут командующими Черноморским и Северным флотами.

В 1996 году было в основном завершено реформирование оргштатной структуры флота. Численность флота уменьшилась по сравнению с 1991 годом на 53 000 военнослужащих — в 2,6 раза. В составе флота (вместе с Ленвмб) по штату стало всего 33 400 военнослужащих.

За этот период были расформированы:

1. Военно-морских баз — 01 (Таллинская в/мб);
2. Эскадр — 1 (Балтийская эскадра разнородных сил);
3. Дивизий — 7, в том числе подводных лодок — 1 (20 ДПЛ), надводных кораблей — 3 (27 ДМДС, 32 ДПЛК, 34 ДКОВР), авиационных — 2 (132 МШАД, 57 МРАД), береговой обороны — 1 (3 ГвДБО);
4. Бригад — 11, в том числе подводных лодок — 1 (58 БрПЛ), надводных кораблей — 9 (24 БрРКА, 26 БрПЛК, 75 БрДК, 76 БрРК, 78 БрКОВР, 94 БрТщ, 118 БрКОВР, 144 БрРЗК, 166 БрУРемК), береговых войск — 1 (293 ОБРАБР);
5. Полков — 18, в том числе авиационных — 10 (15 ОДРАП, 66 МШАП, 170 МШАП, 240 ОМШАП, 321 МШАП, 263 ОТАП, 745 ОКПЛВП, 668 МШАП, 846 ОМШАП, 120 ОПСиРТО), связи — 1 (88 ОПС), химической защиты — 1 (31 ОПХЗ), береговых войск — 9 (8 ОПДП, 22 ГвАП, 27 ОБРП, 9, 273, 283 ГвПБО, 277 ТП, 710 АП, 1063 ЗРП);
6. Дивизионов — 17, в том числе ПЛ — 2, НК — 15;
7. Батальонов (дивизионов) — 21, в том числе авиационных — 8, береговых войск — 12, РХБЗ — 1;
8. Авиэскадрилий — 2 (49 ОПЛАЭ, 145 ОПЛАЭ);
9. Баз оружия и вооружения — 17;
10. Складов оружия, вооружения и материальных средств — 31;
11. Медицинских учреждений — 13;
12. Учебных отрядов и школ — 11.

На 1997 год было спланировано небольшое сокращение численности флота — на 7,9 % (2451 человек) с доведением численности до 30 952 человек, в том числе: адмиралов и генералов — 36, офицеров — 8099, мичманов и прапорщиков — 6582, старшин — 3234, матросов — 13 001. Таким образом, в 1997 году флот был бы уже в окончательно утвержденной структуре.

Мы ожидали завершающего решения по КОРу, дорабатывая те вопросы, которые возникали по ходу развития обстановки в Вооруженных силах.

22 мая 1997 года состоялось заседание Совета обороны под председательством Б. Н. Ельцина с повесткой дня: «О военном строительстве и реформировании Вооруженных сил РФ». Мы знали, как тщательно готовились к этому заседанию министр обороны генерал армии И. Н. Родионов и начальник Генерального штаба генерал-полковник В. Н. Самсонов. Заседание проходило в Министерстве обороны в зале заседаний коллегии. Перед началом работы В. Н. Самсонов предупредил нас, чтобы в выступлениях говорили правду, делая упор не на имеющиеся достижения, а на проблемы.

Настроение у всех было хорошее. Мы много лет ждали рассмотрения накопившихся проблем и определения путей их решения, перспектив военного строительства на самом высоком уровне. Нашим ожиданиям не суждено было сбыться. Открыв заседание, Президент РФ сделал вступление в присутствии средств массовой информации. Борис Николаевич был резок. Цитирую по сделанным мной записям:

«Я не просто не удовлетворен, я возмущен тем, как идет реформирование и каково состояние Вооруженных сил. Вы идете на период реформ, вы знаете, что делать, давайте делать, документы будем принимать потом. Я подписал Указ о сокращении Вооруженных сил на 200 тысяч. Министр обороны меня не понял. Расходы на Вооруженные силы должны быть 3—3,5 % от ВВП, сейчас тратим 5 %. Вы забыли, для чего существуют вооруженные силы. Вы забыли, как в других цивилизованных странах. ВС существуют для защиты от глобальной военной угрозы, сейчас ее нет. Локально армия должна качественно измениться. Армия должна чувствовать, что она находится в реформируемой стране, где ограничены ресурсы. Вы дошли до того, что у вас нет тарелок и ложек, а свои структуры не сокращаете. Число генералов растет. Россия такие расходы не может потянуть. Все ищут выход. У вас выход один — идти к Черномырдину, к Президенту, просить деньги. Вы должны думать, что делать, чтобы уменьшить затраты. Очень низко оцениваю уровень работы в этом направлении. Я не удовлетворен и должен делать вывод. Страна худеет, а генералы жиреют. Настроили дач. Генералы не заинтересованы в реформировании. Вот в чем тормоз. Министр обороны сказал, что не может с ними справиться. Я не говорю о командующих. Я говорю о генералах. Надо существенно изменить облик армии. Люди должны восхищаться людьми в военной форме одежды, как было во время войны. Поэтому ставлю двойку за проделанную работу, ее не было. Был основополагающий Указ, где все расписано. Вы сегодня должны доложить, что успели сделать. Вы опять будете говорить о будущем. А что завтра делать, не скажете. А завтра вас многих не будет. Прошло время, когда я отошел от дел. Сейчас армия в руках Верховного главнокомандующего. Все правительство должно работать на военных. Если ничего не сделано для армии, то день прожит зря. Почему не пригласили заместителей министра обороны, присутствует только Топоров? Сегодняшний день можете считать началом реформ».

Закончив вступление, Президент РФ предоставил слово министру обороны. «Сколько вам нужно времени?» — спросил он. «45 минут», — ответил И. Н. Родионов. «Вам 30 минут», — сказал Б. Н. Ельцин. «За 30 минут я не изложу материал, подготовленный на 45 минут», — ответил И. Н. Родионов. «Садитесь, вы — не министр обороны», — вынес вердикт Президент РФ. «Начальник Генерального штаба, вам предоставляется слово. Сколько вам нужно времени?» — спросил Б. Н. Ельцин. «30 минут, мой доклад сопряжен с докладом министра, рассчитанным на 45 минут», — ответил В. Н. Самсонов. «Вам 15 минут», — сказал Б. Н. Ельцин. «Я не смогу уложиться в 15 минут», — ответил начальник Генерального штаба. «Садитесь, вы — не начальник Генерального штаба», — объявил Президент РФ. Конечно, все мы, находив-

шиеся в зале заседаний, были потрясены состоявшейся расправой над уважаемыми людьми, которые пользовались большим авторитетом в Вооруженных силах.

Далее Президент РФ предложил высказаться членам Совета обороны. В. С. Черномырдин сказал, что мы тратим 5 % ВВП на Вооруженные силы страны, из них на Министерство обороны — 3,4 %. Предложил привести уровень расходов в соответствие с возможностями государства и создать комиссию по реформированию Вооруженных сил. А. Б. Чубайс сказал, что бюджет 1996 года исполнен лишь на 84 % от плана. Единственная статья, которая даже перевыполняется (36 %), — финансирование денежного довольствия военнослужащих. Замедляя сокращение численности ВС, мы подрываем боевую готовность армии и флота.

Видимо, больше выступлений членов Совета обороны не планировалось. Б. Н. Ельцин предложил выступить представителям ВС. Желающих не было. Тогда он предоставил слово Главнокомандующему ракетными войсками стратегического назначения (РВСН) генералу армии И. Д. Сергееву. Игорь Дмитриевич прошел половину расстояния до трибуны, когда Б. Н. Ельцин остановил его и объявил: «С этой минуты вы — министр обороны России». После выступления И. Д. Сергеева Президент РФ предложил должность начальника Генерального штаба ВС РФ генерал-полковнику В. С. Чечеватову, который попросил разрешения подумать.

После выступления еще нескольких представителей от ВС Б. Н. Ельцин подвел итог. Он поручил возглавить комиссию по реформированию ВС РФ Председателю Правительства В. С. Черномырдину и поставил задачу перед комиссией определить необходимую численность Вооруженных сил, при этом не наломать дров при сокращении. В комиссию Президент РФ рекомендовал включить В. Юмашева, Ю. Батурина, С. Степашина, И. Сергеева, П. Дейнекина.

Вторую комиссию он поручил возглавить А. Б. Чубайсу, в которую включить Е. Ясина, Б. Немцова и военных финансистов. Задача этой комиссии заключалась в том, чтобы разобраться с финансово-хозяйственной обстановкой в ВС РФ, предложить план решения гигантской проблемы по обеспечению жильем, решить вопрос с военными строителями, определиться с акционированием военной торговли, оставив собственно военную торговлю в закрытых городках, определить порядок распоряжения военным имуществом, исключив безвозмездную передачу военных городков коммерческим структурам, определиться с военизированными формированиями в 17-ти ведомствах. Комиссиям был дан срок работы 2 месяца — до 25 июля 1997 года, после чего они должны были доложить на утверждение планы реализации указаний Президента РФ.

По завершении заседания большинство командующих в гостинице Генштаба на Сеченовском переулке, 7а собрались обсудить итоги и высказаться о будущем начальнике Генштаба ВС РФ. Все сошлись на том, что это должен быть А. В. Квашнин — командующий Северо-Кавказским округом. Наши соображения словно услышал Б. Н. Ельцин и назначил А. В. Квашнина начальником Генерального штаба.

Теперь надо было продолжать работу с учетом того, что министр обороны обязательно прибудет в Калининград для изучения обстановки и принятия решения по КОРУ, а начальник Генерального штаба будет рассматривать группировку ВС в Калининградской области с учетом опыта войны в Чечне.

Я не ожидал, что созидательная многоплановая работа штаба флота будет под пристальным вниманием сугубо гражданских должностных лиц — представителя Президента РФ в Калининградской области, члена Военного совета 11-й отдельной армии Т. А. Полуэктовой и Главы администрации (губернатора) области Л. П. Горбенко. Ни разу не обсудив со мной вопросы реформирования группировки ВС в Калининградской области, они, используя момент смены руководства Вооруженных сил, стали направлять телеграммы в Москву. Почин положила Т. А. Полуэктова, а продолжил Л. П. Горбенко. Я привожу несколько таких телеграмм почти в дословном изложении.

В телеграмме начальнику Генерального штаба ВС РФ Т. А. Полуэктова, в частности, писала:

«1. Меня как представителя Президента РФ в Калининградской области и члена Военного совета 11 ОА беспокоит состояние организации и управления оперативно-стратегическим территориальным образованием КОР в условиях возможных геополитических изменений летом 1997 года.

2. Назначение командующим КОР командующего БФ и по сути подчинение ему 11 ОА приведет к тому, что 95 % задач будут решаться силами и средствами армии и ее штаба, а в структуре управления КОР 99 % флотских начальников.

3. Планирование операции по видам боевой деятельности, постановка задачи сухопутной группировке, управление ею командующим КОР затруднено, так как нет специалистов ракетных, артиллерийских и общевойсковых специальностей.

4. Присутствуя на учениях, я обратила внимание, что командующий армией, готовя предложение по применению сухопутной группировки, получает свои же указания от командующего КОР (БФ) в виде приказа на выполнение, но с опозданием на 5 часов.

5. Конечно, существуют и другие вопросы военного плана, которые требуют профессионального анализа и проработки, тем более что окончательное положение по КОР и руководство им Президентом РФ не принято.

6. В связи с этим прошу Вас найти возможность заслушать командующего 11 ОА генерал-лейтенанта А. И. Пименова по предназначению 11 ОА в структуре КОР.

7. Меня также волнует вопрос вмешательства губернатора области Л. П. Горбенко в расстановку кадров в 11 ОА, так как это прерогатива министра обороны и Президента РФ, а именно необъективное предложение о замене опытного командующего 11 ОА А. И. Пименова не обосновано ничем. Это вносит недоумение в коллективы военнослужащих.

Прошу Вас принять решение по поставленным вопросам».

В ответе начальник Генерального штаба писал:

«Причиной, не позволяющей более качественно решать вопросы применения родов сил, является не недостаток специалистов в штабе КОР, а систематическое невыполнение командующим 11 ОА ряда статей, касающихся положений боевой готовности. На это неоднократно указывалось генерал-лейтенанту А. И. Пименову. Проводить какие-либо слушания в Генеральном штабе нет необходимости, так как по этим вопросам А. И. Пименов заслушивался министром обороны в октябре 1996 года, где было решено вернуться к рассмотрению временного положения о КОР после окончательного определения структуры Вооруженных сил».

30. 06. 97 г. Л. П. Горбенко направил в адрес Главнокомандующего ВМФ адмирала флота Ф. Н. Громова телеграмму с оценками моей работы. Причем внешне он продолжал демонстрировать хорошее отношение ко мне. Леонид Петрович писал:

«Уважаемый Феликс Николаевич, мое обращение продиктовано интересами безопасности и социально-экономического развития региона.

Вам известны слабые места в решении этих проблем. На них заостряли внимание Черномырдин и Рыбкин. В нерешении многих из них виновен лично Егоров. Находясь в должности с 1991 года, реформированием БФ и КОР занимался малоэффективно, допустил разграбление десятков списанных плавсредств и затопление в акватории Балтийска.

Егоров не предотвратил разграбление и уничтожение многих освободившихся военных городков и объектов, не организовал действенной воспитательной работы с личным составом. Воинская дисциплина падает, внешний вид военнослужащих, военных городков и прилегающих территорий запущен.

Издано постановление Главы администрации о неудовлетворительной санитарно-эпидемиологической обстановке в гарнизоне Балтийск.

Решительных мер к наведению порядка не принимает. Не сумел наладить служебные отношения с командующим 11 ОА генерал-лейтенантом Пименовым. Решения Военного совета БФ не подкрепляет конкретной эффективной организаторской работой. Социально-экономическими проблемами области не живет, отгораживается от их разрешения, не принимает результативных мер по погашению задолженности местным поставщикам продовольствия для войсковых частей и кораблей. Под любым предлогом уходит от областного заказа на сельскохозяйственную продукцию.

Без согласования с губернатором и администрацией области проводит встречи с иностранными военными делегациями. Управление ФСБ по Калининградской области обеспокоено содержанием и направленностью при закрытых дверях переговоров.

Егоров стремится работать бесконтрольно, с мнением государственных органов региона и местного самоуправления не считается. Не искренен.

Руководство исполнительной власти области полагает, что твердые решительные установки Президента Российской Федерации на проведение военной реформы адмирал Егоров осуществить не способен, в силу своих убеждений, неготовности работать по новому и возраста.

Представляемую информацию, Феликс Николаевич, прошу принять к сведению и для учета в работе».

21. 07. 97 г. Глава администрации (губернатор) Калининградской области направил в адрес начальника Генерального штаба ВС РФ А. В. Квашнина телеграмму, в которой расставлял приоритеты, уйдя уже от личностных оценок:

«При всем уважении и любви к флоту считаю, что старшим военным начальником в области должен быть командующий сухопутной группировкой войск и его штаб.

Обоснование:

1. Будучи членом Военного совета БФ, понимаю политическую значимость присутствия БФ на Балтийском море и считаю необходимым сохранить его для решения боевых задач на море от Калининграда до Санкт-Петербурга. Их сложность и специфика потребуют от Командующего БФ и его штаба уделять главное внимание на морские задачи в ущерб управлению всеми силами и средствами на суше.

2. Штаб БФ в силу своей узкой профессиональной подготовленности не сможет в полном объеме планировать операцию сухопутной группировки и осуществлять управление ею. Опыт учений подтверждает, что абсолютное большинство задач решается силами армии и ее штаба.

3. Мобилизационные задачи в области практически решаются командующим 11 ОА через подчиненные ему военные комиссариаты. В угрожаемый период армия проводит отмобилизацию и в дальнейшем ведет территориальную оборону.

4. Ракетные войска и артиллерия армии способны планировать и осуществлять массированные огневые удары. Дублирование командования при решении этих задач, что подтверждается опытом войны и учений, нецелесообразно.

5. Сложившаяся практика взаимодействия пограничных и сухопутных войск наиболее рациональна, вмешательство в нее штаба флота неоправданно.

6. БФ не имеет возможности для тылового и технического обеспечения сухопутных войск. Предложения о доставке материальных ресурсов по морю в военное время маловероятны, а в мирное время дороже в 4 раза.

7. Трехлетний опыт существования группировки КОР под руководством командующего БФ подтвердил нежизнеспособность этой идеи прежнего руководства МО, возврат к нему, на мой взгляд, это шаг назад в деле реформирования ВС.

Уважаемый Анатолий Васильевич! Мои оценки и выводы были подтверждены генералами и офицерами Генерального штаба при посещении области в июле 1997 года. Искренне надеюсь, что они будут учтены при решении судьбы группировки войск в области и послужат делу военной реформы и реформирования ВС РФ».

14. 10. 97 г. В. П. Горбенко направил телеграмму в адрес Президента РФ Б. Н. Ельцина.

«Прошу рассмотреть мое предложение по реформированию группировки войск, дислоцированных на территории Калининградской области.

Опираясь на опыт Великой Отечественной войны, мнение специалистов Генерального штаба ВС РФ, считаю целесообразным перевести штаб БФ из г. Калининграда в г. Санкт-Петербург.

Такое решение обеспечивает гарантированно надежное управление флотом в особый период. Оно также ослабит политическую напряженность вокруг Калининградской области как излишне милитаризованного региона.

Кроме того, возвращение Санкт-Петербургу статуса столицы старейшего флота России восстановит историческую справедливость.

Этот организационный шаг не снижает боевую готовность и мобильность сухопутной и морской группировок региона в составе реформированных 11 ОА и БВМБ.

По расчетам специалистов, будет достигнута значительная экономия денежных средств за счет более низких железнодорожных тарифов на воинские грузы для Санкт-Петербурга по сравнению с Калининградом.

Надеюсь, глубокоуважаемый Борис Николаевич, на Вашу поддержку моего предложения».

На эту телеграмму последовало поручение Государственного военного инспектора — секретаря Совета обороны РФ А. А. Кокошина министру обороны РФ:

«Уважаемый Игорь Дмитриевич!

В связи с неоднократными обращениями главы администрации Калининградской области Л. П. Горбенко к Президенту РФ Б. Н. Ельцину по вопросам построения и организации управления группировкой войск и сил флота в Калининградской области, просил бы Вас дать Л. П. Горбенко необходимые разъяснения, исключаящее последующее вмешательство в решение вопросов, не входящих в пределы его компетенции.

С уважением, Кокошин».

Авторы текстов, как Т. А. Полуэктова, так и Л. П. Горбенко, думаю, не знали, что через три дня копии телеграмм, отправленных ими в Москву, лежали у меня в сейфе. Поскольку затевалась серьезная игра, в которой мог пострадать флот, я предпринимал надлежащие меры. За свою судьбу я совершенно не беспокоился — руководители, которым адресовались телеграммы, меня хорошо знали. Мне дважды предлагалась должность главнокомандующего ВМФ России, я, поблагодарив, отказался по одной причине — при назначении на должность командующего Балтийским флотом я дал слово своим соратникам и самому себе сохранить флот, каких бы усилий это ни стоило. Мой отказ был воспринят с пониманием и одновременно с предупреждением — третьего предложения этой должности не будет. Шесть лет моего командования флотом давали мне право сказать, что до достижения цели осталось совсем немного.

МЫ ВЫБРАЛИ ПРАВИЛЬНЫЙ ПУТЬ

В первый ознакомительный приезд министра обороны И. Д. Сергеева я доложил обстановку, получил его принципиальное одобрение на реализацию принятых его предшественниками решений по формированию КОР с подчинением 11 ОА командующему БФ (КОР). Он дал недельный срок для согласования структуры КОР в главных штабах ВМФ, СВ, управлениях Генерального штаба, у начальника Генерального штаба с докладом ему на утверждение. Выполнив эту работу, я прибыл к начальнику Генерального штаба А. В. Квашнину. Рассмотрев документы, он предложил в структуре штаба флота (КОР) иметь специалистов сухопутных войск и противовоздушной обороны в каждом управлении. Я доложил, что такой вариант мы исследовали и отказались от него, ограничившись увеличением численности оперативного управления на 12 человек за счет специалистов СВ и ПВО. Он попросил еще раз вернуться к предложенному им варианту, эскизно оформленному, во время нашего общения, на стандартном листе бумаги. Поскольку я не мог настаивать на подписи документа, то спросил А. В. Квашнина: как мне быть — сегодня я должен сделать доклад министру обороны по его приказанию. Он мне ответил, что к министру надо прибыть и доложить, а со штабом мы разберемся в рабочем порядке.

Прибыв к министру обороны, я доложил, что получены все согласующие подписи, кроме подписи начальника Генштаба, предложившего дополнительно рассмотреть структуру управлений штаба с включением в них специалистов СВ и ПВО. Выслушав, министр пригласил меня на заседание коллегии, которое было спланировано на следующий день. Должен был рассматриваться вопрос о плане строительства Вооруженных сил на пять лет. «Сегодня уже позднее время, завтра после заседания коллегии зайдете ко мне с начальником Генерального штаба и главнокомандующим ВМФ, тогда все и решим», — сказал в заключение министр обороны.

За ночь мы с прибывшими со мной офицерами еще раз рассмотрели структуру штаба флота (КОР) и остались на прежних позициях. Конечно, если бы мы не были жестко ограничены численностью, то предложение начальника Генерального штаба офицеры управлений штаба БФ (КОР) восприняли бы с благодарностью. Но мы знали его же решение о сокращении органов управления в 1998 году на 20 %. Поэтому лучше было остаться в прежней численности.

После завершения заседания коллегии министр обороны пригласил к себе в кабинет А. В. Квашнина, Ф. Н. Громова и меня. «Анатолий Васильевич, я вчера заслушал доклад командующего, он убедительно излагал все вопросы. Давайте мы его отпустим с результатом, ведь его там ждут. На ручку, подпиши», — сказал министр обороны, едва мы подошли к рабочему столу в его кабинете, из нас никто еще не произнес ни слова. А. В. Квашнин взял ручку министра обороны и перед тем как поставить свою подпись сказал, что он сознательно вывел меня на дискуссию о структуре штаба флота (КОР), я его убедил в рациональности органов управления группировкой в трех средах — на море, на суше и в воздухе. Поставив свою подпись, передал ручку министру обороны, который тоже поставил свою подпись, определившую создание первого в мировой практике военного строительства разнородного оперативно-стратегического объединения под единым командованием.

Утвердив структуру, министр обороны спросил меня, какова численность штаба сухопутной группировки. Я ответил, что она соответствует штабу армии — 158 человек. «Можешь добавить еще 10 человек, лишь бы не обидеть сухопутчиков. Потом, если нужно будет, можно и сократить. Всю работу надо выполнить до конца 1998 года, в 1999 году мы проверим результаты на учении под моим руководством. Желаю успехов в очень трудном деле», — сказал ми-

нистр обороны. Я специально привожу эти детали, чтобы подчеркнуть бережное отношение к будущему сухопутному объединению, основой которого была бы прославленная 11 ОА.

Вернувшись в Калининград, я объявил решение министра обороны руководящему составу флота и 11 ОА, поставил задачи по планированию практической работы штабов. Через три дня, работая в Ленинградской вmb, получил доклад начальника штаба флота о том, что 11 ОА передается в подчинение командующему войсками Ленинградского военного округа. Позвонил начальнику Главного организационно-мобилизационного управления Генштаба ВС РФ, от которого узнал, что в связи с расформированием Главкомата сухопутных войск и неготовностью директивы Генерального штаба о подчинении 11 ОА командующему БФ (КОР) на некоторое время, во избежание потери управления армией, она будет подчинена командующему войсками Ленинградского военного округа. Объединительная работа органов управления флота и 11 ОА, вследствие такого решения, была приостановлена. Более того, командующий войсками Ленинградского военного округа генерал-полковник В. С. Бобрышев прибыл со специалистами округа для приема 11 ОА в состав ЛенВО. Поработав несколько дней, он перед убытием, на аэродроме Чкаловск, сказал мне, что армия будет входить в состав округа постоянно, и то, что задумано флотом, не состоится. Я не стал вступать в дискуссию. В. С. Бобрышев, не попрощавшись, улетел в Санкт-Петербург. Надо было кому-то «хорошо» настроить В. С. Бобрышева, если он так неадекватно себя повел — ведь мы давно поддерживали нормальные рабочие и человеческие отношения.

Время шло, дела не двигались, хотя все понимали, что нужна определенность. Понятно, что ее мог внести только министр обороны. Он прибыл с большой группой генералов, адмиралов и офицеров Генерального штаба, главного штаба ВМФ. Встретив министра обороны на аэродроме Чкаловск, я предложил ему доехать до штаба флота в служебной машине командующего флотом. Он согласился. Во время переезда я сказал министру, что на заслушивании хочу резко поставить вопрос о саботаже его решения о формировании КОР. Министр сказал, что он еще острее поставит вопрос. У штаба флота встречавший на аэродроме министра обороны губернатор области Л. П. Горбенко попрощался и на заслушивании не присутствовал. Напомню, что он был членом Военного совета флота.

В конференц-зале штаба флота министр обороны заслушал мой доклад об обстановке, в заключение которого я сказал: «Товарищ министр обороны, вы дали нам царский срок для формирования Калининградского особого района — до конца 1998 года. Прошедшие два месяца со дня утверждения вами структуры КОР были месяцами саботажа вашего решения. Я предлагаю включить 11 ОА в состав флота в 1997 году и начать учебный год в единой структуре. Это дает нам возможность работать напряженно, но планоно, и использовать 1998 год для действительного объединения разнородных структур группировки Вооруженных сил, дислоцированных в Калининградской области».

Выслушал министр обороны и точку зрения командующего 11 ОА генерал-лейтенанта А. И. Пименова. Затем он сказал: кто не будет выполнять решения министра обороны, будет служить в других местах. На этом совещание в широком составе он завершил, пригласив в кабинет командующего флотом начальников управлений Генштаба, главного штаба ВМФ, меня и А. И. Пименова. В кабинете А. И. Пименов вручил министру обороны документ, содержание которого я не знал и не знаю по сегодняшний день. Министр прочитал его молча и прокомментировал вслух: «Анатолий Иванович, если бы здесь все было изложено объективно, я бы с вами согласился, но здесь нет никакой объективности». И — передал документ начальнику Главного оперативного управления Ю. Н. Балуюевскому с поручением рассмотреть. Затем министр обратился к нам с вопросом: «Какое решение принимать?». Начальник главного штаба ВМФ адми-

рал В. И. Куроедов произнес: «Товарищ министр обороны, вы уже приняли решение. Речь сейчас может идти о сроках его реализации». Я сказал: «Товарищ министр обороны, Балтийский флот реформирование завершил. Имеемая структура обеспечивает решение стоящих перед ним задач. Сократившись в 2,8 раза по сравнению с Советским флотом, мы сохранили основные силы и на ближайшие 15—20 лет обеспечим ими защиту страны с западного направления. Боевые возможности флота значительно возросли после включения в его состав группировки войск ПВО в Калининградской области, позволяющей уничтожать все типы самолетов и крылатых ракет при их массированном налете. Что касается Калининградского особого района, то проведенные исследования, опыт войны в Чечне показывают целесообразность объединения усилий сухопутных войск и береговых войск флота. Фактически 11 ОА остается и даже усиливается. Сохраняется полнокровный штаб, Военный совет, категория командующего — генерал-лейтенант, начальник штаба и заместитель командующего — генерал-майоры. Проведенная в течение почти пяти лет работа может остаться исследовательской, если есть возможность оставить все как есть, то есть сохранить 11 ОА, в ее теперешнем виде, и Балтийский флот. Но, очевидно, если бы так можно было поступить, то решение было бы принято еще вашими предшественниками. Если сегодня будет подтверждено ваше решение, мы обещаем вам добросовестно подойти ко всем вопросам и отчитаться на учении под вашим руководством в 1999 году. Я прошу вас назначить командующим сухопутной группировкой командующего расформированной армией Приволжского военного округа генерал-майора Н. Е. Макарова, который три года служил начальником штаба 11 ОА до назначения командармом. А. И. Пименову предложить должность с учетом опыта службы — за него ходатайствовали перед начальником Генерального штаба А. В. Квашниным по присвоению звания генерал-полковник Т. А. Полуэктова и Л. П. Горбенко».

Министр обороны обстоятельно заслушал всех, кто высказал свою позицию. Она была единой, подтверждающей необходимость создания группировки Вооруженных сил, дислоцированной в Калининградской области, под единым командованием. Завершая работу, министр дал ряд поручений специалистам, прибывшим с ним. А именно: ускорить издание директивы Генерального штаба о реализации его решения по структуре КОР, о переходе 11 ОА в подчинение командующему БФ (КОР) с 1 декабря 1997 года, о назначении Н. Е. Макарова командующим сухопутными и береговыми войсками Балтийского флота — так теперь будет называться это объединение.

Этими решениями был положен конец интригам на всех уровнях. В конце ноября прибыл Н. Е. Макаров, вступил в командование сухопутной группировкой. Указа Президента РФ о его назначении еще не было, поэтому он был допущен к исполнению должности приказом министра обороны. В течение двух месяцев он сумел разобраться в обстановке, лично проверил каждую единицу техники выводом ее из парка и оценил объем работ для восстановления неисправной, потребности в запасных частях и финансовых средствах. Одновременно были проработаны вопросы целесообразной дислокации соединений и частей в соответствии с изменившейся обстановкой после демонтажа Советского Союза и Варшавского блока.

Приказом министра обороны РФ для приема 11 ОА в непосредственное подчинение командующего БФ (КОР) была создана комплексная комиссия под руководством 1-го заместителя ГК ВМФ адмирала И. В. Касатонова. Она закончила работу 20 января 1998 года. На 30 января министр обороны назначил время доклада ему о результатах работы по приему армии в состав БФ (КОР) из Ленинградского военного округа. В Министерство обороны прибыли адмирал В. И. Куроедов, генерал-полковник В. С. Бобрышев, генерал-майор Н. Е. Макаров и я. Доклад был запланирован в зале заседаний коллегии Министерства обороны. Там был заранее размещен монитор, доставленный из Калининграда и предназначенный для сопровождения доклада

визуальной информацией. В ожидании прибытия министра обороны мы определились с докладчиком. Я предложил эту роль Н. Е. Макарову, согласились единодушно. В. С. Бобрышев уже забыл недавнюю размолвку, а я тем более.

Доклад был выслушан министром обороны с большим вниманием. Когда Н. Е. Макаров закончил, министр немного помолчал, потом сказал: «А теперь, Николай Егорович, повторите доклад, но с комментариями по каждой позиции». Н. Е. Макаров сделал повторный доклад, который дал министру углубленное представление о состоянии 130 соединений, частей и учреждений 11 ОА и огромном объеме работ, который надо было выполнить за год. Тут не обойтись без цифр, которые были доложены министру.

По технике и вооружению: подлежало списанию по выработке установленного срока службы и, естественно, их замене 14 800 аккумуляторных батарей, 10 778 комплектов автошин; для проведения регламентного технического обслуживания 2600 единиц автомобильной и 1281 единицы бронетанковой техники понадобится 388 комплектов РТО; 211 единиц автомобильной техники требовали регламентного ремонта; бронетанковая техника загружена боеприпасами, для выгрузки и складирования была необходима укупорка для танковых выстрелов 8000 штук; для вывоза сверхштатных боеприпасов (1257 тонн), ракет (1125 штук), не соответствующих для применения с имеющимся вооружением, сверхштатной и требующей капитального ремонта ВВТ было спланировано 24 эшелона; на складах НЗ и текущего довольствия недостает ходовых размеров костюмов утепленных 11 000 комплектов, 37 000 пар сапог, что затруднит обеспечение отмотилизования соединений и частей; не принято решение по семи высвободившимся военным городкам, которые разграблены и реализация их не представляется возможной.

Тяжелый вывод был сделан в докладе по существующей дислокации войск: «Она не обеспечивает устойчивого управления соединениями и частями, поддержания требуемого уровня боевой и мобилизационной готовности, затрудняет мобилизационное развертывание и повседневную жизнедеятельность войск, а также является одной из основных причин массового увольнения молодых офицеров, которые вынуждены заниматься в основном хозяйственными работами, а не боевой подготовкой».

Н. Е. Макаров предложил при реформировании 11 ОА основные усилия сосредоточить на приведении в соответствие с реально сложившейся обстановкой дислокации войск, на сохранении их боеспособности, боеготовности, на обеспечении построения устойчивой обороны территории Калининградской области с целью решения основных оперативных задач:

- предотвращение возможного вооруженного конфликта в зоне ответственности;
- обеспечение безопасности и устойчивости базирования Балтийского флота, защиты интересов РФ на Балтийском побережье;
- отражение возможной агрессии и нанесение противнику потерь, исключающих применение им в последующем своих Вооруженных сил.

С этой целью:

- провести передислокацию 22 частей из 8 гарнизонов и 11 военных городков, осуществив ротацию внутри гарнизонов 6 частей, и из гарнизона в гарнизон — 16 частей, что позволит содержать однотипные части в одних военных городках. При этом потребуются переместить 6001 единицу ВВТ, в том числе гусеничных машин — 961, колесных — 3926;
- вывезти из приграничных районов склады стрелкового оружия, боеприпасов, материально-технических средств и военно-технического имущества — 9873 тонны;
- сдать и разместить 5915 тонн запасов материально-технических средств;
- создать 7 объединенных аккумуляторно-зарядных станций.

Для выполнения вышеперечисленных мероприятий понадобится 2400 тонн ГМС, в том числе автобензина 1000 тонн, дизельного топлива 1400 тонн. Охрану военных объектов намечено осуществить 14 командами ВОХР, что позволит сократить 19 караулов численностью 235 человек и привлечь этот личный состав к занятиям по боевой подготовке. Расчеты показывают, что проводимые оргштатные мероприятия не увеличат общее количество бесквартирных (1118 офицеров и прапорщиков), но потребуются перераспределение жилья между гарнизонами.

По завершении оргштатных мероприятий предстоит реализовать установленным порядком 6 военных городков, в том числе казарм — 15, столовых — 7, парков — 8.

Все мероприятия и реформирования по передислокации войск надлежит провести в 3 этапа:

— 1 этап — с 1 февраля по 1 мая 1998 года. В течение этого времени провести оргштатные мероприятия в соответствии с директивой № 314/5/0736 от 15. 11. 97 г. и подготовить места хранения техники, запасов МТС, жилой и казарменный фонд для передислоцированных частей; переместить 20 % запасов МТС и 42 % ВВТ от планируемых;

— 2 этап — с 1 мая по 1 июля 1998 года. На этом этапе технику и запасы МТС переместить в подготовленные парки и складские зоны;

— 3 этап — с 1 июля по 1 декабря 1998 года. На последнем этапе поставить технику и вооружение на хранение. Создать базу мобилизационного развертывания. Привести военные городки в образцовое состояние.

В результате проведения всех указанных мероприятий будет достигнута наиболее оптимальная повседневная дислокация соединений и частей С и БВ БФ с сокращением общего числа гарнизонов, в первую очередь приграничных (Чернышевское, Долгоруково, Корнево, Мамоново) и укрупнением состава гарнизонов на линии Гусев, Черняховск, Гвардейск, Калининград с обеспечением наиболее благоприятных условий для мобилизационной готовности, мобилизационного и оперативного развертывания соединений и частей, плановой боевой подготовки.

По завершении доклада Н. Е. Макарова министр поинтересовался, сколько все это будет стоить. Н. Е. Макаров назвал сумму. Министр сказал, что расчеты в течение двух месяцев проверит финансово-экономическое управление. (Денег мы не получили, но за счет перераспределения внутренних ресурсов флота обеспечили выполнение плана 1998 года). Министр утвердил все предложения, доложенные Н. Е. Макаровым.

Весь этот год, особенно весну и лето, мы использовали для решения задач коренного реформирования соединений и частей 11 ОА. Я скорректировал планы боевой подготовки кораблей, сократив число выходов в море, благодаря чему топливом 11 ОА была обеспечена на 100 %. Н. Е. Макаров и его подчиненные, включая, конечно, морских пехотинцев и ракетчиков флота, работали очень напряженно. Видно было, что проводимая работа нравится людям. Никаких происшествий при выполнении всего объема работ не было. Пример показывал генерал Н. Е. Макаров. Он установил тесные взаимоотношения с руководителями структур флота, и на рабочем уровне многое решалось по принципу взаимодействия. Обладая спокойным характером и таким объемом профессиональных знаний, которых мы ни у кого до работы с ним не видели, он был очень скромным в общении, одновременно твердо отстаивающим те позиции, которые считал правильными. Отслужив 17 лет в Забайкалье и завершив там службу командиром дивизии, он знал цену настоящего воинского труда.

Помню поразившее меня обращение Н. Е. Макарова с просьбой дать ему возможность слетать в Санкт-Петербург, где он за свои 45 лет ни разу не был.

С таким командующим можно было решить любые задачи. И мы их решили, выполнив все мероприятия, утвержденные министром обороны РФ И. Д. Сергеевым на 1998 год.

Идея формирования оперативно-стратегического объединения была реализована на практике. В этом году решением городского Совета депутатов мне было присвоено звание «Почетный гражданин Калининграда». Указом Президента РФ Б. Н. Ельцина я был награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени. Орден мне вручил в Кремле сам Б. Н. Ельцин. В этом году мне исполнилось 60 лет.

Что же представлял собой флот? По состоянию на 1 января 1999 года на Балтийском флоте служило 34 466 военнослужащих, в том числе 9640 офицеров. В его составе находились:

Корабельные силы:

Ленинградская ввб (4 дивизия кораблей в составе 2-х бригад — 25 БрПЛ и 105 БрКОВР);
Балтийская ввб (36 БрРКа, 64 БрКОВР);
12 дивизия надводных кораблей (128 БрНК, 71 БрДК);
72 отдельный дивизион разведывательных кораблей.

Морская авиация:

4 отдельный морской штурмовой авиационный полк (ОМШАП) (аэр. Черняховск);
689 истребительный авиационный полк (ИАП) (аэр. Нивенское);
288 отдельный вертолетный полк (ОВП) (аэр. Нивенское);
396 отдельная корабельная противолодочная эскадрилья (ОКПЛВЭ) (аэр. Донское).

Район ПВО:

43 зенитная ракетная бригада (ЗРБр);
183 зенитная ракетная бригада (ЗРБр);
81 РТП;
214 полк радио-электронной борьбы (ПРЭБ).

Сухопутные и береговые войска:

1 мотострелковая дивизия с кадрам 18 МСД;
152 ракетная бригада;
336 отдельная бригада морской пехоты;
689 реактивно-артиллерийский полк;
25 отдельный береговой ракетный полк;
1651 отдельный береговой ракетный дивизион (Ленввб);
3598 БХВТ (артиллерийской бригады);
385 БХВТ (танковой бригады);
196 БХВТ (танковой бригады).

В 1999 году предстояло держать экзамен перед министром обороны на учении «Запад-99» под его руководством. Мы тщательно готовились. На Правдинском полигоне было проведено учение, равного которому не было 10 лет до этого и все годы после. Министр обороны присутствовал на учении весь период и дал отличную оценку действиям войск. Он подписал приказ о поощрении личного состава и после учения наградил отличившихся, присвоил звания офицерам досрочно и на ступень выше занимаемой должности.

Мы гордились слаженной работой всех органов управления, действиями танкистов, артиллеристов, воинов сухопутных войск во всех фазах учения, четким взаимодействием с истребительной и штурмовой авиацией, боевыми вертолетами, транспортной авиацией, выбрасывавшей воздушный десант, спасательными вертолетами. При проведении учения не пострадал ни один человек.

Запомнилась оценка, данная И. Д. Сергеевым генерал-майору Н. Е. Макарову: «Николай Егорович, у тебя большое будущее». И оно сбылось. Назначенный вскоре начальником штаба Московского военного округа, он показал себя хорошим организатором и заслуженно был на-

значен командующим войсками Сибирского военного округа, стал генералом армии, заместителем министра обороны по вооружению. А теперь — начальник Генерального штаба Вооруженных сил России.

А тогда, завершив учение, я предложил министру обороны — в прошлом морскому офицеру — отметить успех, достигнутый большим трудом, в полевой палатке, где специалисты военторга организовали ужин. И. Д. Сергеев согласился, и мы имели возможность еще один час общаться в неформальной обстановке. Настроение у министра было прекрасное, и он сказал, что на боевой практике убедился в правильности решения по созданию оперативно-стратегического объединения под единым командованием. Аналогичную структуру будут создавать на Камчатке.

1999 год стал для нас годом укрепления доверия моряков, летчиков, сухопутчиков, специалистов ПВО. Мы многому научились друг у друга и в повседневной службе и в боевой работе. И главное — мы убедились в правильности выбранного пути реформирования флота. Это очень важный результат, потому что в военном деле ошибки недопустимы. Даже в мирное время.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ МИССИЯ ФЛОТА

Решая внутренние вопросы, флот не ушел только в них, а значительно расширил свою международную деятельность. Это определялось изменениями во внешней политике государства, создававшими условия для установления контактов с флотами, ранее противостоявшими Балтийскому. Калининградскую область открыли для посещения иностранцами, а Балтийск — для захода иностранных военных кораблей.

Международные контакты велись по следующим основным направлениям:

- визиты кораблей, судов, яхт БФ в порты иностранных государств;
- визиты и деловые заходы в Балтийские порты и базы флота иностранных военных кораблей;
- визиты групп самолетов;
- визиты на БФ делегаций, возглавляемых представителями военного, военно-морского руководства иностранных государств, НАТО;
- посещение флота представителями иностранных государственных органов, общественных и международных организаций;
- участие сил флота в международных учениях;
- ремонты кораблей и судов за границей;
- дальние походы судов гидрографической службы флота для выполнения специальных задач;
- деловые заходы кораблей и судов в порты иностранных государств.

Начало регулярных контактов Балтийского флота с иностранными флотами на новом этапе положил официальный визит отряда боевых кораблей в составе: ЭМ «Быстрый», СКР «Неукротимый» под флагом командира Балтийской эскадры разнородных сил контр-адмирала В. И. Литвинова в Киль в июне 1990 года. С тех пор число визитов и деловых заходов в порты иностранных государств стало исчисляться десятками каждый год. Ряд визитов был посвящен важным общественно-политическим событиям — как в жизни иностранных государств, так и в жизни нашей страны. К примеру, таких, как:

— 300-летие Российского флота. Осуществлены визиты: учебного корабля «Перекоп» под флагом 1-го заместителя ГК ВМФ адмирала И. В. Касатонова в Болгарию, Италию, Францию в

1995 году и в Нидерланды под флагом командира 4-й дивизии надводных кораблей контр-адмирала В. И. Флоряка в 1996 году;

— поход яхты «Арктика» вокруг Европы с посещением 22 портов 9 стран Европы и Африки в 1996 году под руководством помощника командующего БФ капитана 1 ранга Н. А. Комарова;

— 300-летие Великого посольства Петра I. Осуществлены визиты: сторожевого корабля «Неукротимый» под руководством контр-адмирала А. А. Римашевского в Нидерланды в 1997 году и эскадренного миноносца «Беспокойный» в Голландию, Бельгию, Великобританию под флагом командующего БФ в 1998 году;

— 100-летие Кильского канала. Визит сторожевого корабля «Неустрасимый» под флагом командира 12-й дивизии надводных кораблей контр-адмирала В. Ю. Кудрявцева в Киль в 1995 году;

— 100-летие посещения Императором России Николаем II Франции. Визит эскадренного миноносца «Настойчивый» под флагом командира 12-й дивизии надводных кораблей контр-адмирала В. Н. Апановича в Шербур в 1996 году;

— 75-летие Военно-морских сил Южно-Африканской республики. После более чем 100 лет со времени посещения российского корабля визит эскадренного миноносца «Настойчивый» и танкера «Лена» под флагом командира 12 ДНК контр-адмирала В. Н. Апановича в Кейптаун в 1997 году;

— 50-летие высадки союзных войск в Нормандии во время Второй мировой войны. Визит эскадренного миноносца «Настойчивый» под флагом командира Балтийской эскадры разнородных сил вице-адмирала В. П. Комоедова в Руан, Гавр в 1994 году;

— 50-летие освобождения Нидерландов союзными войсками. Визит большого десантного корабля «БДК-61» под руководством контр-адмирала А. А. Татарина в Роттердам в 1995 году.

Наиболее важными общественно-политическими событиями России, в связи с которыми на БФ прибывали с визитами иностранные военные корабли, являлись:

— 50-летие Победы в Великой Отечественной войне, 1995 год. В Главном морском параде участвовало 6 иностранных кораблей из 5 стран (Бельгия, Великобритания, Нидерланды, США и Франция);

— 300-летие Российского флота, 1996 год. В мероприятиях в Санкт-Петербурге и Калининграде приняли участие корабли из 14 стран (Великобритании, Канады, США, Италии, Германии, Испании, Индии, Нидерландов, Франции, Финляндии, Польши, Швеции, Дании, Литвы);

— 300-летие Великого посольства Петра I в Европу, 1997 год. На мероприятиях в Калининграде побывали 4 иностранных корабля из 3-х стран (Дания, Нидерланды, США);

— 50-летие авиационного полка «Нормандия—Неман» — визит группы французских самолетов «Мираж» (аэродром Чкаловск);

— 55-летие авиационного полка имени А. И. Покрышкина — визит группы шведских самолетов «Вигген» (аэродром Нивенское).

Состоялись также визиты 750-й учебной эскадрильи Королевских ВВС Великобритании на самолетах «Джен-Стрит» (аэродром Чкаловск), группы немецких самолетов «Торнадо» (аэродром Чкаловск). Мы смогли ответить только одним визитом группы самолетов Су-27 в Швецию под руководством командира полка В. Б. Шекурова.

Наряду с визитами и заходами иностранных кораблей в порты, визитами групп самолетов, резко увеличилось количество визитов на флот иностранных делегаций, возглавляемых руководителями военных ведомств, командованием ВМС, представителями командования НАТО, а также гражданских государственных и общественных организаций, деловых кругов и средств массовой информации.

На этих встречах обсуждались меры доверия в регионе Балтийского моря, укрепление двусторонних и многосторонних отношений, разъяснялась позиция командования флота по реформированию флота и группировки Вооруженных сил в Калининградской области, решались конкретные вопросы, представляющие взаимный интерес.

Важную роль в развитии контактов, укреплении доверия и взаимопонимания между БФ и флотами других стран играли совместные международные учения. Начиная с 1993 года, корабли БФ стали принимать участие в ежегодных учениях «Балтопс», проводимых под эгидой США в Балтийском море. Первым кораблем, принявшим участие в этом многостороннем учении, был сторожевой корабль «Бдительный».

Корабли БФ участвовали в международных учениях «Совместные действия-94» в Северном море в 1994 году, в германо-российских учениях в предпроливной зоне Балтийского моря в 1994 году, в британско-российских учениях по спасению на море в проливе Ла-Манш в 1998 году.

Морские пехотинцы БФ в 1998 году приняли участие в международных учениях «Кооператив Ягуар-98», проведенных в Дании в рамках программы «Партнерство ради мира». Для повышения уровня взаимопонимания и предотвращения опасных ситуаций большое значение имели двусторонние учения и тренировки по отработке связи и действий в рамках «Соглашений по предотвращению инцидентов на море за пределами территориальных вод». Такие учения и тренировки регулярно проводились кораблями флота совместно с кораблями и самолетами иностранных ВМС (Великобритании, Германии, Италии, Нидерландов, США, Франции).

С 1990 по 1998 год 81 корабль и вспомогательное судно БФ (в том числе 37 боевых кораблей) прошли ремонт или докование на заграничных судостроительных верфях: Польши — 42 единицы, Германии — 26 единиц, Латвии (после провозглашения независимости) — 5 единиц, Болгарии — 4 единицы, Финляндии — 2 единицы, Швеции — 1 единица, Эстонии — 1 единица. До середины 1994 года ремонт осуществлялся на польских судостроительных заводах. В 1995 году ремонт в Польше был полностью прекращен. Основным партнером по ремонту кораблей и судов за границей стала Германия. С 1995 года ремонт кораблей и судов стал осуществляться на российских заводах.

В целях выполнения комплексных океанографических исследований Мирового океана, а также по межправительственному соглашению с Кубой и по договорам с российскими и международными организациями, гидрографические суда БФ проводили работы в Атлантическом океане, прибрежных водах Кубы и в операционной зоне флота. За период с 1990 по 1998 год суда гидрографической службы флота совершили 13 дальних походов, посетили 10 стран, совершили 57 заходов в 17 портов.

Особенно плодотворно развивались у флота отношения со структурами вооруженных сил Белоруссии, имевшие давние корни. Вплоть до конца 1993 года в состав БФ входил первый учебный Краснознаменный ордена Ушакова отряд с дислокацией в Пинске. Этот отряд готовил младших специалистов для всего Военно-Морского Флота СССР и России. 336-я отдельная гвардейская бригада морской пехоты флота имеет корни в Белорусском военном округе. До 1963 года это был 336-й гвардейский мотострелковый полк 120-й гвардейской мотострелковой дивизии, после передачи его флоту он был переформирован в 336-й отдельный гвардейский полк морской пехоты, а затем — в бригаду.

Реальной иллюстрацией союзного государства Россия—Белоруссия была гордость Вооруженных сил страны — 1-я Гвардейская мотострелковая Пролетарская Московско-Минская ордена Ленина, дважды Краснознаменная орденов Суворова и Кутузова дивизия. Посетив дивизию 05. 10. 96 г., министр обороны РФ генерал армии И. Н. Родионов сделал запись в книге

почетных посетителей: «Пока существуют Вооруженные силы страны, должны оставаться в строю соединения, подобные легендарной Пролетарской мотострелковой».

Имея такую крепкую базу недалекого прошлого, мы наращивали потенциал боевого содружества. Двум кораблям — пограничному сторожевому кораблю и большому десантному кораблю — были присвоены наименования столицы Белоруссии — Минск.

Благодаря скоординированным усилиям специалистов противовоздушной обороны Белоруссии и Калининградского района ПВО под управлением штаба флота были проведены тактические учения с пусками ракет комплексов «С-300» по корабельным ракетам-мишеням, запускаемых с катеров 36 БрРКа. При этом зенитные ракеты были доставлены из Белоруссии.

Вначале стрельбы выполняли расчеты 183-й зенитной ракетной бригады флота. Белорусские специалисты, прибывшие в район развернутой позиции зенитного ракетного дивизиона за три недели до пусков и отработавшие все действия на таком же уровне, как и флотские, не могли быть поставлены в условия стрельб первыми. Мы понимали, что впервые выполняемая ими стрельба должна быть исполнена только на «отлично». Я видел, как волновался начальник противовоздушной обороны Белоруссии — ведь такие учения с пусками зенитных ракет комплексов С-300 с развернутой позиции в районе мыса Таран по крылатым ракетам не проводились даже в советское время.

Учения прошли блестяще. Для нас было важно, что мы, работая на единой технике, пользуемся едиными методиками подготовки расчетов и будем иметь одинаковый результат при отражении реальных массированных налетов авиации и крылатых ракет. Логичным было решение о несении боевого дежурства по противовоздушной обороне в интересах союзного государства.

Конечно, все вопросы международного сотрудничества находятся под личным контролем командующего флотом. В большинстве из проводимых мероприятий его участие является обязательной нормой. А уж тем более визиты кораблей под флагом командующего требуют больших усилий — как при их подготовке, так и при проведении. Мне особенно запомнился визит эскадренного миноносца «Беспокойный» в три государства: Нидерланды, Великобританию, Бельгию. Этот поход продолжался три недели. Походный штаб и экипаж при очень напряженном режиме не допустили ни одной ошибки как при обслуживании оружия и технических средств, так и при проведении всех мероприятий по программам визитов.

В 1999 году состоялся визит в Швецию одновременно трех кораблей: эскадренного миноносца «Беспокойный» в порт Стокгольм и малых ракетных кораблей «Пассат» и «Ливень» в порт Карлскруна. Общее руководство визитом осуществлял командующий флотом, державший флаг на «Беспокойном». Старшим на визите в Карлскруну был командир Балтийской вmb вице-адмирал В. Н. Апанович. С моряками и летчиками этой страны у Балтийского флота установились добрые отношения. Мне дали возможность посмотреть то, что никому не показывалось: сформированную в скальных вырубках, огромных по объему, военно-морскую базу со складами вооружения, материально-технических средств, доком на одновременное докование восьми кораблей. Таких баз планировалось создать четыре. Смогли построить только одну. Побывал я на новейшей подводной лодке, в соединении амфибийных сил, был ознакомлен с технологией строительства корабля на основе кремнийорганических материалов, не уступающих по прочности стали. По словам адмирала Линда — генерального инспектора ВМС Швеции, достаточно всего шести таких кораблей, не обнаруживаемых радиолокационными системами противника, вооруженных крылатыми ракетами, для контроля Балтийского моря. Флот Швеции сокращался на 50 %, корабли предлагались на реализацию другим государствам. Визит позволил многое понять, сделать практические шаги по углублению сотрудничества между корабельными соединениями, летчиками, морскими пехотинцами.

Визит в Польшу эсминца «Настойчивый» в 2000 году. Его отделяли от последнего визита еще советского корабля 12 лет. Много произошло изменений — как в нашей стране, так и в Польше. Командующий ВМС Польши адмирал Р. Лукасик официально заявил о необходимости восстановить существовавшие между БФ и ВМС Польши отношения делового сотрудничества. Мы обсудили меры по совместным действиям на море в случае происшествий и катастроф, что особенно актуальным стало после гибели АПЛ «Курск», по организации оповещения о начале и окончании маневров и учений, взаимодействия в борьбе с экологическими опасностями, установлении прямой линии связи между командными пунктами.

Во время визита была возможность встретиться со многими друзьями — как офицерами флота, так и руководителями судостроительных предприятий. В личных взаимоотношениях между нами ничего не изменилось, невзирая на совершенно другие политические реалии. Мы общались на русском языке, и это многое значило в откровенных беседах.

После демонтажа Советского Союза значительно снизились поставки кораблей иностранным заказчикам. Так, в 1992 году была передана всего одна подводная лодка проекта 877 ЭКМ — Ирану. В 1993—94 гг. передача не осуществлялась. В 1995 году переданы 2 ПЛ проекта 877 ЭКМ — Ирану и Китаю. В 1996 году передач не было; в 1997 году переданы 2 ПЛ: проекта 636 — Китаю, проекта 877 ЭКМ — Индии. В 1998 г. передана 1 ПЛ проекта 636 Китаю, в 1999 г. передан ЭМ проекта 956 Э Китаю; в 2000 г. передано 3 корабля: 1 ПЛ проекта 877 ЭКМ — Индии, ЭМ проекта 956 Э — Китаю, МДКВП «Зубр» — Греции. В этом году была завершена передача кораблей проекта 11356, построенных на Балтийском заводе в Санкт-Петербурге для ВМС Индии. Все испытания и переходы кораблей, подводных лодок обеспечивал Балтийский флот, принявший вахту от Советского флота по обеспечению важных государственных контактов.

Международная деятельность Балтийского флота, несравненно более активная по сравнению с советским периодом, возрождающееся военно-техническое сотрудничество между Россией и дружественными нашей стране государствами с определенной долей вклада в него флота способствовали улучшению политического климата и укреплению доверия в регионе Балтийского моря, взаимопониманию и переходу к плодотворному сотрудничеству.

В 1999 году я защитил диссертацию в Высшем военно-морском училище имени М. В. Фрунзе и получил диплом кандидата военных наук. Научным руководителем у меня был доктор военно-морских наук, профессор Аркадий Петрович Блинов. Защита и собеседование в Высшей аттестационной комиссии прошли в хорошей уважительной атмосфере. Некоторые члены диссертационного совета помнили меня еще курсантом училища. А. П. Блинов настойчиво предлагал мне продолжить работу над докторской диссертацией — мной был собран материал, значительно превосходящий объем кандидатской диссертации. Но я отказался и передал наработанные материалы моему более молодому соратнику, который через несколько лет, проведя большую исследовательскую работу, стал доктором военных наук.

НЕ РАДИ ВЛАСТИ

К 2000 году я выполнил задачи, которые ставил перед собой. Они потребовали больших усилий и умения. Рабочий день был жестко регламентирован, полностью подчинялся интересам службы. В отпуск все годы я уходил в сентябре-октябре. Семье внимание мог оказывать только во время отдыха. У нас с Людмилой уже было три внука и внучка, большую часть времени они жили у нас, так как дети были заняты по службе и работе.

Мне шел 62-й год, московское руководство о сроках службы мне ничего не говорило, и я подумывал о том, что буду служить до 2003 года, когда мы отметим 300-летие Балтийского флота.

До середины года мы активно совершенствовали структурные элементы флота. Теперь оперативно-стратегическое объединение, ранее именовавшееся Балтийский флот (Калининградский особый район) стало именоваться Балтийским флотом. Скобки были убраны в 1998 году. Сейчас нам приходилось решать задачи, которые ставил Главнокомандующий ВМФ. Напомню, что мы получили оперативную директиву при создании КОР за подписью министра обороны РФ, что позволяло многие вопросы решать напрямую с управлениями Генерального штаба, информируя ГШ ВМФ. Теперь порядок работы изменился, но, поскольку все принципиальные вопросы не претерпели изменений, то мы легко вписались в обычную практику работы по подчиненности.

Зимний период обучения 2000 года флот завершил с хорошими результатами. Летом флот должен был участвовать в учении «Боевое содружество-2000» под руководством министра обороны РФ с проведением тактического учения по отражению массированного налета средств воздушного нападения и выполнением зенитных стрельб комплексом С-300 по пяти крылатым ракетам, идущим на высоте 50 метров. В учениях и стрельбах принимали участие белорусские расчеты.

С первых дней летней учебы мы организовали тщательную подготовку по всем направлениям. Дополнительно руководством Вооруженных сил было принято решение провести комплекс мероприятий, посвященных 55-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне, с проведением сухопутных и морских парадов. Фактически пришлось готовить одновременно и тактическое учение, и парадные мероприятия.

Основные мероприятия флотского уровня должны были пройти в Балтийске. В столицу мы направляли три батальона: от Нахимовского училища, Высшего военно-морского из Санкт-Петербурга и от бригады морской пехоты. ГК ВМФ сориентировал меня, что на параде в Балтийске, возможно, будет Президент России — Верховный Главнокомандующий ВС РФ В. В. Путин. Видимо, Владимир Владимирович хотел получить личное представление о делах флота. Хотя он их знал — В. В. Путин несколько лет был членом Военного совета ВМФ. Остался он им и после избрания президентом страны.

В июле Президент Российской Федерации работал на Северном флоте. Естественно, вместе с ним находились министр обороны и Главнокомандующий ВМФ. По возвращении в Москву И. Д. Сергеев позвонил мне. Суть разговора сводилась к следующему: надо идти на выборы губернатора области и победить. Президентом РФ В. В. Путиным поставлена задача коренным образом изменить обстановку в регионе. Через час позвонил ГК ВМФ адмирал В. И. Куроедов и повторил задачу, уже поставленную министром. В обоих случаях я ответил: «Есть!»

Несколько дней я оставался один на один со своими мыслями. Рассказал о разговоре с министром и главкомом В. Е. Степанову, попросил его высказать свою позицию. Валентин Емельянович был краток:

— Поскольку это боевая задача, поставленная от имени Верховного Главнокомандующего, ее нужно выполнить — другого не дано.

Я предложил В. Е. Степанову продумать вопрос об избирательном штабе, доверенных лицах. Это было непросто сделать — надо было подобрать людей, болеющих за развитие области, смелых, умных, уважаемых в обществе. Нам, флотским людям, было не привыкать решать задачи любой сложности по своей профессии. Тут же было дело абсолютно новое — и для меня, и для В. Е. Степанова. Подбирая людей, мы не могли рисковать их судьбой в случае проигрыша на выборах.

30 июля на празднование Дня ВМФ, посвященное 55-летию Победы, прибыл В. В. Путин. Президентский самолет мог быть принят только на аэродроме Чкаловск. Сразу после встречи главы государства кортеж направился в Балтийск, где все мероприятия прошли, по оценке Президента РФ, блестяще. В. В. Путин живо откликался на предложения жителей области, прибывших на празднование. Мы не только не стали менять формат праздника и его главный кульминационный элемент — морской парад с выполнением боевых упражнений, но и нарастили его дополнительными эпизодами. В частности, впервые проходил мимо трибун корабль «Самум», которого еще никто не видел. В. В. Путин попросил подробнее рассказать о корабле, который ему очень понравился. Я дал необходимые пояснения: «Самум» несет, так же как и эсминец проекта 956, на борту которого мы находились, 8 ударных ракет «Москит», но его водоизмещение в 10 раз меньше. Доложил, как мы спасли этот уникальный корабль, приговоренный к разделке еще на заводе «Алмаз» в тяжелое для страны время.

Президент РФ поощрил отличившихся в боевой учебе и службе, вручил государственные награды, а всему личному составу объявил благодарность.

По завершении работы в Балтийске В. В. Путин убыл на аэродром Чкаловск, где уже стоял готовый к вылету президентский самолет. Президент покидал флот с хорошим настроением, видно было, что он удовлетворен итогами дня. Никаких разговоров о выборах ни со мной, ни с Л. П. Горбенко не было.

4 августа я принял предложение общественного движения «Созидание», в которое вошло 52 объединения и партии, о выдвижении меня кандидатом на пост главы администрации (губернатора) области. Руководителем избирательного штаба я попросил быть Г. Д. Чмыхова, опытного администратора, работавшего в свое время первым заместителем главы администрации (губернатора) Ю. С. Маточкина. Гарий Дмитриевич известен своей порядочностью, глубоким знанием обстановки в области, всегда пользовался большим уважением в калининградском сообществе. Он сформировал штаб, составил план избирательной кампании, определились мы с доверенными лицами. А дальше все пошло так, как описано Марком Твенем еще в 1870 году в его рассказе «Как меня выбирали губернатором». Кампания сопровождалась откровенной ложью, клеветой. И на меня, и на флот стараниями моего основного соперника выливались ушаты грязи.

5 ноября состоялся первый тур выборов, в котором я опередил Л. П. Горбенко. За меня проголосовало 134 410 избирателей, за Л. П. Горбенко — 77 076 при общей явке 358 981 избиратель из 731 479 зарегистрированных. Второй тур выборов состоялся 19 ноября, по результатам которого 56,47 % проголосовало за меня, 33,71 % — за Л. П. Горбенко.

Самым отрадным итогом выборов для меня было то, что не пострадал авторитет флота, не были опорочены более девяти лет моей службы командующим флотом. Хотя главный упор моих гораздо более подготовленных в плетении интриг противников делался именно на дискредитацию флота и меня как командующего. Люди оказались умнее хорошо оплачиваемых политтехнологов.

Флот показал, что он един с командующим в непростое, да что там — в тяжелое для меня время. Об этом свидетельствует и такой факт. 24 октября было опубликовано обращение командиров и офицеров кораблей, частей и соединений Балтийского флота к населению Калининградской области «Не верьте клевете на флот». Приведу его текст полностью.

«Уважаемые жители Калининградской области, земляки! Мы, боевые офицеры флота, обращаемся к вам в связи с развернувшейся в ряде средств массовой информации очернительной кампанией в отношении Балтийского флота как федеральной структуры, якобы не способной решать возлагаемые на нее задачи. Клевета и пропагандистский бред в ней порой переходят всякие границы.

Читая гнусные публикации, мы понимаем, что Балтийский флот оказался заложником в политической борьбе за губернаторское кресло. Именно это обстоятельство стало причиной того, что в угоду тому или иному политику оскорбляется честь людей в погонах, унижается их достоинство. Нам стыдно за этих политиков.

Балтийский флот с момента своего образования был и остается защитником и гордостью России, и вы, уважаемые жители Калининградской области, не должны сомневаться в боеготовности своего флота. Наши коллеги из соседних государств, наблюдающие за повседневной деятельностью Балтийского флота, с изумлением отмечают, что «пропагандистская болтовня в российской прессе о несостоятельности Балтийского флота совсем не соответствует действительности».

Да, нам трудно, труднее, чем вы думаете, но мы не требуем себе особых привилегий. Мы и не вправе этого требовать, потому что в ситуации застойной бедности сегодня живут многие трудовые коллективы Калининградской области и сотни тысяч людей. Публикуемые подборы с наветами на флот оскорбляют честь людей в погонах, честь нашего командующего — адмирала Егорова Владимира Григорьевича, которого мы знаем как человека, обладающего исключительным чувством ответственности, порядочности, совести и долга. О своем командующем мы говорим: он один из нас, только ему труднее. Мы доверяем адмиралу Егорову Владимиру Григорьевичу, большая часть ратного пути которого прошла на Балтике. Неужели кто-то считает, что за годы его службы мы не могли разобраться и понять, что за человек наш командующий! Это человек долга, чести, слова. Уважаемые жители Калининградской области! Мы верим в свой народ и хотим, чтобы он верил нам. Что же касается выборов губернатора, то это решение примет каждый самостоятельно. Но в любом случае мы будем уважать ваш выбор.

Сегодня же мы обращаемся к вам с одним — не верьте клевете в адрес Балтийского флота. Мы твердо и решительно заявляем: руки прочь от флота! Руки прочь от командующего флотом! Мы верим в вашу мудрость, мы всегда с вами».

Под обращением поставили свои подписи 180 офицеров, представившие практически весь командный состав группировки вооруженных сил в Калининградской области. Для меня это значило гораздо больше, чем поддержка. Я понял, что годы трудов, отданные флоту, когда ему было особенно тяжело, по достоинству были оценены моими соратниками. С такими единомышленниками я не сомневался в победе на выборах.

Не подорвали авторитет флота месяцы оголтелой клеветы и у руководства страны. Приведу значимое интервью секретаря Совета безопасности РФ С. Б. Иванова.

— Сергей Борисович, Калининградская область оказалась оторванной от основной территории России. Какое значение приобретает этот регион с точки зрения экономической и военной безопасности страны в связи с расширением блока НАТО на Восток и вступлением граничащих с областью стран в Европейский союз?

— Балтийский регион — единственный, где Россия имеет общую границу с НАТО и Евросоюзом. Здесь же находится и единственный российский эксклав — Калининградская область. Это создает хорошие предпосылки для успешного развития взаимовыгодного многостороннего сотрудничества России и ее соседей. При этом Калининградская область — очень удобная площадка для такого сотрудничества. Перспективы тут весьма многообещающие. Это внушает оптимизм.

Однако было бы ошибкой совсем сбрасывать со счетов возможность развития ситуации здесь и по пессимистическому сценарию. Я имею в виду непрекращающиеся попытки втянуть

страны Балтии в военно-политический блок, направить развитие ситуации в регионе в направлении, противоречащем интересам России. Давайте вспомним: если 10 лет назад соотношение сил в Балтийской морской зоне между НАТО и Организацией Варшавского договора было примерно равным, то сегодня этот баланс далеко не в пользу России. Для примера: тактическая авиация НАТО сегодня имеет возможность наносить удары по объектам до рубежа Смоленск—Брянск—Курск.

Таким образом, совершенно очевидно, что стратегическое значение Калининградской области в системе обеспечения безопасности, политических и экономических интересов России на Западном направлении приобретает исключительно важное значение.

— Как Вы оцениваете результаты реформирования военной группировки на территории Калининградской области?

— Считаю, что на флоте смогли реально оценить геополитические изменения, происшедшие в регионе Балтийского моря, проанализировать их и научно обосновать необходимость кардинального реформирования военной группировки на территории Калининградской области.

Результат большой, по-настоящему творческой, работы налицо: на флоте создано уникальное разнородное оперативно-стратегическое объединение. Оно включает в себя корабельные силы, морскую авиацию, силы и средства ПВО, сухопутные и береговые войска, единые органы управления, технического и тылового обеспечения. И то, что очень важно сегодня, — сформирована военная группировка, соответствующая экономическим возможностям страны.

Флот первым из объединений Вооруженных сил России приступил к своему реформированию на принципах военной доктрины государства. И этот опыт начинает сейчас внедряться на других флотах, им заинтересовалось военно-политическое руководство ряда зарубежных стран. Когда Президент России вручал адмиралу В. Г. Егорову орден «За заслуги перед Отечеством» III степени, было подчеркнуто, что под его началом Балтийский флот стал гарантом стабильности на Западе России. А в этом заинтересованы все без исключения государства региона. В этом заключается историческая и ничем не изменяемая миссия Российского флота.

— Сергей Борисович, каково, на Ваш взгляд, нынешнее состояние Балтийского флота по обеспечению безопасности страны?

— Конечно, у Балтийского флота немало проблем. Как, впрочем, и у всех Вооруженных сил. Связаны они, прежде всего, с теми экономическими трудностями, которые сегодня переживает страна. Но одни, уповая на объективные обстоятельства, опускают руки. Как говорится, плывут по воле волн. На Балтике же — ставят паруса, ловят ветер. Иными словами, думают, ищут. В результате флот сегодня, пожалуй, один из самых боеготовых в ВМФ. Он способен достаточно успешно решать боевые задачи в 3-х средах — на море, на суше, в воздухе. Здесь хорошо организована противовоздушная оборона, входящая в единую систему стран СНГ. Высокую оценку получили недавние совместные учения со специалистами ПВО Белоруссии.

Балтийский флот обеспечивает надежную защиту России на Западном направлении.

Успешно здесь решаются и социальные вопросы военнослужащих. Конечно, жилищная проблема еще не снята. Но дома-то строятся. И хорошими темпами: с 1992 года квартиры получили около 13 700 семей. Этому могут позавидовать не только другие округа и флоты, но и области.

И еще на одну важную миссию флота я хотел бы обратить внимание: он активно ведет военную дипломатию. Трудно переоценить международное значение визитов кораблей БФ в Великобританию, Голландию, Францию, ЮАР, Швецию, Финляндию, Германию, Данию.

Представляется очень перспективной родившаяся на Балтике инициатива — провести конференцию командующих флотами стран Балтийского моря, обсудить общие для моряков вопросы — спасения на море, экологии, миротворческих операций.

Активная международная деятельность флота способствует укреплению политической стабильности в регионе, повышает престиж государства. Важна она и для Калининградской области — основные силы флота все же дислоцируются на ее территории.

— В процессе дальнейшего реформирования Вооруженных сил РФ, в том числе их сокращения, претерпят ли Балтийский флот и входящие в его состав силы радикальные изменения? Не будет ли носить сокращение войск и сил в регионе обвальный характер?

— Любая структура, если она хочет сохраниться и приносить пользу обществу, должна находиться в постоянном развитии. Не исключением являются и Вооруженные силы, в том числе и Балтийский флот как их составная часть. Безусловно, изменения будут претерпевать и группировка войск на территории Калининградской области. В то же время можно констатировать, что степень оптимизации Балтийского флота достаточно высока. И радикальных изменений его структура не претерпит. Могу повторить слова Президента России В. В. Путина, сказанные им на совещании членов Совета безопасности: никаких механических, огульных массовых сокращений не будет. Добавлю: все, что связано с реформированием всей военной машины, потребует выверенной, спокойной, плановой работы. Без всякого рода неожиданностей, без ущерба для людей. Для боевой готовности флота.

— На руководящие посты разного уровня — и в центре, и на местах — в последнее время приходят люди военные, имеющие опыт управления крупными соединениями, объединениями. Может ли этот опыт дать хорошие результаты в гражданских условиях? Стоит ли обществу бояться «человека с ружьем»?

— Во властных структурах в общей сложности выходцев из военной среды не так уж много. Думаю, что наличие или отсутствие погон у человека вовсе не основной показатель при определении его пригодности к руководящей работе. Кстати говоря, современному военному руководителю часто приходится быть не только чистым военспецом, но и хозяйственником, экономистом, юристом. Его военная и гражданская ипостаси соединены воедино и неразделимы. Поэтому при выборе руководителя важнее всего учитывать такие его качества: умение масштабно мыслить, брать на себя ответственность, быстро принимать точные и правильные решения, подбирать грамотных помощников, хорошие организаторские способности, личная дисциплинированность и порядочность, работоспособность.

Между прочим, в людях военных эти качества достаточно хорошо развиты и очень часто соединены в одном человеке.

Как всегда, меня в новой трудной работе поддержала семья. Когда я сообщил жене о том, что мне поставлена задача идти на выборы, победить и работать над коренным изменением обстановки в области, и я принял решение по всем этим вопросам, она заплакала и сказала: «Что ты с нами делаешь, мы и до этого не имели покоя, а теперь взвалишь на себя еще неизвестно какой тяжести груз. Зачем тебе это надо?» Я ответил, что задача боевая, обсуждению не подлежит. А выполнить ее обязан.

Я шел на выборы не ради власти — ее у меня все годы было много. Шел с одной целью — обеспечить развитие области и сделать жизнь людей лучше. Все последующие пять лет работы можно было сравнить с первыми пятью, самыми трудными, годами командования флотом.

... Флотскую вахту я сдал исправно 21 апреля 2001 года вице-адмиралу В. П. Валугеву, подписав с ним официальный документ на флагманском корабле флота — эскадренном миноносце «Настойчивый».

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Интервью для СМИ

Командующий ДКБФ вице-адмирал В. Г. Егоров:

«ФЛОТ ГОТОВ К РЕФОРМАМ»

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Указом Президента СССР командующим дважды Краснознаменным Балтийским флотом назначен вице-адмирал ЕГОРОВ Владимир Григорьевич.

В. Г. Егоров родился в 1938 году в г. Москве, в семье рабочих. С 1942 г. проживал с родителями в Тамбовской области. После окончания школы и технического училища работал токарем-универсалом на одном из заводов г. Ленинграда. В 1962 году с золотой медалью окончил Высшее военно-морское училище им. М. В. Фрунзе, в 1982 году — с отличием заочный курс Военно-морской академии, в 1990 году — экстерном Академию Генерального штаба ВС СССР. Служил на Северном, Черноморском, Балтийском флотах в должностях: командир боевой части, старший помощник командира, командир корабля, начальник штаба, командир соединения надводных кораблей, командующий Средиземноморской флотилией. С 1988 года — первый заместитель командующего Балтийским флотом. Награжден орденами «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» III и II степени, медалями.

Женат, двое детей.

— Товарищ вице-адмирал, вы приняли должность командующего ДКБФ в очень трудное и сложное время. Балтийский флот, как и все Вооруженные силы СССР, поставлен перед целым рядом проблем. Какие из них представляются вам главными, первоочередными?

— На мой взгляд, здесь надо исходить из следующей аксиомы: в любых условиях обстановки силы флота обязаны обеспечить выполнение своего предназначения, своей главной зада-

чи — надежную защиту внешних морских границ государства. Для нас, военных людей, это было и остается, как говорится, «альфой и омегой» службы. Каждому, думаю, надо осознать, что этой задачи никто с нас не снимал и не снимает. И эта задача, добавлю в порядке констатации, выполняется личным составом флота успешно.

Да, на пути ее выполнения много проблем, трудностей. Я разделил бы их на три большие группы. Они тесно сопряжены, взаимосвязаны. Первая группа — проблемы политического плана. Прежде всего это отношения Центра с независимыми республиками Прибалтики, намерения правительств Литвы, Латвии, Эстонии о выводе войск и сил флота со своих территорий. Принципиальная оценка данной ситуации уже дана министром обороны СССР маршалом авиации Е. И. Шапошниковым, и я с ней полностью солидарен: судьба армии и флота в нашем регионе должна быть решена в рамках межгосударственных соглашений, заключенных на началах равенства, уважения государственного суверенитета, взаимопонимания и взаимной заинтересованности в сохранении широкого спектра жизненных связей. Если требования вывести войска из Прибалтики будут подтверждены, то в соответствующих договорах надо будет предусмотреть и адекватный вклад Прибалтики в решение проблем, связанных с перемещением, обустройством войск в других регионах страны.

В полной и, я бы даже сказал, в большей мере последнее положение нужно отнести к нашему флоту. Ведь перемещение куда бы то ни было его сил из портов в республиках Прибалтики потребует гораздо больше времени и средств, чем, например, передислокация армейских частей и подразделений. Для того чтобы оборудовать где бы то ни было новые пункты базирования для кораблей, коммуникации, судоремонтные предприятия, построить жилье и казармы для тысяч людей, а также объекты соцкультбыта, создать учебную базу, хранилища и склады, нужны годы и десятки миллиардов рублей.

Все это необходимо понять, конечно, не только нам, но и другой стороне — руководителям прибалтийских республик. И я как командующий флотом сделаю все от меня зависящее, чтобы такая позиция была правильно понята. Мы, кстати, всегда сохраняли и сохраняем самое уважительное отношение к народам этих республик. Это дало о себе знать и в дни антиконституционного переворота, когда флот не допустил на территории Литвы, Латвии и Эстонии каких-либо противозаконных акций со своей стороны.

Вторая группа проблем, которая, повторю, тесно связана с первой, — сегодняшнее социально-экономическое положение военнослужащих, рабочих и служащих флота, членов их семей. При всей пестроте конкретных ситуаций в различных республиках и областях это положение сходно. И тут давно пора говорить уже не о болевых точках, а о целых болевых площадях. Куда ни кинь, как говорится, всюду клин: острейший дефицит жилья, мест в школах, детских садах и яслях, «ножницы» между ценами и зарплатой... Что ж, клин клином вышибают. Уже приняты — в централизованном порядке, на уровне Министерства обороны — достаточно крупные контррешения. Это, в частности, увеличение денежного содержания офицеров, мичманов и прапорщиков. Остро поставлен вопрос о повышении окладов рабочим и служащим флота. Большая часть военного бюджета будет направлена на строительство жилья для военнослужащих. Не останутся без внимания офицеры, чьи должности подпадут под сокращение. По отношению к тем из них, кто изъявит желание продолжить службу, решения будут приниматься индивидуально.

Все эти меры относятся, естественно, и к нашему флоту. Например, для полного выполнения планов капитального строительства выделены соответствующие средства и силы. После моего разговора по этой проблеме с министром обороны от него получено указание продолжать наше жилищное строительство и в Прибалтике.

Надеюсь также на взаимопонимание с руководством Калининградской области, которая переживает весьма сложный и ответственный период — вхождение в статус и в рамки Свободной экономической зоны.

— Третья группа проблем, о которых вы говорили, сопряжена, очевидно, с конкретными путями осуществления военной реформы. Ее концепция еще не утверждена, речь пока идет лишь о проработке и анализе предложений, проектов, позиций. Весьма подробно многие из них изложены в выступлениях министра обороны СССР маршала авиации Е. И. Шапошникова. Есть ли такие предложения у командования флотом?

— Конечно. Причем работа над такими предложениями началась не сегодня и даже не вчера. Над этим, в частности, много работал народный депутат СССР адмирал В. П. Иванов, будучи членом комиссии Верховного Совета СССР по обороне и государственной безопасности. В итоге «наверх» нами отправлен целый пакет соответствующих наработок. Пожалуй, главный их акцент сделан на необходимости повышения самостоятельности и ответственности командования уровней «округ — флот», «объединение — соединение» в вопросах повседневного управления, на путях профессионализации службы в рамках существующей системы комплектования Вооруженных сил.

Вместе с тем мы все отчетливее осознаем, насколько многомерен, архисложен комплекс всех этих вопросов, напрямую связанных с вопросами большой политики. А поскольку ситуация и в стране, и в регионах изменяется буквально на глазах, говорить о какой-то «окончательной» модели военной реформы просто неразумно. Бесспорно одно: здесь в любом случае необходимы взвешенные подходы. Ущерба обороне, ее потенциалу или одному из ее участков, составных частей допустить нельзя. Нужны, как подчеркнул в этой связи министр обороны, скрупулезные комплексные решения, нужна ответственная, объективная оценка уровня реальной военной опасности и адекватных ей показателей оборонной достаточности.

— Решения каких конкретно задач на вашем рабочем столе сегодня?

— Полное и качественное выполнение планов и программ боевой подготовки флота в завершающемся учебном году. Реализация Указа Президента СССР об увольнении в запас балтийцев, призванных на службу с территорий Литвы, Латвии и Эстонии. Выполнение плана по строительству жилья и бытоустройству личного состава. Усиленная подготовка к зиме: ни один человек на флоте не должен, как говорится, холодать и голодать.

Флот живет по плану. И этот план должен быть выполнен во что бы то ни стало. От этого, кстати, зависит и его готовность к реформам, на пороге которых стоят Вооруженные силы. Думаю, что флот в целом к реформам готов.

*Капитан 3 ранга
Ю. ГОЛОВИН*

«Страж Балтики»,
1 октября 1991 г.

Командующий Балтийским флотом адмирал В. ЕГОРОВ: «ШВЕДСКИЕ СУБМАРИНЫ У БЕРЕГОВ РОССИИ?» — ТАКИМ ЖЕ НОНСЕНСОМ ЯВЛЯЕТСЯ «СОВЕТСКАЯ ПОДВОДНАЯ УГРОЗА ДЛЯ ШВЕЦИИ»

«Все флаги в гости к нам»... С некоторых пор эта фраза для Балтийского флота, его командования — отнюдь не иносказание. Дело в том, что с открытием Калининградской области связан не только поток «ностальгических» туристов из Германии, но и визиты большого числа иностранных журналистов, многие из которых не обойдут своим вниманием флот. Достаточно сказать, что за последние полтора месяца с просьбой о знакомстве с руководством ДКБФ, его людьми и его проблемами в пресс-центр флота обратились представители 12 групп зарубежных «масс медиа». Открытость, с которой командование флота пошло навстречу этим просьбам, единодушно определена самими журналистами из Германии, Франции, Швеции, Финляндии, Польши как «знак нового времени», «ключ к новому уровню доверия». В искренности этих отзывов убеждает знакомство с соответствующими публикациями западных изданий, которые, согласно договоренности, направляются в адрес пресс-центра.

И все-таки даже на фоне этих контактов весьма необычным выглядело обращение журналистов из крупнейшей ежедневной газеты Скандинавии «Афтонбладет» (Швеция). Исходя из того, что шведская общественность испытывает обостренный интерес к так называемой «подводной угрозе», якобы давно имеющей место со стороны Балтийского флота СССР по отношению к Швеции, Бу Лиден и Томми Марделл от имени своего руководства попросили, чтобы свою точку зрения на эту тему высказал командующий ДКБФ.

И эта просьба была удовлетворена. На днях стало известно, что свежий номер «Афтонбладет» вышел со статьей адмирала В. ЕГОРОВА. Учитывая, что ее содержание представляет, очевидно, интерес и для калининградцев, для всех, кто имеет отношение к флоту, предлагаем статью вниманию читателей в той редакции, в которой она была отправлена в Стокгольм.

(Пресс-центр ДКБФ)

КОВАРНЫЙ «ПЛЮС»

Во время Второй мировой войны недалеко от берегов нейтральной Швеции торпедой, выпущенной с подводной лодки Балтийского флота, было потоплено шведское судно «Ада Гортон».

27 октября 1981 года подводная лодка № 137 Балтийского флота под командованием капитана 3 ранга Петра Гущина вошла в территориальные воды нейтральной Швеции и «села» на прибрежную отмель у островка Турумшер южнее Карлсруны.

Поставив знак «плюс» между этими двумя фактами, разнесенными между собой 40 годами, любой неискушенный человек легко сделает вывод, поражающий воображение: советский подводный флот вот уже 50 лет ведет тайные операции против мирной нейтральной Швеции. Экстраполяция этого вывода также выглядит весьма убедительно. И — устрашающе.

Если бы речь шла только о заблуждениях дилетантов, я как профессиональный военный моряк сохранил бы относительное спокойствие. Но дело в том, что к апологетике такого вывода, такой экстраполяции время от времени прибегают в Швеции не только дилетанты. На эту тему иногда выступают и те люди, которых считают компетентными специалистами, которым многие склонны доверять. А это опасно, поскольку способно направить общественное мнение в неверном направлении и негативно повлиять на политику, в том числе военную.

Типичным примером именно такого выступления стал, на мой взгляд, доклад депутата риксдага господина Бильдта, прочитанный два года назад в Королевской военной научной академии Швеции. Его собственный вывод из подробного рассказа о «советской подводной угрозе для Швеции» я оставляю без комментария. Цитирую: «Если не будет прочного фундамента в виде сильных вооруженных сил (*шведских*. — В. Е.), то наша политика безопасности будет покоиться на зыбком песке...»

К сожалению, у меня есть основания полагать, что многие люди в Швеции доверяют подобному тезису и в сегодняшние дни, когда исполняется ровно 10 лет инциденту у Карлскруны.

Исходя из того, что я знаю, хотел бы развеять сложившиеся предубеждения. Исходя из уверенности, что мои знания достоверны, хотел бы сказать, что система аргументов в пользу «перманентной подводной угрозы для Швеции со стороны флота СССР» построена на зыбком песке тенденциозных недоговорок и домыслов. Исходя из интересов взаимопонимания и взаимодоверия, столь необходимого людям наших стран и нашим военным, я хотел бы убедить вас: мы не угрожали, не угрожаем и не намерены угрожать вам.

ИСКЛЮЧЕНИЯ — ДА. ПРАВИЛО — НЕТ

Итак, вернемся на 50 лет назад, в дни и годы, когда на Балтике бушевал огонь Второй мировой войны и в ее водах шли смертельные схватки между кораблями противоборствующих сторон. Попадали ли в жернова этих схваток суда нейтральной Швеции? **Должны** ли были они в них попадать?

Вот документ. Это приказ командира бригады подводных лодок Балтийского флота от 14 июля 1942 г., переданный всем командирам советских субмарин, которые находились на боевых позициях. Он доводит до их сведения следующее распоряжение народного комиссара Военно-Морского Флота СССР (цитирую): «В шведских территориальных водах никого не топить и не нарушать шведский нейтралитет... ловить противника в районах вынужденного движения за пределами территориальных вод Швеции». (**Источник: «Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере», выпуск 3, часть I, стр. 211, Военное издательство Вооруженных Сил СССР, 1947 г.**)

Распоряжение о недопустимости нарушения шведского нейтралитета выполнялось неукоснительно. Например, уже 14 июля 1942 г. (обратите внимание на дату) подводная лодка «С-4», обнаружив конвой в районе Капеллуден, атаки по нему не произвела, поскольку он шел в территориальных водах Швеции. (**Источник тот же, стр. 211**).

Имели ли место исключения из этого правила? Будем откровенны: да. По нашим данным, например, подтверждаются факты потопления нашей подводной лодкой «Щ-317» финского судна «Арго» (16 июня 1942 г.) и шведского «Ада Гортон» (22 июня 1942 г.). Но прошу обратить внимание на три момента.

Первое: и у нас, и у господина Бильдта отсутствуют какие-либо подтверждения того, что эти суда были потоплены в территориальных водах Швеции, а не вне их пределов. Второе: их

потопление произошло до упомянутого выше распоряжения по флоту. И, наконец, третье: как говорят французы, агля гер ком агля гер: на войне как на войне... Приведу здесь замечание воевавших подводников. Они говорят: если даже определение принадлежности военных кораблей было весьма затруднительным (ориентировались визуально, по силуэтам), то классификация гражданских судов являлась настоящей проблемой. Что относится и к командиру ПЛ «Щ-317». Не является секретом и тот факт, что торговые суда фашистской Германии, осуществлявшие перевозки из Швеции в рейх, зачастую использовали шведский флаг, справедливо считая его надежным прикрытием от атак советских подлодок.

Я полагаю, эти свидетельства могли бы подтвердить и эксперты, и ветераны любого подводного флота.

Таким образом, факты времен Второй мировой войны не могут, на мой взгляд, служить доказательством каких-либо целенаправленных и тем более широкомасштабных акций подводных лодок Балтийского флота против нейтральной Швеции. Тем самым снимается первая часть упомянутой вначале «формулы».

Теперь об инциденте у Карлскруны в октябре 1981 г. Об этой «козырной карте» в руках сторонников версии о «советской подводной угрозе» говорили и писали очень много. Поэтому скажу коротко: никакой это не «козырь», а досаднейшее навигационное происшествие, в основе которого — случайное и исключительно редкое совпадение двух обстоятельств. Первое из них — техническая поломка (неисправность радиопеленгатора). И второе — крайняя беспечность, недостаточная профессиональная квалификация штурмана и командира лодки. Именно такие выводы были сделаны на основе подробнейшего анализа в трех изданных тогда же официальных документах — в приказах командующего Балтийским флотом, главнокомандующего ВМФ и министра обороны СССР. Участником такого анализа стал каждый офицер-подводник нашего флота. И каждому, поверьте, было попросту стыдно за проявленную некомпетентность коллег.

А потому ничего, кроме улыбки или сожаления, не могут вызывать у нас утверждения о соответствующей «плановой подводной стратегии». Как командующий флотом могу подтвердить категорическое утверждение по этому поводу моего предшественника адмирала В. Иванова. На пресс-конференции 7 сентября 1988 г. он подчеркнул: «Ни одна подводная лодка Балтийского флота ближе 50—70 километров к терводам Швеции не приближается».

Еще цитата: «Довольно обширные исследования с помощью многочисленных технических средств не принесли сколько-нибудь конкретных доказательств в виде предмета, который можно было бы исследовать и связать с иностранными подводными лодками определенной страны».

Эта цитата заимствована мной из вышеупомянутого выступления господина Бильдта.

Я полагаю, пора снять и вторую часть формулы. Пора понять: правилом для нас, для нашего флота являлось и является неукоснительное, строгое соблюдение всех положений о нейтральном статусе Швеции. Все остальное — не более чем исключения из этого правила.

КЛЮЧИ К ДОВЕРИЮ

Пользуясь возможностью, предоставленной мне газетой «Афтонбладет», хотел бы коротко ответить и на вопрос, который мне часто задают в последнее время: что сегодня меняется на Балтийском флоте?

Как следует из заявлений руководства нашей страны, будет производиться сокращение Вооруженных сил СССР, и сокращение более чем существенное. А поскольку Балтийский флот — составная часть Вооруженных сил, это решение относится и к нему.

О конкретных объемах и сроках этого сокращения говорить преждевременно, поскольку это не одномоментный процесс и его реализация находится в компетенции руководства страны, Вооруженных сил. Но необходимо вместе с тем заметить: сокращение сил Балтийского флота, объемов его учебно-боевой деятельности уже идет. И началось оно не вчера, проходя в рамках принятой несколько лет назад советской военной доктрины оборонной достаточности.

Из состава флота уже выведены такие ударные силы, как ракетные подводные лодки и морская ракетно-носная авиация, продолжается вывод кораблей устаревших проектов (без замены на аналогичные новые). Сокращаются масштабы учений сил флота. Все эти процессы отвечают и положениям проводимой в Вооруженных силах СССР глубокой реформы. Среди этих положений — акцент не на количественные, а на качественные параметры боевой готовности, профессионализация воинской службы.

Думаю, что новые шаги на этом пути, и шаги взаимные, будут сделаны после реализации известных предложений президента США и адекватных ответных мер Советского Союза.

Со своей стороны, мы открыты для сотрудничества со всеми странами на Балтике, в том числе и со Швецией. Мы готовы к нему не на словах, а на деле. И в этом смогли убедиться представители командования различных стран — участниц НАТО во время официальных визитов наших кораблей в этом году в Киль, Антверпен, Амстердам.

В этом, я надеюсь, как и в нашей открытости, убедились и журналисты «Афтонбладет» Бу Лиден и Томми Марделл, которые совсем недавно встречались с командованием флота, с офицерами нашего корабля, побывавшего с рабочим визитом в Мальме...

Подобные контакты, открытый диалог о любых проблемах и сложностях — это, на мой взгляд, необходимые сегодня всем нам ключи к доверию. Давайте пользоваться этими ключами чаще. Давайте доверять друг другу.

«Калининградская правда»,
11 ноября 1991 г.

БУДУЩЕЕ — ТОЛЬКО ЗА СОТРУДНИЧЕСТВОМ

Как уже сообщалось, в период с 20 по 23 июля на Балтийском флоте побывал с официальным рабочим визитом командующий флотом военно-морских сил ФРГ вице-адмирал Франц-Дитер Браун. В поездке его сопровождал военно-морской атташе при посольстве ФРГ в Москве капитан 1 ранга Петер Хаммер. О значении визита говорит, очевидно, и тот факт, что он подробно освещался специальной группой телевидения Баварии.

В течение четырех дней пребывания на калининградской земле командующему бундес-марины были предоставлены широкие, а по его собственному отзыву — беспрецедентные возможности для ознакомления с сегодняшним днем Балтфлота. В поездках его сопровождали командующий флотом адмирал В. Егоров, начальник штаба — первый заместитель командующего БФ вице-адмирал В. Гришанов, другие должностные лица.

По окончании визита командующего флотом ВМС ФРГ на Балтийский флот сотрудник пресс-центра БФ задал несколько вопросов вице-адмиралу Ф.-Д. БРАУНУ и адмиралу В. ЕГОРОВУ.

— Господин вице-адмирал, вот и завершен первый официальный визит командующего флотом Германии на Балтийский флот России. Какие наблюдения и впечатления вынесли вы из этого визита?

— Вопрос, конечно, очень объемный. Отвечая на него, я мог бы написать целую книгу. И, честно говоря, пока я не задумывался, насколько отличается то, что я здесь увидел, от того, что я ожидал увидеть. Я сознательно не готовился к этому визиту, т. е. не читал, например, что-то специально, желая остаться открытым для всех новых впечатлений, не иметь никакой предвзятости...

Что касается кораблей, самолетов, то должен сказать: у нас очень много похожего. А вот что касается условий, в которых несется служба, то здесь, насколько я понял, есть существенная разница...

Но самым главным для меня является то, что разница между людьми — минимальна. Я заметил, что здесь можно очень быстро и легко найти как самые серьезные темы для разговора, так и несерьезные, даже веселые. Что касается меня лично, то мне был оказан такой радушный, гостеприимный прием, что я, пробыв здесь всего три дня, начал чувствовать себя, как дома.

И еще одно впечатление: меня поразило здесь не только гостеприимство, но и готовность отвечать на любые мои вопросы, которые, как я понимаю, носили иногда и странный характер...

— В течение минувших четырех дней вас не раз спрашивали о будущем, перспективах отношений между флотами Германии и России. Скажите, в чем же видится вам общность наших проблем?

— Каждой стране, которая обладает морским побережьем, необходим флот, чтобы защищать свои интересы в военно-морской области. Это касается как России, так, конечно, и Федеративной Республики Германии. И необходимость наличия флота является производной этих интересов, а не результатом наличия какого-либо врага или его образа. У нас, в Германии, флот существует сегодня уже не для того, чтобы быть **против** чего или кого-либо, а для того, чтобы быть **за** что-то...

Мне не хотелось бы сейчас выходить на тонкий лед большой военной политики, потому скажу только, что мы наверняка уже в ближайшем будущем начнем сотрудничать. Например, в области поисково-спасательной службы, в сфере охраны окружающей среды, где за нами немалые долги... Этих маленьких шагов, я полагаю, в принципе, уже достаточно, чтобы положить чему-то начало.

— **Господин вице-адмирал, наш флот отмечает свой традиционный праздник. Что бы вы пожелали командованию, военным морякам Балтийского флота — и как профессионал, и просто как человек?**

— Должен сказать, за время своего пребывания здесь я впервые по-настоящему понял, какие проблемы встали перед флотом в результате тех огромных перемен, которые произошли в вашей стране.

Честно должен сказать: я сочувствую вам всем. Это в равной степени относится и к моему любезному хозяину — адмиралу Егорову. В течение моего визита я не раз говорил, что я ему отнюдь не завидую...

Военнослужащим Балтийского флота, их родным мне хотелось бы пожелать, чтобы они, во-первых, как-то пережили это очень сложное время, а во-вторых, чтобы политики наконец-то приняли решения, которые бы подали морякам Балтийского флота повод к оптимизму. Кроме того, я желаю, чтобы дух товарищества и взаимопомощи, присущий вашему флоту, и в эти трудные времена, которые в ближайшем будущем вряд ли станут легче, был на таком высоком уровне, чтобы Балтийский флот со всеми этими проблемами справился.

А вот как оценил значение официального визита в Калининград вице-адмирала Ф.-Д. Брауна командующий Балтийским флотом адмирал В. ЕГОРОВ:

— Этот визит явился практическим воплощением, конкретным результатом тех политических изменений, которые произошли в последнее время. Я придаю ему очень большое значение, поскольку он, в свою очередь, служит углублению этих изменений. Те контакты, которые устанавливаются в ходе таких визитов на всех уровнях — от матросов до командующих, ничем не заменить. И я уверен, что за такими контактами — будущее новых, добрых отношений между нашими флотами на Балтике. У нас сегодня гораздо больше общего, чем это было до определенных пор из-за длительного противостояния. Самим своим фактом нынешний визит, на мой взгляд, подчеркивает: это противостояние уходит в прошлое. Надеюсь, без возврата.

Будущее — за совместным решением задач на море. И мы к этому приступаем. Конечно, предстоит еще очень многое сделать, чтобы выстроилась общая концепция совместной работы не только наших двух, но и всех флотов на Балтике. Но это — необходимость. Балтийское море — маленькое, тесное море. И нам нужно жить только в мире.

... Думаю, к этим словам двух командующих попросту нечего добавить.

**Капитан 2 ранга
Ю. ГОЛОВИН**

«Страж Балтики»,
25 июля 1992 г.

«ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ СОХРАНИТЬ ВСЕ ЧЕТЫРЕ ФЛОТА...»

Командующий ДКБФ адмирал Владимир Григорьевич ЕГОРОВ отвечает на вопросы корреспондента газеты «Страж Балтики».

— За год, отделяющий нас от предыдущего Дня Военно-Морского Флота, многое изменилось в нашей жизни. Да и в вашей, Владимир Григорьевич, судьбе тоже, поскольку вы стали командующим. Что было самым трудным за год для флота и для вас лично как человека, который его возглавляет?

— Самое трудное, конечно, осознание того, что мы перестали быть едиными Вооруженными силами в государстве, которое именовалось Советским Союзом. И в это время мы попали в очень трудное положение. Как вы знаете, Союз распался в конце 1991 года, а Балтийский флот был взят под юрисдикцию России спустя несколько месяцев. Это создало многие проблемы. До 7 мая, то есть до Указа Президента о создании российской армии и флота, тоже не было определенности, хотя мы и находились под юрисдикцией России. Практически полгода мы жили в необычных условиях. Это тяжело отразилось на настроении людей, на решении всех вопросов обеспечения флота.

Самое сложное, я считаю, — это обустроенность людей. Она особенно остро сейчас воспринимается в связи с решением Президента России об ускорении срока вывода войск из государств Балтии. Я только что, перед нашей встречей, вернулся из Риги. И там это все воспринимается очень обеспокоенно.

— За это время в России начала формироваться новая система власти. Скажем, появились районные, городские, областные администрации. Как складываются отношения с руководством Калининградской области?

— Отношения у нас складываются очень хорошие, деловые. И я бы сказал так: многие вопросы мы решаем путем личного общения, без больших проволочек и с Юрием Семеновичем Маточкиным, и с Юрием Николаевичем Семеновым. Есть взаимопонимание по всем главным позициям, в том числе и по нахождению российских военных на территории Калининградской области.

— Как мне кажется, больше внимания стало к проблемам Балтийского флота со стороны первых лиц в России. Так, на Балтийском флоте побывали Председатель Верховного Совета РФ Р. И. Хазбулатов, заместитель премьер-министра В. А. Махарадзе, заместитель председателя Комитета по социальному обеспечению военнослужащих при Министерстве обороны России Г. Я. Берик.

— Последние полгода флотскими вопросами занимались только военные. Сейчас наступило время, когда многие вопросы должны быть решены на государственном уровне. Особенно по формированию программы базирования флота в новых условиях, согласованию вопросов финансирования, обеспечения всех сторон жизнедеятельности. Высшие должностные лица страны вникают в суть проблем и оказывают нам помощь в подходах к их реализации.

— Видимо, в рамках нашей беседы нельзя будет не сказать о том, как складываются отношения Балтийского флота с государствами Балтии. К сожалению, за последнее время здесь появились новые моменты тревожного характера. Я имею в виду прежде всего Эстонию, где вооруженная организация «Кайтселийт» предприняла несколько попыток захвата военного имущества.

— Недавно я подписал обращение к Председателю Верховного Совета Эстонии господину А. Рюйтелю, в котором указал, сколько было нарушений и противоправных действий со стороны «Кайтселийта». Вынужден ему сказать, что мы принимаем меры по защите военных объектов, чести и достоинства российских военнослужащих в соответствии с решением Правительства РФ от 20 июня 1992 года.

У нас наиболее перспективные отношения складываются сегодня с литовским руководством. Оно сделало очень большой шаг, позволив приватизировать жилье офицерам, мичманам, прапорщикам.

— **А когда такое решение принято?**

— В конце прошлого года. По Латвии и Эстонии, как вы знаете, такого решения нет, что очень осложняет обстановку. Люди оказываются без жилья, а это сегодня важнейший вопрос.

Нормальные отношения у нас с руководством Латвийской республики, в частности с военным ведомством, командованием военно-морских сил. Недавно мы подписали соглашение, где обязались поддерживать добрые отношения между нашими флотами, между нашими людьми. Этим соглашением мы многие острые проблемы сняли. Есть понимание, что нам еще длительное время работать вместе.

Наиболее сложно развиваются ситуации в Эстонии. Факты с захватом техники, автомашин заводят людей до уровня применения оружия. А ведь это грозит очень тяжелыми последствиями. Все, как вы знаете, начинается с первого выстрела. Мы проявляем очень большое терпение, понимание, потому что и «Кайтселийт», и «Кодукайтсе» не подконтрольны очень часто правительству Эстонской Республики, действуют самостоятельно. Каждый раз, когда мы начинаем разбираться, оказывается, что никаких команд руководство Эстонии не давало этим формированиям на противоправные действия. Поэтому отдельные экстремисты сознательно нагнетают обстановку, чтобы обострить наши взаимоотношения.

— **С вашего разрешения, перейдем к нашим внутренним делам. Ходят упорные разговоры, что дни Балтийского флота сочтены, его заменит флотилия или эскадра.**

— Я знаю об этих разговорах, но располагаю другой информацией. По той концепции, которая сейчас разрабатывается Министерством обороны России, предполагается сохранить все четыре флота.

— **Как вы уже отметили, острейшая ситуация на флоте — это жилье. Недавно «Страж Балтики» по вашей рекомендации опубликовал интервью с начальником отдела капитального строительства ДКБФ. Там обозначено, где и сколько чего будет построено по гарнизонам флота. Знаю, что вами как командующим предпринимаются и дополнительные усилия...**

— Это хорошо, что газета опубликовала такое интервью. Хочу, чтобы вы знали, с каким трудом дается каждый жилой дом. В этом году нам не дали людей в строительные части. Из 4200 военных строителей у нас осталось всего 600. Я вынужден был снять полностью бригаду морской пехоты и часть 3-й дивизии береговой обороны и направить их на строительство, освободив от несения гарнизонных нарядов.

Недавно мы провели заседание Военного совета, которое было посвящено рассмотрению жилищных проблем. Стараемся максимально помогать строителям. Нередко приходится становиться координатором, который изучает все предложения, поступающие на флот. В том числе и из-за границы. К примеру, из Литвы. Получилась такая вещь: мы материалами обеспечили строительство, хотя сделать это было очень трудно, а людей нет.

— **Нетрудно предположить, что более всего к вам обращаются по вопросам жилья. Почта командующего, конечно же, изучается и анализируется. Сколько обращений такого рода?**

— Примерно половина.

— **Разрушающаяся экономика страны... Как это сказывается на боевой подготовке?**

— В сокращенный лимит топлива первого полугодия мы уложились с трудом. Но обеспечили выполнение планов. Сейчас очень сложная обстановка складывается с авиацией. Надо поддерживать определенное количество часов налета, определенных министром обороны, командование Военно-воздушных сил принимает все меры для рационального использования запасов топлива и поддержания высокого профессионального уровня летчиков.

Если говорить о плавсоставе, то мы вынуждены вносить коррективы, делая основной упор на базовую подготовку.

Тяжело сказывается ситуация в экономике на обеспечении топливом котельных в наших гарнизонах. Нам сейчас нужен уголь для формирования запасов на зиму. Для этого требуется 400 миллионов рублей предоплаты, а их пока изыскать не удастся. А ведь в тепле нуждаются и самые маленькие гарнизоны. Можно долго говорить об этом. Но наша задача не только поплакаться, но и найти выход из положения.

— **Если продолжить разговор о влиянии экономики на деятельность флота, то, очевидно, надо признать, что в наиболее бедственном положении здесь оказались наши предприятия.**

— Вопрос очень сложный для нас. Скажем, судоремонтные заводы находятся в подчинении Главного управления судоремонтных заводов в Москве, а все проблемы, связанные с людьми, приходится решать нам. Надо с сожалением признать, что мы потеряли лучшие рабочие кадры из-за инертности. Прежде всего тогда, когда зарплата в государствах Балтии резко возросла, а у нас все оставалось без изменений.

Все равно мы пришли потом к тому же уровню, но время было упущено, люди ушли. В результате пострадали корабли, которые могли бы быть отремонтированы и на которые были выделены необходимые средства. Особенно трудная обстановка сложилась у нас на 29-м заводе в Лиенае, где, к примеру, большой противолодочный корабль «Образцовый» стоит в ремонте уже пять лет. А это расхолаживает людей... С 1 июля в России принят закон об акционировании предприятий. Как он будет касаться нас, пока неясно. Идет, конечно, очень большая ломка всего, связанного с процессом поддержания высокой технической готовности.

— **Недавно первый вице-премьер Владимир Шумейко подписал четыре документа, касающиеся жизнедеятельности флота. Какие перспективы открываются?**

— Они дают возможность нам реализовывать имущество через флотскую коммерческую структуру «Балтгарант». С целевым направлением полученных средств на жилищное строительство. И мы надеемся таким образом саккумулировать деньги для жилищного строительства, дополнив бюджетную часть нашей программы внебюджетными средствами.

— **Этот День ВМФ будет отличаться тем, что впервые будет поднят Андреевский флаг. Ваше личное отношение к этому?**

— Сложное. Вся моя служба, наших моряков прошла под Военно-морским флагом Союза ССР. И мы спускаем его в силу политических реальностей. Этот флаг был гордо пронесен нашим флотом. И я думаю, что каждый флотский человек сохранит у себя на память такой флаг.

Не секрет, что люди, уходившие в запас, самой дорогой реликвией считали Военно-морской флаг. Даже шли на определенные ухищрения.

Что касается Андреевского флага, то Россия воссоздает государственную символику. Поэтому мы возвращаемся к тому, тоже славному, Андреевскому флагу. Надеемся, навсегда.

— **Беседа наша проходит в канун праздника, но получилась она не очень-то праздничной. Я понимаю, что жизнь командующего — это сплошные хлопоты. И все же, наверное, были мгновения, которые доставили вам большое моральное удовлетворение? Бывают ведь праздники и у адмиралов...**

— Самая большая радость — это апрельский выход наших кораблей на ракетные стрельбы, когда практически весь флот выполнял эту задачу, либо непосредственно стреляя, либо обеспечивая выполнение боевых упражнений, охраняя район. И все стрельбы были выполнены успешно. Кроме двух кораблей, которых мы возвратили в базу, провели регламентные работы. И они повторно вышли в море и все-таки выполнили стрельбу. Так что в этих условиях дефицита по всем позициям, учитывая некомплект людей, задачу удалось решить.

ФЛОТ БЫЛ И БУДЕТ НУЖЕН РОССИИ

В Москве под председательством Бориса Ельцина состоялось заседание Совета обороны, посвященное концепции военного строительства в России. В его работе принял участие и командующий Калининградским особым районом — командующий Балтийским флотом адмирал Владимир ЕГОРОВ. По возвращении из Москвы он ответил на вопросы корреспондента «Стража Балтики» и телепрограммы «Честь имею!»

— Владимир Григорьевич, для начала — о первых впечатлениях после разговоров в Москве...

Для участия в заседании Совета обороны были приглашены командующие округами, флотами, главнокомандующие. Затем состоялось заседание коллегии Министерства обороны, подведение итогов боевой и оперативной подготовки министром обороны и главнокомандующим ВМФ. Разговор на заседании Совета обороны шел жесткий, что отчасти объяснимо: о реформе Вооруженных сил говорится много, но зачастую дальше разговоров дело не идет.

— Наш Верховный Главнокомандующий, Президент России — и это мы видели на экранах телевизоров — твердо пообещал, что долгожданные реформы в Вооруженных силах наконец обретут динамику и рост. Но есть опасения, что все реформирование может свестись к огульному сокращению...

— Да, этот вопрос мне задают часто. Скажу кратко: никаких кардинальных изменений в судьбе флота не произойдет. Флот остается в его оргштатной структуре. Мы работаем над совершенствованием этой структуры практически шесть лет. Каков же результат? За это время флот сокращен на 53 тысячи человек. Уволены в запас шесть тысяч офицеров. Это была трудная задача, потребовавшая внимания к судьбе каждого офицера, мичмана, каждого проходящего службу по контракту. Мы были поставлены, безусловно, в сложные условия, поскольку до этого наибольшие средства, выделяемые государством, шли на обустройство сил флота там, где они базировались в послевоенные годы и откуда мы вынуждены были уйти. Калининградской области средств выделялось меньше.

Я докладывал премьер-министру: кардинальное реформирование флота мы провели три года назад, когда корабли и соединения были выведены из стран Балтии и других мест базирования. Оптимизация структур флота продолжается, но она носит характер, скорее, косметический. Здесь важно подчеркнуть: реформирование — процесс объективный, закономерный, вытекающий из логики развития любой структуры. На флоте он идет продуманно и планомерно, без резких потрясений, с учетом накопленного опыта, в рамках основных направлений военного строительства. До 15 июня т. г. мы подадим свои предложения по оптимизации сил флота на 1998 год. Но это будут, повторюсь, очень незначительные подвижки в рамках объединения отдельных структур. Мы являемся сейчас наименее обременительной структурой для государства, хорошо отработанной и управляемой.

Полагаю, что нам удалось донести эту мысль до высших эшелонов власти. Во время пребывания у нас председателя Правительства, когда мне довелось докладывать о состоянии дел на флоте, мы получили заверение Виктора Степановича Черномырдина в том, что никакого ослабления флотских позиций в регионе не произойдет. Выступая на заседании Совета обороны, Виктор Степанович доложил результаты своей работы, подтвердив это заверение.

— Оптимизация флотских структур, сокращение личного состава флота предполагают целый ряд мероприятий социального плана, чтобы человек, вчера носивший погоны, не чувствовал себя брошенным и забытым...

— Да, флот значительно сокращен — только по корабельному составу в три раза, но мы освободились от лишнего для страны груза. Да и по людям возможности ограничены. Судите сами, вот свежий пример: из 1200 человек, которые флот должен был получить для службы в ЛенВМБ в летнем призыве, мы получили 380 человек. Из них 64 отфиксированы как возможные носители туберкулеза, 8 человек — с дефицитом веса, 14 человек госпитализированы с заболеваниями разной тяжести... Вот вам и «флотское пополнение». Поэтому мы и стараемся смотреть на перспективы развития флота, тщательно просчитывая ресурсы с государственной точки зрения. Подчеркну в этой связи: мы не обидели ни одного человека, которого уволили. Каждый ушел с жильем, которое выбрал. Это, конечно, осложнило обстановку с квартирами для тех, кто продолжает служить. Но мы саккумулировали средства, нашли новые подходы к строительству. В этом году мы должны поправить ситуацию по строительству в Балтийске, Санкт-Петербурге, может быть, и Калининграде.

— Словом, жить и служить надо по поговорке: «По одежке протягивай ножки»...

— Если отбросить иронию — то да. Новые условия диктуют и новые требования к технике и людям. Президент в своем выступлении на заседании Совета обороны подчеркнул: «Армия должна чувствовать, что она находится в реформируемой стране, где финансовые ресурсы ограничены». Это — данность, и от нее не уйти. Конечно, можно кричать, например, по поводу того, что не хватает топлива. Но, с другой стороны, мы больше стали беречь корабли. Мы об этом никогда всерьез не думали! Очень напряженно эксплуатировали корабли, и такой режим, видимо, был оправдан для того времени, для тех условий, в которых находилось наше государство. А сейчас нужно поберечь технику, ее стало поступать меньше. Ресурсы надо использовать экономно, но так, чтобы уровень боеготовности не снижался. Это трудно, мы к этому не привыкли. Но привыкать надо.

— Какие оценки даны Балтийскому флоту на подведении итогов, ведь первый период боевой учебы этого года был не из легких?

— Флот оценен положительно. Работа Военного совета, соединений получила хорошую оценку. В лучшую сторону отмечена дивизия надводных кораблей, которой командует контр-адмирал Василий Апанович. Этот коллектив, я думаю, представлять не надо. Недавний поход эскадренного миноносца «Настойчивый» под командованием капитана 2 ранга Олега Будина этой дивизии в Южно-Африканскую Республику убедительно доказал и высокий профессионализм военных моряков, и надежность техники. В числе лучших отмечен также район ПВО под командованием генерал-майора Федора Крисанова. Здесь работают творчески, ищут нестандартные подходы. Что, кстати, замечено: в ближайшее время сюда поступит новая техника. Первая группа ее уже доставлена. Это — результат инициативной работы штаба ПВО под руководством полковника А. Анохина.

— Товарищ адмирал, теперь — о проблемах. Для вас не секрет, любая ваша поездка в столицу — это повод для ожидания и надежд: не привезет ли командующий очередную «порцию» денежного содержания, ведь задержки с выплатами стали хроническими. Поднимался ли этот вопрос на каком-нибудь из заседаний?

— Вопрос этот не поднимался. Флот финансируется так же, как и другие структуры Министерства обороны. Закончено финансирование февраля, начаты выплаты за март. В связи с тем, что сейчас начнется выпуск из училищ, а это почти 2 тысячи офицеров, потребуются новые затраты. Но это учтено, и мы постепенно будем стараться уменьшать отставание по выплатам.

Ситуация, конечно, сложная, но, полагаю, не стоит ее излишне драматизировать. У нас есть возможность обути, одеть людей, накормить их. Так что катастрофы нет.

— **И все же — что можно сказать офицерским и мичманским семьям, похоже, привыкающим к тому, что их кормильцы служат то ли в долг, то ли в кредит?**

— У меня сложилось твердое убеждение, что идут активные поиски средств для изменения ситуации к лучшему. Я, безусловно, не знаю источников, откуда эти средства могут быть получены, но выступавший на Совете обороны Анатолий Борисович Чубайс сказал, что знает, как найти для нужд Вооруженных сил несколько десятков триллионов рублей. Секрет не раскрылся, поэтому комментировать не стану, но в том, что хуже ситуация не будет, уверен.

— **Ну что ж, положимся на слово первого вице-премьера. Теперь — немного о политике. Проведение совещаний высшего командного состава Вооруженных сил России практически совпало с появлением на свет двух договоров — с Белоруссией и НАТО, которые видимо, внесут какие-то коррективы в повседневную деятельность флота.**

— Мы с белорусскими вооруженными силами год несем дежурство в единой системе противовоздушной обороны. Это полезная и оптимальная система работы. Что же касается НАТО, то до получения итогового документа могу лишь сказать, что договор позволяет уйти от тех позиций, на которые толкали Россию. Напомню, что в начале переговоров Кристофер обещал Е. Примакову, что «Россия будет спать с ежом в обнимку». После серьезной работы дипломатов и военных можно сказать, что перспектива стала не столь тревожной, хотя служба в новых условиях потребует определенных корректировок, новых знаний и навыков.

— **И еще об одном не могу не спросить. Президент России подверг очень резкой критике ответственных за ход реформ в армии и на флоте. Боюсь, как бы в общественном сознании эти оценки не были перенесены на людей в погонах вообще, как бы в очередной раз военного человека не сделали крайним во всех просчетах и ошибках политиков.**

— Я бы хотел подчеркнуть: да, на Совете обороны сказаны были резкие слова, но относить их к каждому человеку, который добросовестно выполняет свой воинский долг, не следует. И сказанное ни в коей мере не относится к людям флота. Все, что нам поручено, делается на пределе добросовестности, профессионально, ответственно — так, как мы привыкли это делать. Нам довелось служить в очень трудное время, но я горжусь тем, что люди флота, не обращая внимания на все сложности этого периода, честно и с достоинством выполняют свой долг. Взять корабельный состав. Мы не имеем средств на судоремонт уже несколько лет. Представьте себе: с 75 процентов до 8 процентов снизился показатель обеспеченности. Тем не менее, у нас сейчас 81 процент кораблей в строю, в составе сил постоянной готовности — 71 процент. За этими показателями — труд каждого моряка, каждого офицера, особенно — возглавляющего коллектив. Мы нашли возможность поддерживать техническую готовность, создав судоремонтный комплекс. Воспользовались для этого опытом Советского Военно-Морского Флота, который не имел военно-морских баз, но в точках якорных стоянок активно работали судоремонтные плавмастерские, благодаря чему корабли зачастую возвращались с боевой службы более исправные, чем при выходе из базы. Мы в прошлом году 18 кораблей отремонтировали своими силами. Это достаточно много. Это только один пример, а я могу легко продолжить ряд ему подобных. Словом, находясь в трудном положении, флот не бездействует — мы ищем и чаще всего находим выход из положения. По-другому сегодня нельзя, и без такого подхода не сберечь народное достояние, которым являются флот и его люди для России. Мы это делали и делать будем. А резкие слова? Пусть они не расхолаживают, а побуждают к сознательной деятельности.

— **Напоследок, товарищ командующий, — пожелания личному составу флота и нашим читателям.**

— Пожелания? Прежде всего — оптимизма и уверенности. Уверенности в правильности своего жизненного выбора, в том, что флот был и будет нужен России, в том, что, несмотря на все трудности нашего времени, Россия берегла и будет беречь свой флот. У нас есть все для нормальной службы. Мы можем жить в абсолютно автономном режиме, начиная с электроэнергии и заканчивая продуктами питания, которыми мы себя обеспечиваем более чем на 60 процентов, а по некоторым позициям — на все сто. У нас только нет станка для печатания денег — это прерогатива государства. О наших проблемах хорошо знают в Москве. Сегодня я докладывал о ситуации министру обороны. Думаю, меры будут приняты, несмотря на трудности, которые испытывает страна. Сбереечь флот, сбереечь себя как профессионалов, сбереечь семьи — вот, пожалуй, главное пожелание всем нам. Вместе мы выстоим.

Валентин ЕГОРОВ

«Страж Балтики»,
31 мая 1997 г.

ФЛОТ НУЖЕН РОССИИ. РОССИЯ НЕОБХОДИМА ФЛОТУ. ПО-ИНОМУ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ

Командующий Калининградским особым районом — командующий Балтийским флотом адмирал В. Г. ЕГОРОВ отвечает на вопросы корреспондента «Стража Балтики» и телепрограммы «Честь имею!»

ПОД ФЛАГОМ ФЛОТА

— Товарищ командующий, разрешите начать с самого, пожалуй, главного вопроса на сегодняшний день: о реформировании (реструктурировании) Калининградского особого района и Балтийского флота. Недавняя рабочая поездка начальника Генерального штаба генерал-полковника Анатолия Квашнина породила немало вопросов и слухов...

— Вот от слухов я бы хотел предостеречь с самого начала, хотя и понимаю, что они — своеобразное отражение того интереса, который порожден начинающимися реформами. И все же лучше оперировать не слухами, а уже имеющимися фактами. А они таковы: начальник Генерального штаба на совещании в штабе флота четко сформулировал будущее группировки Вооруженных сил в Балтийской морской зоне, в том числе и Калининградского особого района. Группировка будет единой и под флагом Балтийского флота. Параллельные структуры Сухопутных войск органично сольются с флотскими. Конечно, здесь предстоит еще большая работа по оптимизации, и она уже ведется штабами флота и армии на базе положительного трехлетнего опыта формирования и функционирования Калининградского особого района — первого в России оперативно-стратегического разнородного объединения, построенного по территориальному принципу. Старшинство флота никогда не вызывало, и тем более сейчас не вызывает, никакого сомнения у руководства страны и Вооруженных сил. В связи с геополитическими

изменениями, происшедшими после 1991 года, значение Балтийского моря для защиты интересов России на ее западных рубежах возросло. Балтийский флот выступает гарантом обеспечения этих интересов — так было, так есть и так будет.

Для выполнения этой ответственной государственной функции мы располагаем всем необходимым. Мы сохранили флот — наше национальное богатство, и сохранили во многом благодаря самоотверженности офицеров, мичманов, прапорщиков, старшин и матросов, рабочих и служащих. Флотский организм здоров, он работает надежно и четко. Три года мы базируемся на территории России в Калининградской и Ленинградской областях. За это время отработана принципиально новая организационно-штатная структура флота и система управления ею. В состав флота введены Ленинградская военно-морская база и Калининградский район ПВО, возглавляемый генерал-майором Ф. Крисановым.

Должен здесь попутно заметить: район ПВО в новой структуре работает отлично и признан Генеральным штабом лучшим в России. Говорю обо всем этом с гордостью, так как это уже заметные, видимые результаты работы по реконструкции и оптимизации. Ведь все эти перестановки и изменения были тщательно просчитаны, утверждены министром обороны, а подтверждение расчетных результатов говорит о высоком профессиональном уровне штаба флота, и в первую очередь управлений, возглавляемых контр-адмиралами Е. Ковалевым, Б. Домбровским и Ю. Афлятуновым.

— Спасибо за обстоятельный ответ, и все же хотелось бы чуть больше конкретных сведений: в некоторых средствах массовой информации появились предположения о переподчинении ряда соединений, ликвидации тех или иных частей...

— Ну, мы же с вами договорились не тиражировать слухов, а в большинстве своем то, что преподносится читателям, — не более чем обрывки недопонятых корреспондентом рабочих материалов. Пользы от таких предположений и домыслов мало, а вот вред они наносят существенный, нервируя и дезориентируя людей.

НОВАЯ ЖИЗНЬ «СЕЛЬМЫ»

— Хорошо. Тогда следующий вопрос будет связан с предыдущим. Для вас не секрет: реформирование в мыслях многих людей тесно связывается с ущемлением их социальных прав. Угроза сокращения порождает боязнь остаться без жилья, средств к существованию. Это, в свою очередь, порождает опасный для военного человека синдром неуверенности в завтрашнем дне... Может ли командование флота дать людям какие-то социальные гарантии?

— За шесть лет флот сокращен на 56 400 человек. Около шести тысяч офицеров отправлено в запас. Примерно столько же мичманов. Это огромные цифры и огромная работа, потому что ни один человек не ушел с флота, не получив всего, что ему причитается, всего, что ему положено по закону. И в этом смысле руководство флота стояло и будет стоять на страже интересов военнослужащих.

Мне доводилось уже говорить о том, что впереди у нас тоже будут сокращения. Но — на несколько порядков ниже. Они будут носить естественный характер. Накопленный нами за эти трудные годы опыт и есть главная гарантия социальной защиты тех, кто отдал флоту лучшие годы жизни.

Люди моего поколения помнят хрущевское сокращение Вооруженных сил, знаменитые 1 миллион 200 тысяч человек. Я тогда работал токарем на Ленинградском заводе авиационного приборостроения, имел 5-й разряд. И приходили к нам на завод выброшенные из армии полков-

ники, подполковники, майоры, которым оставалось до пенсии несколько месяцев... И становились они учениками. Я был пацаном, но уже тогда понимал и трагедию этих людей, и то, что с ними поступили в высшей степени несправедливо. Повторять такое? Нет, я думаю, уроки того «сокращения» должны нас многому научить. И каждый увольняющийся сегодня в запас должен быть уверен: он не будет выброшен на улицу, его судьба — под пристальным контролем Военного совета флота, который сделает все возможное для социальной поддержки и адаптации человека в погонах.

— **И все же, согласитесь: проблем стало больше. Флот стал меньше строить...**

— Вот здесь я внесу оптимистическую ноту в наш разговор. На днях подписан указ Президента России о реформировании военно-строительных органов. Наше строительное управление оставлено в числе структур, которые будут работать. И у нас есть полная уверенность в том, что наши строители будут работать как надо. Ведь, скажем, наш военный комбинат железобетонных изделий может строить до десяти 100-квартирных домов в год. Задача, которую мы сами себе сформулировали, — решить «квартирную проблему» на флоте к 2000 году. И, уверен, она нам по силам. Залогом здесь — сохранение строительного комплекса, дающего, кстати, 27 процентов всего жилья, возводимого в Калининградской области...

— **И все-таки не могу разделить вашего оптимизма. Ведь, скажем, следующая очередь «Сельмы» стоит замороженная...**

— Да, с 1994 года, из-за прекращения финансирования. Но мы прорабатываем проект застройки этого района своими силами — домами серии «Слава», которые делает наш комбинат ЖБИ. Дома эти хорошо себя зарекомендовали в Черняховске, там их два. Сейчас такой дом возводится в Балтийске. 72-квартирный дом флот строит в Ломоносове. Решим ряд формальностей — и проект «Сельма» получит новую жизнь.

ДВОЙКИ ИСКЛЮЧЕНЫ

— **В представлении многих, командующий флотом — человек, единолично принимающий решения. Меньше известно о работе такого коллегиального органа, как Военный совет. Что он собой представляет? Не фикция ли это, оставшаяся в наследие от прежних времен?**

— Ни в коем случае. Это динамично работающая и постоянно действующая структура, позволяющая вырабатывать грамотные и обоснованные решения. Я бы даже сказал, что в наше время роль и значение Военного совета в жизни флота возрастают в связи с усложнением задач и обстановки.

Военный совет — постоянно действующий совещательный орган. Его заседания проводятся по необходимости, но не реже одного раза в два месяца. Подчеркну: это орган совещательный, но после утверждения решения ответственность за него несет командующий флотом.

Если вы посмотрите повестки заседаний, то сразу сможете понять, чем живет флот, какие проблемы его волнуют, ибо, как правило, на обсуждение выносятся самые актуальные и животрепещущие вопросы. Каждый вопрос тщательно готовится рабочими комиссиями, докладывается одним из членов совета.

Авторитет Военного совета ни у кого не вызывает сомнений, и это во многом определяется авторитетом людей, входящих в состав совета. В конце каждого периода обучения на закрытом заседании я подвожу итоги работы и оцениваю деятельность членов совета.

— **А вдруг вам не понравится позиция одного из ваших заместителей, и вы ему двойку выставите?**

— Да ну, что вы! Уважение к точке зрения человека, ответственность, умение прийти к единому мнению — это обязательные условия заседаний. У нас ведь одна цель — поддержание боеготовности флота. Принципиальных разногласий здесь быть не может. К тому же мы очень дорожим авторитетом принимаемых решений. Так что двойки здесь исключены.

Что же касается другой части вашего вопроса — о «наследии давних времен», то скажу, что военные советы неплохо себя показали и в давние времена. Сейчас же есть ряд новшеств, которые и поднимают авторитет Военного совета, и повышают продуктивность его работы. Скажем, согласно новому положению (оно введено указом Президента в 1993 году), в состав военных советов входят главы местной исполнительной власти. И губернатор нашей области — член Военного совета Балтийского флота. Такого рода контакты помогают оперативнее решать все вопросы взаимоотношений с местными властями, координировать планы и усилия.

ЧТО ЗА ЦИФРОЙ?

— Тогда позволю задать вопрос, который, как мне кажется, выносится на заседание Военного совета наиболее часто: о состоянии воинской дисциплины. Сама эта регулярность настораживает: что, неужели это нерешаемый вопрос?

— Нет, дело не в этом. Просто сейчас на флот призывается совсем иной контингент — не тот, что, скажем, лет десять назад. Это ведь известно: резко понизился образовательный уровень призывников, многие из них до службы уже познакомились и с алкоголем, и с наркотиками, и со следственным изолятором... Есть и другая сторона медали: неумение ряда наших офицеров работать с таким контингентом — и это тоже проблема.

Тем не менее, флот в массе своей остается школой гражданственности, мужества и дисциплины, и в этом смысле борьба за организованность, порядок — одно из приоритетных направлений как в деятельности Военного совета, так и в служебной практике каждого офицера, мичмана, старшины.

Это живая, трудная работа, и судить о ней только по цифрам отчетов было бы не совсем верно. Тем не менее приведу их. По сравнению с первым полугодием прошлого года за первые шесть месяцев этого года на флоте в 1,5 раза снизилось количество происшествий, на 43 с лишним процента — преступлений. Но я бы не стал придавать особого значения цифрам. Коренного улучшения в укреплении воинской дисциплины и правопорядка не произошло, а это значит, что мы еще не использовали всех резервов. Печально известные неуставные взаимоотношения, уклонения от воинской службы, увеличение числа самоубийств — все это не может нас не беспокоить, и потому вопросы воинской дисциплины постоянно в центре внимания и Военного совета, и командующего.

СПРЯЧЬ ЗА ВЫСОКИМ ЗАБОРОМ...

— Воинские формирования сокращаются, а это значит — народное хозяйство получит трудовые ресурсы, технику, помещения... Так оно должно быть в идеале. На деле же все не так просто. Военные городки разграбляются, областные власти и экологи обвиняют армию в том, что территории частей уродуют ландшафты...

— Я не могу согласиться с такой постановкой вопроса. У нас, как ни у кого в Вооруженных силах России, накоплен богатейший опыт передачи военных городков. В шести государствах мы передали сотни военных городков — Германии, Польше, Латвии, Литве, Эстонии. Сейчас завершаем эту работу в Белоруссии. По каждому городку составляется акт с приложением фо-

тографий и подтверждениями должностных лиц от передающей и принимающей сторон. А то, что имущество разворовывается, — это и беда, и вина тех, кто не может сохранить то, что передают военные.

У нас ведь есть замечательные примеры взаимодействия с гражданскими властями. В Калининградской области за время реформирования мы освободили 20 городков полностью — это 256 зданий — и 9 городков освободили частично (101 здание).

Скажем, передали комитету по делам молодежи городок в Круглово — теперь там центр реабилитации подростков. В Мамоново по-хозяйски для города и дела используют освобожденные здания и помещения.

И с нашими коллегами из силовых структур мы в этом вопросе работаем с полным взаимопониманием. Вот передали морской пограничной дивизии городок в Балтийске. Они его отлично обустроили, оборудовали так, как и полагается рачительным хозяевам.

К сожалению, есть у нас пример и иного рода. Долгое время администрация Пионерского просила у флота городок, расположенный на ее территории. Мы пошли им навстречу.

Здесь надо вот что объяснить. Механизм передачи собственности из федеральных структур в муниципальные очень сложен. Процесс оформления зачастую длится год, а то и больше. Понятное дело, имуществу это на пользу не идет, поэтому мы стремились передавать городки по согласованию с главами местных администраций и с представлением соответствующих документов в областную администрацию сразу, не дожидаясь возвращения бумаг из Москвы. И эта практика себя оправдывала. А вот администрация Пионерского добром распорядиться не сумела. Распоряжением главы администрации области мы передали ей в оперативное управление и охрану городок одной из частей. В шести зданиях был проведен ремонт — все в неплохом виде. А через полгода случилось невероятное — все оказалось разграбленным и разрушенным, охрану сняли, а глава администрации Пионерского Павел Васильевич Доронин отказался от городка.

Говорить об этом и стыдно и горько. Отчасти утешает лишь то, что это единичный факт. Повторюсь: там, где имущество военных принимается по-хозяйски, проблем не возникает.

Что же касается того, что территории наших частей уродуют ландшафт, то это не то что неправда, но неточность. У нас есть замечательные городки, полностью соответствующие требованиям дня. И есть городки, личный состав которых только начинает обживать территорию или старые запущенные здания. Да, эти городки пока выглядят не очень красиво. Но со временем они будут благоустроены. А вот пойти по пути, который некоторые предлагают, — взять и поставить огромный забор, за которым скроется неприглядный вид, — я не могу. Зачем командиру части переводить весьма скромные средства на заборы, когда он может и должен в первую очередь идти на то, чтоб людям было тепло и уютно? А забор со временем поставим, но после того как проведем нормальное благоустройство людей. За службу я побывал в двадцати государствах, видел и знаю многое, в том числе и то, как должны жить люди. Прежние наши подходы к этому трудноустраимы, прежде всего из-за отсутствия средств.

— И еще один вопрос, тесно примыкающий к предыдущему: о так называемых кладбищах кораблей. Мало того, что они наносят вред природе, так в общественном мнении упорно насаждается мысль о том, что списанные корабли, их продажа и судоразделка дают возможность высокопоставленным военным попросту набивать карманы...

— Здесь важно вопрос с головы поставить на ноги. Реализация и разделка кораблей и судов, выслуживших свой срок, идет согласно регламентирующим документам Министерства обороны. Беда в том, что решение этих вопросов тоже затягивается на годы и, поверьте, не по нашей вине. Принимаем энергичные меры. За июнь—июль многое удалось поправить работой на флоте рабочих групп специалистов из Москвы.

Что же касается экологии, все правда. Только надо подчеркнуть, что флот сам ведет расчистку бассейнов и акваторий, несмотря на весьма скромные средства. С 1989 года мы подняли 100 корпусов затонувших судов. Осталось поднять в Балтийске 45. Сейчас флот расплачивается за ту «щедрость» и «широту», с которой раньше губились сотни тонн необходимого стране металла.

Наши многократные попытки найти какие-то другие способы очистить акватории успехов не имели. Поэтому чистим сами. Работают над этим управление и бригада поисково-спасательных работ и наш вспомогательный флот. Работа очень трудоемкая, и близких результатов обещать не буду. Но, уверен, за три года Балтийскую гавань очистим.

— **Согласитесь: печальная это тема. Ведь на дне гавани лежат славные корабли — тральщик «Семен Рошаль», остатки СКР «Гангутец», СКР «60 лет комсомолу Белоруссии»... Лежит на дне история флота. Помню, в прошлом году рыбный порт выразил инициативу поставить у одного из своих причалов СКР «Бдительный» — головной корабль проекта 1135 — как памятник, музей. Реализовалась эта инициатива?**

— Нет, к сожалению. Дорого. Бюджетом областной администрации выделение средств на корабль-музей не предусмотрено. Так что «Бдительный» пройдет предпродажную подготовку и будет продан на внешнем рынке на металл. Чтобы предупредить ваш вопрос, скажу: реализацией кораблей флот не занимается. Это прерогатива Москвы. И средства получаются далеко не такими большими, как кое-кому кажется со стороны. В этом году, например, реализовали металла всего на 1,5 миллиарда рублей. Да, впрочем, и этому рады — это ведь 6—7 квартир для флота.

ДОЛГИ НАШИ И НЕ НАШИ

— **И еще один вопрос, связанный с финансовыми взаимоотношениями флота и области. Известно, что флот задолжал области немалые средства. С другой стороны, флот якобы не желает поддерживать местного производителя сельхозпродукции ведя закупку продуктов за границей.**

— У нас отработанная система, основанная на требованиях Указа Президента РФ «О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных расходов при организации закупок для государственных нужд». Моим приказом создана комиссия по проведению конкурсов по поставкам продовольствия для нужд флота. В целях отстаивания интересов местных товаропроизводителей и поставщиков, в состав комиссии, по согласованию с администрацией области, включен заместитель председателя конкурсной комиссии И. Шевляков. При отборе поставщиков мы, конечно же, отдаем предпочтение местным товаропроизводителям, но при условии, если цены на предлагаемую к поставке продукцию не превышают среднезакупочные цены в регионе, поставщикам, дающим отсрочку за поставленное продовольствие, а также военным сельхозпроизводителям.

Тут есть еще один нюанс. В области мы можем израсходовать только 60 процентов выделенных на продовольствие средств. Остальные 40 идут на закупку ассортимента, в области не производящегося или производящегося в недостаточных количествах: сахара, сухофруктов, свинины, говядины, жира свиного и т. д.

Так что мы местных производителей не обижаем. 100 процентов хлеба, молока, мяса птицы — закуплено здесь, в области.

Мы стараемся не быть должниками, и система взаимозачетов позволяет нам это. Так что вопрос с долгами решаем, хотя и говорится о них неоправданно много. Меньше говорится о долгах флоту. Да, и нам должны, и весьма круглую сумму: завод «Янтарь» должен нам 1 милли-

ард 400 миллионов, Балтийский завод в Санкт-Петербурге — 766 миллионов, АО «Русский янтарь» — 297 миллионов, Калининградская железная дорога — 274 миллиона и т. д. Областная администрация обращалась к нам с просьбой выделить топливо для Балтийска. Пошли навстречу, выделили на сумму 2 млрд. 231 миллион. Ну а дальше — по пословице: «Мы выручили, а нас выучили». Отдавать долги никто не спешит. Может, ко Дню ВМФ сделают такой подарок?

— Флот, я знаю, всегда помогал области, это была одна из давних добрых традиций. Сохраняется ли она в рыночные времена?

— Да, конечно! Вы вспомните, сколько жизней спасли флотские авиаторы, снимая с льдин рыбаков. Или сейчас специалисты морской инженерной службы ведут подрывные работы на эстакадном мосту, экономя городу время. А когда саперы подполковника И. Храпунова обезвредили, рискуя жизнью, три авиабомбы в Гурьевске — они же спасли птицефабрику, многие другие здания и сооружения. Нам то решение непросто далось, и ответственность на меня легла немалая — не дай Бог, что случилось бы...

А вот когда нам, в свою очередь, в Гурьевском районе понадобилось взять песчано-гравийную смесь для оборудования стадиона, строящегося военными строителями для школы в Храброво, администрация нас переадресовала в коммерческую фирму. Вот такая благодарность на фоне рыночных отношений. Поистине, у главы администрации В. Ледника не то что летом песка, но и зимой льда бесплатно не получишь.

МЫ ИНТЕРЕСАМИ РОССИИ НЕ ТОРГУЕМ

— Теперь давайте сменим тему и поговорим о флоте в контексте большой политики. НАТО практически уже стоит у наших границ. На недавних учениях «Балтопс» корабли блока маневрировали чуть ли не у наших берегов, и какие задачи они отрабатывали — догадаться нетрудно. Такого рода активность рождает в наших обывательских душах обоснованную тревогу...

— Для тревоги, уверен, нет оснований. Отношения с флотами соседей у нас традиционно деловые и дружественные. Даже после распада Союза и Варшавского договора наши корабли продолжали ремонтироваться в Польше, Латвии, Эстонии, Болгарии, а также в Финляндии, Швеции. В это многим будет трудно поверить — боевые корабли Балтийского флота, те, которые строились в тогдашних ГДР и ПНР, сегодня прошли ремонт в ФРГ (в Ростоке). Всего отремонтировано 77 кораблей и судов (из них 36 боевых).

— Провожу упрек в ваш адрес: у вчерашних «вероятных противников» ремонтируетесь, а наши судоремонтники без работы сидят.

— Принимаю упрек. Но парирую его модным нынче экономическим аргументом: ремонт в Германии стоит дешевле, и намного. Поэтому нашему примеру не так давно последовали и северяне — их корабли также ремонтируются в Ростоке.

— Дружба дружбой, но наш «Беспокойный» не участвовал во второй фазе маневров «Балтопс», именно той, где отрабатывались оперативные элементы.

— Верно. Но после окончания учений мы получили приглашение на «Балтопс-98» — и уже на обе фазы. Все дело в том, что в политике очень важна степень доверия. «Балтопс» проходил в этом году в 25-й раз. Наши корабли принимают участие в этих учениях всего пять лет, постепенно, раз за разом расширяя программу. В следующем году мы будем работать с кораблями НАТО на равных. А ведь, согласитесь, пять-шесть лет назад вообще было трудно помыслить,

что такое возможно. Балтийский флот в этом отношении оказался первопроходцем, но заслуги особой (или вины) нашей здесь нет: мы действуем в рамках большой политики, и, думается, это разумная политика.

За последние годы мы провели огромную работу в этом направлении. С начала 90-х годов корабли, суда и яхты флота 740 раз посещали иностранные порты с официальными визитами, деловыми заходами и для выполнения ремонта. В 33 портах 24 стран Европы, Азии, Америки и Африки побывали балтийцы. На берег сходили 47 тысяч членов экипажей. Корабли флота посетили свыше 20 тысяч человек. В то же время Балтийский флот посетило с визитами и деловыми заходами 98 кораблей и 6 самолетов иностранных ВМС из 19 стран Европы и Америки. Флот 64 раза посещали иностранные делегации, возглавляемые высшими военными и военно-морскими должностными лицами, а также более 70 других делегаций. Оцените эти цифры, и вы поймете: флот, помимо главной своей задачи — военной, выполняет и важные внешнеполитические функции.

От противостояния к сотрудничеству — так бы я определил вектор движения наших отношений с флотами других государств. И это нормальная практика. А вся эта деятельность, в конечном итоге, способствует укреплению авторитета флота и страны в целом. Мы интересами России не торгуем.

— **Повторю в этой связи вопрос, который слышу довольно часто: если нет врагов, то зачем вообще нужен флот?**

— Лучше Петра Великого не скажешь. Он ведь уподобил государство без флота человеку — с одной рукой.

Конечно, теоретически можно представить Россию без военно-морского флота. Мы вообще любим экспериментировать. Но не надо забывать, что зачастую за эти теории и «эксперименты» платили миллионами жизней.

У нас сегодня есть уменьшившийся флот. Но он хорошо сбалансирован, он молод, он способен выполнять задачи в любой точке Мирового океана, свидетельством чему является недавний поход эсминца «Настойчивый» в Южно-Африканскую Республику. Так далеко наши корабли не ходили почти сто лет.

Флот нужен России, и Россия необходима флоту — по-иному быть не может.

Я — КОНЯГА

— **И последний вопрос. Не сочтите его бесактным. Вы уже почти шесть лет командуете флотом. Для высокопоставленного военного столь долгое нахождение в должности, скорее, исключение, чем правило. Какую служебную перспективу вы видите для себя?**

— Вот говорят: «На переправе коней не меняют». Не улыбайтесь, я себя Конягой и считаю. Конягой, а не Пустоплясом, если воспользоваться терминологией Салтыкова-Щедрина. Я много раз мог уйти с этой должности и наблюдать за Балтийским флотом с расстояния в полторы тысячи километров. Но я сознательно не выбрал этот вариант, потому что считаю: я должен быть с теми людьми, которые поверили мне тогда, шесть лет назад, с теми, с кем переживаем мы эти трудные для флота годы.

Я критически оцениваю свою работу. Но я не вижу оснований сомневаться в правильности избранного мною пути и в правильности того пути, которым шесть лет мне довелось вести флот. Вернись я назад — я бы ничего не менял. Может, кое-что просто бы делал побыстрее. Я буду с флотом до тех пор, пока буду ощущать свою полезность ему. Когда я почувствую, что не могу быть Конягой, я уйду. Пустоплясом быть не желаю.

— Да, еще говорят, что долгое нахождение в одной должности — кратчайший путь к коррупции.

— Не знаю, не знаю. Я начинал службу на Северном флоте, служил на Черноморском, сюда, на должность первого заместителя командующего Балтийским флотом, прибыл с должности командующего Средиземноморской флотилией. Я плавал на всех типах кораблей — начиная с противолодочных и кончая авианесущими крейсерами. Мне выпало счастье держать флаг и на «Киеве», и на «Баку».

Я сошел с палубы, когда мне было 50 лет, день в день. Теперь судите сами, какой я коррупционер.

К тому же добавлю: на Балтийском флоте были командующие, находившиеся в должности и поболее моего. Ханыков Петр Иванович, Эссен Николай Оттович, Трибуц Владимир Филиппович, Харламов Николай Михайлович, Орел Александр Евстафьевич, Михайлин Владимир Васильевич... Так что я, сорок второй по счету командующий Балтийским флотом, в этом смысле вовсе не исключение из правил, а, скорее, продолжение традиции.

— И в заключение, товарищ командующий, ваши пожелания флоту, ведь через неделю — наш профессиональный праздник...

— Всем ветеранам флота, офицерам, мичманам, прапорщикам, старшинам и матросам, рабочим и служащим — большое спасибо за их труд и одно пожелание: верить в то, что трудные времена проходят, а флот, созданный на Балтике Великим Петром, будет здесь всегда. Нам доверено беречь флот и приумножать его славу. Будем достойны этого высокого доверия.

*Вел беседу
Валентин ЕГОРОВ*

19 июля 1997 г.

ФЛОТ НА СТЫКЕ ВЕКОВ

На вопросы «Красной звезды» отвечает командующий Балтийским флотом адмирал Владимир ЕГОРОВ.

— Товарищ адмирал, давайте начнем наш разговор с нетрадиционного вопроса: как настроение сегодня у командующего старейшим флотом России?

— Мое настроение определяется настроением флота. А Балтийский флот сегодня — организм живой, действующий. Сердце этого организма бьется ритмично, как у здорового человека. Хотя нашему флоту и исполнилось 294 года, он из флотов Российского государства по корабельному и авиационному составу самый молодой, а офицерскими кадрами укомплектован на 96 процентов. Вот этим и определяется сегодняшнее настроение командующего, если говорить в целом.

Конечно, нюансы, связанные с обычной нашей жизнедеятельностью, привносят иногда в настроение и огорчительные элементы. Но их немного. Руководство страны, Министерство обороны прилагает много усилий, чтобы у военных людей было меньше пессимизма. Значительную помощь Балтийскому флоту, войскам Калининградского особого района (КОРа) принесла и недавняя рабочая поездка в наш регион министра обороны России генерала армии Игоря Дмитриевича Сергеева.

— Выступая перед ветеранами Вооруженных сил, офицерами КОРа в гарнизонном Доме офицеров, министр обороны еще раз подтвердил, что курс Вооруженных сил на реформы бесповоротен. Вам, товарищ адмирал, как командующему Калининградским особым районом, пожалуй, лучше всех известно, в какой степени это касается группировки войск в самой западной области России...

— Министр обороны провел напряженный день на Балтийском флоте. И принял очень важные, определяющие судьбу флота решения. Флота двадцать первого века! Генерал армии Сергей утвердил перспективные разработки, сделанные штабом флота, главными штабами ВМФ и Сухопутных войск, Генеральным штабом. И для нас это имеет принципиальное значение.

Суть этих разработок — переход на территориальную систему формирования объединений оперативно-стратегического уровня. Объективно Балтийский флот работу в этом направлении начал первым в Вооруженных силах. А идея принадлежала теперешнему начальнику Генерального штаба генерал-полковнику Квашнину Анатолию Васильевичу (в то время еще заместителю начальника Главного оперативного управления генштаба) и начальнику штаба Балтийского флота (ныне начальнику Главного штаба ВМФ) адмиралу Куроедову Владимиру Ивановичу.

Так сложилось, что из восьми объединений оперативно-стратегического уровня, входивших в прошлом в Западное направление, Балтийский флот остался единственным в структуре Вооруженных сил. Четыре группы войск — Западная, Северная, Южная и Центральная — были расформированы, Прикарпатский, Белорусский, Киевский военные округа отошли к другим государствам. Балтийский флот вывел свои силы из шести государств, реформировался, но сохранил значительную часть своего потенциала для защиты интересов России на западном направлении.

В 1994 году решением руководства страны был создан Калининградский особый район, командование которым было возложено на командующего флотом с оперативным подчинением ему структур, находящихся на территории Калининградской области. КОР — первое в России оперативно-стратегическое объединение разнородных сил, построенное по территориальному принципу. В течение трех лет на стратегических учениях под руководством министра обороны и начальника Генерального штаба оно неоднократно показало свою целесообразность. Недавно, побывав в Калининграде, министр обороны конкретизировал решение о создании единой группировки с обеспечением действий флота в трех сферах: на море, в воздухе, на суше. В состав Балтийского флота войдет и сухопутная группировка, основу которой составит 11-я армия.

Таким образом, объективная реальность, научные разработки и практическая проверка результатов исследований привели к логическому формированию структуры Балтийского флота, в полной мере отвечающей замыслу военной реформы, утвержденной Президентом России.

Старшинство флота в Балтийской морской зоне никогда не вызывало, и тем более сейчас не вызывает, никакого сомнения у руководства страны и Вооруженных сил. В связи с геополитическими изменениями, происшедшими после 1991 года, значение Балтийского моря для защиты интересов России на ее западных рубежах возросло. Балтийский флот выступает гарантом обеспечения этих интересов — так было, так есть, так будет.

Для выполнения этой ответственной государственной задачи мы располагаем всем необходимым. Мы сохранили флот — наше национальное достояние — и сохранили в основном благодаря самоотверженности офицеров, мичманов, прапорщиков, рабочих и служащих, повседневному труду матросов и старшин.

— **Товарищ командующий, реформирование 11-й армии, передача ее в состав Балтийского флота, реструктурирование Калининградского особого района породили немало вопросов и слухов...**

— Вот от слухов я бы хотел предостеречь, хотя и понимаю, что они — своеобразное отражение того интереса, который порожден идущими реформами. И все же лучше оперировать не слухами, а фактами. Три года мы базируемся только на территории России, в Калининградской и Ленинградской областях. За это время отработана принципиально новая организационно-штатная структура флота и система управления ею. В состав флота введены Ленинградская военноморская база и части ПВО, организационно объединенные с ВВС флота.

А ведь введение частей ПВО в состав флота тоже было встречено неоднозначно. Лучше всего, на мой взгляд, ту настороженность развеял в своем выступлении перед летчиками-истребителями ведомый знаменитого аса Александра Ивановича Покрышкина полковник в отставке Георгий Гордеевич Голубев. Он тогда заявил, чтобы летчики не сомневались и смело шли под знамена флота. Ибо вместе с флотом Покрышкин и его боевые товарищи громили врага в суровую годину.

Отмечу: части ПВО в новой структуре работают отлично и признаны Генеральным штабом лучшими в России. Говорю об этом с гордостью, так как это уже видимые всеми результаты безошибочных расчетов и решений на их основе.

— **Владимир Григорьевич, думаю, вы согласитесь с тем, что реформы идущие и реформы предстоящие в мыслях людей нередко ассоциируются с ущемлением их социальных прав. Угроза сокращения порождает боязнь остаться без жилья, средств к существованию...**

— Социальная обстановка в частях флота, дислоцированных на территории как Калининградской, так и Ленинградской областей, определяется прежде всего очень тяжелым положением с обеспечением военнослужащих и их семей жильем. Этот вопрос министру обороны был должен отдельно. Генерал армии И. Д. Сергеев дал указание конкретизировать наши предложения по возможностям флота для ускоренной достройки объектов жилищного комплекса. На основании доклада министр обороны даст конкретные поручения соответствующим должностным лицам.

Возможностей же решить жилищную проблему у Балтийского флота значительно больше, чем у какого-либо другого флота или округа. Указом Президента РФ о реформировании военно-строительных органов наш строительный комплекс сохранен. Он позволяет возводить в год до полутора тысяч квартир. За прошедшие шесть лет число строителей сокращено в пять раз, при одновременном увеличении возможностей по возведению жилья в три раза, прежде всего благодаря творческой разработке своей серии домов «Слава», признанной на градостроительном совете Калининградской области лучшей и получившей высокую оценку на выставке строительной промышленности в Москве.

Дома этой серии уже возводятся в трех гарнизонах. Два заселены и получили высокую оценку жильцов. Мощность флотского комбината позволяет выпускать в год двенадцать многоквартирных домов при работе в одну смену. При нормальном финансировании мы можем к концу 2000 года решить в КОРе жилищную проблему. Будет решена жилищная проблема — естественно, будут решены и все другие.

— **Конечно, цифры эти впечатляют. Но особого оптимизма у бесквартирных, к тому же попадающих под сокращение, не вызывают. Может ли командующий КОРом дать людям какие-то социальные гарантии?**

— За шесть лет флот сокращен на 56 400 человек. Шесть тысяч офицеров уволено в запас. Столько же мичманов и прапорщиков. Это большие цифры и большая работа за ними, потому

что ни один человек не ушел с флота, не получив всего, что ему причитается, всего, что ему положено по закону. И в этом смысле командование флота стояло и будет стоять на страже интересов военнослужащих.

Впереди у нас тоже будут сокращения. Но — значительно меньшие. Они будут носить естественный характер. Накопленный флотом за эти трудные годы опыт и есть главная гарантия социальной защиты тех, кто отдал флоту лучшие годы жизни.

Люди моего поколения помнят хрущевское сокращение Вооруженных сил, знаменитые 1 миллион 200 тысяч человек. Я тогда работал токарем на Ленинградском заводе авиационного приборостроения, имел 5-й разряд. И приходили к нам на завод «выброшенные» из армии полковники, подполковники, майоры, которым оставалось до пенсии несколько месяцев... И становились они учениками. Всем нам была понятна драма этих людей и то, что с ними поступили в высшей степени несправедливо.

Повторять такое? Нет, я думаю, уроки того сокращения должны нас многому научить. Каждый увольняющийся сегодня в запас должен быть уверен: он не будет выброшен на улицу, его судьба под пристальным контролем Военного совета флота, который сделает все возможное для социальной поддержки и адаптации человека в погонах.

— **А как Балтийский флот в этом году выполняет планы боевой подготовки?**

— Не менее напряженно по сравнению с предыдущим. Не перегружая цифрами, скажу только, что флот выполнил ракетные пуски с успешностью 98 процентов. Проведено 12 значительных мероприятий на призы Военно-Морского Флота.

В этом году мы имели меньшие материальные возможности для проведения мероприятий боевой подготовки. Поэтому летний период боевой учебы разделен на две части. Первая — это базовая подготовка и отпуска офицеров и мичманов. Со второй половины августа начались интенсивные выходы кораблей в море под моим руководством. Комплексность боевой подготовки позволила при назначенных лимитах завершить выполнение годового плана.

Проведенные мероприятия обеспечили поддержание уровня боевой готовности флота и подтвердили хорошую подготовку всех категорий личного состава, что было отмечено и министром обороны на тактических учениях флота.

Все, что делается у нас сегодня, базируется на инициативе, ответственности, старании, выдержке прежде всего офицерского состава. Этот фундамент никогда не подводил флот и, уверен, не подведет.

*Беседу вел капитан 1 ранга
Валерий ГРОМАК*

«Красная звезда,
18 сентября 1997 г.

МОРЯКИ ДЕЛАЮТ ТО, ЧТО НЕ ВСЕГДА МОГУТ СДЕЛАТЬ ДИПЛОМАТЫ

Во второй половине дня в пятницу в Балтийске ошвартовался эсминец «Беспокойный», завершивший программу официальных визитов в Нидерланды, Великобританию, Бельгию. Наш спец. корр. беседует с командующим БФ адмиралом В. ЕГОРОВЫМ, под флагом которого проходило плавание, об итогах похода.

— Товарищ командующий, в контексте сегодняшних дней этот поход «Беспокойного» имеет мало прецедентов — корабль посетил три страны, плавание продолжалось три недели. Редко наши корабли уходят так далеко и так надолго.

— Да, для флота, ограниченного сегодня материальными рамками, поход «Беспокойного», действительно, явление необычное. Во-первых, своим масштабом: пройдено около 3 тысяч миль, эсминец побывал в трех странах, где достойно представил флаг России. Визиты «Беспокойного» подтвердили интерес к нашей стране и ее флоту и, в свою очередь, вызвали новый прилив этого интереса — иначе как объяснить, что на борту корабля за это время побывало более 30 тысяч человек. Вдумайтесь и оцените эту цифру. Хотя, с другой стороны, это обычная работа флота, и есть в его истории эпизоды более впечатляющие. Скажем, прошлогодний поход нашего флагмана эсминца «Настойчивый» в Южную Африку смотрится куда более заметным. «Беспокойный» же может гордиться другим большим и важным делом.

— **Каким же?**

— Мы зачастую забываем или попросту недооцениваем такой аспект нашей деятельности, как военная дипломатия. Немного необычно звучащее для нашего уха, это словосочетание — официальный термин во многих странах. И, на мой взгляд, он достаточно полно показывает направление нашей работы именно сегодня, когда рождается новый облик Европы, когда определяются военные доктрины России, с одной стороны, НАТО и других государств — с другой. Не случайно многие наши собеседники в ходе этих визитов отмечали: дипломатия флота сегодня зачастую опережает дипломатию политиков. И это — нормальное явление. В противном случае мы обрекаем флот на неполное использование его возможностей.

— Да, за эти три недели произошло несколько событий, которые газетчики разных стран тут же называли историческими.

— И это — как раз тот случай, когда они мало что преувеличили. Совместное учение «Беспокойного» с голландским фрегатом УРО «Блойс ван Треслонг» по маневрированию в ночных условиях с использованием таблицы сигналов Соглашения о предотвращении инцидентов на море — кто об этом мог подумать еще вчера? А совместное учение с английским фрегатом «Норфолк» по спасению терпящих бедствие на море? Обратите внимание: впервые наши корабли использовали не общегражданскую связь, а военный канал. Это же тоже своего рода прорыв в отношениях. Пусть это мероприятие не большого оперативного масштаба, но в данном случае надо подходить к происходящему не с количественными, а, скорее, с качественными критериями. Ибо, скажем, сделав первый шаг во взаимодействии с английским ВМС, обе стороны почувствовали готовность к совершению другого шага — совместному походу кораблей двух стран в 1999 году. От души надеюсь, что с российской стороны пойдет корабль именно нашего, Балтийского флота — мы это право заслужили.

— А не ловили ли вы себя на мысли, что наши инициативы о сотрудничестве встречают некое сопротивление со стороны собеседников?

— Нет, диалог всегда был открытым и честным: нам, профессионалам, договариваться зачастую легче, чем политикам. И я считаю состоявшиеся беседы с командующим флотом Германии вице-адмиралом Д. Хортенем, с командующим ВМС Королевства Нидерланды вице-адмиралом Г. Хоофтом, вторым морским лордом Великобритании адмиралом сэром Д. Бриджстоком, командующим ВМС Бельгии Тибо де Мезьером, другими представителями командования военно-морских сил государств, которые посетил «Беспокойный», достаточно плодотворными. Другое дело, мы иногда хотим — видимо, по известной русской привычке — подтолкнуть процессы, ускорить их. Запад же привык делать все постепенно, шаг за шагом. Помните, в разговоре с контр-адмиралом Тибо де Мезьером прозвучала мысль: мы с партнерами по НАТО вырабатывали общий язык более сорока лет. И это — тоже один из уроков этих встреч: надо, как договаривали древние, спешить медленно, надо учиться постепенности процесса, не теряя при этом главного его направления. И в этом смысле, скажем, такое беспрецедентное мероприятие, как совместное совещание командного состава английских ВМС и Балтийского флота России в управлении боевой подготовки ВМС Великобритании, где сравнивались две системы организации учебного процесса, показывает, что общий язык мы находить научились и что курс в наших взаимоотношениях с партнерами не теряем.

— «Беспокойный», помимо своей представительской и дипломатической функции, также принял участие в двух праздниках — днях ВМС Нидерландов и днях ВМС Бельгии. Что бы вы выделили здесь?

— Походы — это всегда школа. И морская, и, если хотите, просто школа гражданская, школа человеческая. И для меня в этих праздниках, пожалуй, самым впечатляющим и трогательным было отношение властей и организаторов торжеств к ветеранам Второй мировой войны, ветеранам флота. Вспомните, в Ден-Хелдере первый день праздника был целиком отдан этим заслуженным людям. Они гордятся своими наградами, с достоинством носят свою специальную форму. То же самое — в Великобритании. Ведь самые престижные снимки героев праздников в газетах — именно с ветеранами. Для них были организованы специальные встречи с русскими моряками, посещение нашего корабля. И надо было видеть, как хранят эти люди память о совместной с нами борьбе с фашизмом, с каким интересом сравнивают выучку и традиции русских моряков с традициями старших поколений. Эти люди — герои своих стран, они имеют достойную и уважаемую старость. И тут невольно вспомнишь, как накануне какого-нибудь нашего праздника начинаешь обращаться к нашим богатым людям и организациям, напоминая им о долге перед теми, кто отстаивал честь и независимость России. Горько об этом говорить, но для меня, да и для многих из нас, эти праздники зачастую окрашивались именно в такие тона.

— Может, не совсем обычный вопрос: а почему поход возглавил командующий флотом?

— Ну, если ответить проще, командующий флотом — тоже моряк, и ходить в море ему просто необходимо. Но не только в этом дело. За годы пребывания в должности я получил немало приглашений от командующих ВМС, министров обороны разных стран с просьбами побывать у них, на месте ознакомиться с ходом дел, обсудить какие-то инициативы. И это — нормально. Кое-что можно решить именно вне стен родного дома, ведь визиты — это еще и показатели степени доверия. Так на них привыкли смотреть. Принципиально важно то, что командующий флотом прибыл с визитом на корабле своего флота. Это — подтверждение того, что флот имеет высокий статус среди ВМС других стран, да и в системе собственно Балтийского флота. Если командующий идет в трехнедельный поход, значит, он уверен в корабле, его экипаже и — в надежном руководстве флотом со стороны оставшихся на берегу своих замести-

телей. Я вообще считаю, что командование флота должно чаще выходить в море, особенно заместители командующего.

— **Второй вопрос из ряда неожиданных: а почему с визитом пошел «Беспокойный», а не флагман флота «Настойчивый», как планировалось ранее?**

— Когда на борту «Настойчивого» я говорил о предстоящем походе, не скрою, думал про себя: неужели экипаж «Беспокойного» останется безучастным к реальной возможности опередить флагман, продемонстрировать более высокий уровень своей технической готовности и степени подготовленности экипажа? Конечно, я этого не говорил вслух, но то, что командир «Беспокойного» и его экипаж интуитивно почувствовали эту мысль и оказались чуть впереди своего более молодого собрата, убедило меня в выборе корабля...

— **Не разочаровались в выборе? Как показали себя в походе экипаж «Беспокойного», его командование, походный штаб?**

— На военных моряков легла тяжелая задача — не только по обеспечению плавания, но и своего рода представительская функция, о которой хорошо сказал чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации в Бельгии Сергей Кисляк: «В то время, когда определенным кругам выгодно представить Вооруженные силы России как нечто неуправляемое и разваливающееся, сам поход корабля, профессионализм экипажа, вид здоровых, веселых моряков делают то, что зачастую не могут сделать дипломаты».

Экипаж «Беспокойного» и его командир капитан 2 ранга Владимир Соколов очень достойно отработали все поставленные перед ними задачи. Ситуации бывали непростые. Вспомните проход проливной зоны в начале плавания, где очень серьезная нагрузка легла на БЧ-5, штормящее Северное море, выход из базы Ден-Хелдер при ветре более 20 метров в секунду. Трудную швартовку в Зеебрюгге при сильном отжимном ветре. Прием топлива, воды, масла от танкера «Ельня». Все это — своеобразные тесты на профессионализм, и эти тесты экипаж «Беспокойного» выдержал успешно.

Хорошо работал походный штаб, возглавляемый капитаном 1 ранга Олегом Демьянченко. Вся совместная операция с нидерландской и английской стороной была четко спланирована и столь же четко отработана. Причем, это не наша оценка, а оценка наших партнеров. Думаю, что это была хорошая школа для офицеров штаба, такого рода опыт по-своему уникален.

Добрых слов заслуживает и капитан 1 ранга Виктор Джуренко, начальник отделения международного сотрудничества Балтийского флота. Кто хоть раз сталкивался с подготовкой хоть одного визита, с отработкой официальных и неофициальных мероприятий, тот поймет, что на его плечи легла тройная такая нагрузка.

Словом, хочу поблагодарить всех участников этого похода — от моряков до командиров, от службы снабжения до музыкантов оркестра — у каждого была своя работа, и каждая работа была первостепенной. В заключение я бы хотел сказать следующее: наш поход и наши визиты — это закономерное продолжение давней и славной традиции, идущей еще с петровских времен. Россия — морская держава, и ее флот должны знать и уважать на всех морях и океанах. Не случайно серия этих официальных визитов завершает торжества, посвященные 300-летию Великого посольства — основателя нашего флота. Торжества завершаются, а походы еще будут — и в ближайшем будущем, и в перспективе. Ибо есть такое понятие — военная дипломатия, и без нее трудно представить сегодняшнюю жизнь флота.

*Капитан 1 ранга
Валентин ЕГОРОВ*

«Страж Балтики»,
28 июля 1998 г.

«МЫ ЖИВЕМ ОЧЕНЬ СКРОМНО, МОЖЕТ БЫТЬ, ДАЖЕ И БЕДНО, НО МЫ ЖИВЕМ С ЧЕСТЬЮ»

Интервью командующего Балтийским флотом адмирала Владимира ЕГОРОВА ведущему программы «Подробности» Сергею Паикову (РТР).

Пашков: Мы вспомнили о том, что в России есть военно-морской флот, в трагические дни конца августа и сентября. Мы говорим об этом сегодня, когда полным ходом идет операция по эвакуации тел погибших моряков с атомной подводной лодки «Курск». Беда в том, что именно трагедия заставляет нас вспоминать о нуждах и проблемах Российского флота. Сегодня в гостях у нашей программы адмирал Владимир Григорьевич Егоров.

Здравствуйте, Владимир Григорьевич.

Егоров: Добрый вечер.

Пашков: Вы — командующий Балтийским флотом, вы — опытный человек. Скажите, а надо ли заканчивать операцию по подъему тел моряков? Надо ли поднимать подводную лодку «Курск»?

Егоров: Ну, надо или не надо — это нужно было говорить еще до принятия решения, и вопрос этот многократно изучен. Есть решение президента. Работают над его выполнением опытейшие люди: адмирал флота Куроедов, адмирал Попов. Я могу сказать, что это люди высшей квалификации. Оба они служили у меня на флоте: начальником штаба — Владимир Иванович Куроедов, первым заместителем — Вячеслав Алексеевич Попов.

Пашков: То есть, я правильно понимаю, что они были вашими подчиненными?

Егоров: Да, они были моими подчиненными. Я абсолютно уверен в этих людях, лучше них никто не выполнит эту задачу.

Пашков: В данном случае, что главное: решение президента или желание моряков, офицеров Российского флота помочь своим погибшим товарищам?

Егоров: Это совпадающие понятия и действия. И решение президента идет в контексте как раз флотских традиций, и здесь нет никакого различия. Мы действуем по единому плану: и по плану совести, и по плану человеческого участия не только моряков, но и всех жителей нашей огромной страны.

Пашков: Почему я вас об этом спрашиваю? Потому что многие, в том числе и ваши товарищи по службе на флоте — опытные офицеры, кстати говоря, не раз говорили, что, может быть, не надо поднимать моряков. Что, может быть, атомная лодка — это достойная могила, и это тоже каким-то образом увязывается с морскими традициями.

Егоров: Вы знаете, на Балтике у нас 38 подводных лодок погибло во время Великой Отечественной войны. Мы знаем только могилы двух экипажей, подводных лодок С-7 и С-8. Вот эти экипажи мы не трогали и отдали им положенные почести. А если есть возможность реализовать наш христианский долг, то он должен быть обязательно выполнен по отношению к данному экипажу.

Пашков: Это то, что касается мертвых. А долг по отношению к живым?

Егоров: Здесь очень много помощи мы можем оказать. И, в частности, конечно, каждый, кто имеет совесть, обязан это сделать.

Пашков: «Мы» — вы имеете в виду флот?

Егоров: Я имею в виду всех людей. И, в частности, флот. Сейчас в Санкт-Петербурге готовим квартиры для 34 семей. Они изъявили желание жить именно здесь. Четырем семьям мы предложили квартиры в Калининграде, и три уже заселились. Поэтому на долю Балтийского флота выпала такая ответственная и очень, я бы сказал, тонкая миссия. Потому что надо не просто предложить квартиру, надо, чтобы человек согласился жить именно в этом районе и в этой квартире.

Пашков: Владимир Григорьевич, а почему — вы? Вы же не ведомство Валентины Матвиенко, вы — флот, вы должны решать боевые задачи, ваше ли дело заниматься квартирами?

Егоров: Вы знаете, известный писатель сказал слова, которые каждый моряк знает: «Флот помнит всех, а значит и меня». Поэтому мы несем полную ответственность за своих братьев, это наш святой долг.

Пашков: Я так понимаю, что Санкт-Петербург, Балтийск — это две основные базы Балтийского флота, вашего флота. Раньше, по-моему, вы базировались чуть ли не в пяти государствах...

Егоров: В шести...

Пашков: ...в шести. В каких, напомним?

Егоров: Германия, Польша, Литва, Латвия, Эстония, Белоруссия.

Пашков: Значит ли это, что в шесть... точнее, в три раза сократилось влияние, сила, могущество нашего Балтийского флота?

Егоров: Нет. Мы, действительно, численно сократились в три раза — на 90 тысяч человек мы уменьшили численность флота. Но мы сохранили тот потенциал, который нужен для России. Это другой совершенно флот, по сравнению с тем, каким он был в советское время.

Пашков: Хуже?

Егоров: Нет. Флот принципиально другой. Это разнородное, оперативно-стратегическое объединение. В состав флота вошли соединения и части бывшей 11-й армии, противовоздушной обороны. Поэтому мы сейчас имеем флот, который действует в трех средах одновременно: на море, в воздухе и на суше. И этот потенциал позволяет нам выполнять задачи, которые ранее выполняло целое стратегическое направление — Западное.

Пашков: Почему я вас спрашиваю? Потому что в последнее время именно в связи с трагедией на лодке «Курск» говорят о том, что Российского флота практически нет, что он исчез, что нет серьезного подводного флота, нет спасательной службы, нет... Много чего нет... Нет необходимых ресурсов. Судя по вашим словам, дела обстоят не так плохо, как об этом говорят?

Егоров: На флоте, наверное, больше специалистов, чем тех, кто об этом пишет и говорит. Ведь самые нелепые были публикации после трагедии с «Курском». И мы не будем на них останавливаться. Мы знаем свое дело, мы знаем, что нужно для России, и мы сохраняем то, что было заложено еще Петром I. Ведь флот — это не количество. Флот — это, прежде всего, качество, выраженное в современных кораблях, авиации, зенитных ракетных комплексах С-300, С-200, которыми мы обладаем. Это все работает на Россию. Говорить о том, что у нас все есть... Военные люди, наверное, никогда так не скажут. Надо только знать ту меру, которая является необременительной для нашего государства.

Пашков: И тем не менее, Владимир Григорьевич, вот я вижу Видяево... Я, к сожалению, не был в Балтийске, не знаю, как дела обстоят там. Но в Видяево обшарпанные дома, грязные подъезды, влачащие беднейшее существование семьи офицеров — это ведь тоже состояние Российского флота?

Егоров: Безусловно, мы живем очень скромно, и, может быть, даже и бедно. Но мы живем с честью. Мы ни у кого не просим, чтобы нам какое-то подаяние было. Что государство может — то оно даст.

Пашков: Своими силами жить вы можете?

Егоров: А мы так и живем... Десять лет мы живем тем, что было заготовлено еще нашими предшественниками в советское время. В частности, выйдя из шести государств, мы вывезли все запасы, и за счет этих запасов сохраняем техническую готовность. За это время мы обеспечили жильем 14 тысяч семей. И я думаю, что не каждый областной город может похвастаться такими темпами строительства. Мы имеем свой строительный комплекс, который дает возможность строить полторы тысячи квартир в год.

Пашков: Хорошо. Вы говорите о том, что флот, костяк флота, у нас сохранен, и у нас есть база для дальнейшего поступательного движения. Но вот вам пример: Балканы, шестая флотилия военно-морского флота США находится там, в самый острый политический момент мы им можем ответить только одним кораблем-разведчиком. Вы ведь, если я не ошибаюсь, командовали Средиземноморской флотилией. Как обстояли дела тогда?

Егоров: Да... действительно, я имел честь командовать флотилией и провел в Средиземном море значительное время... Первый раз был там в 1967 году, еще старшим помощником командира большого противолодочного корабля «Образцовый». И имел честь завершить службу на Средиземноморье командующим этой флотилии. Она долгое время была эскадрой, причем, подчинялась непосредственно Главнокомандующему Военно-Морским Флотом. Создавалась именно для решения вопросов политической стабильности в этом важнейшем регионе. Мы были на равных: шестой флот Соединенных Штатов Америки и пятая эскадра ВМФ СССР, потом флотилия. И когда обстановка нагнеталась, мы уравнивали друг друга... И флот, конечно, выполнял свою задачу, обеспечивая стабильность, мир, спокойствие. И, конечно, таких попыток, подчеркну — даже попыток, не говоря о масштабных боевых действиях, которые были продемонстрированы в Югославии, не было. И быть не могло. Конечно, сейчас позиции там ослаблены. И уже туда пришел флот Германии. Раньше его там не было, раньше он имел зону ответственности только в Балтийском и Северном морях. Я уверен, что наша страна, восстанавливая сейчас свое положение в мире, обязательно будет использовать флот как инструмент внешней политики.

Пашков: Спасибо, Владимир Григорьевич. Будем надеяться, что о Российском флоте мы будем вспоминать не только в трагические моменты, тем более что база, ядро флота, сохранены, и придет то время, когда с помощью флота мы будем решать наши и внешнеполитические задачи.

27 ноября 2000 г.

